

ISSN 2409-7136 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-12-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права, danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел. +7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-12-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava, danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Главный редактор

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Редсовет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (университет Катании, Италия) , доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov.Nikolay@mail.ru

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Боярский Марек - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша; Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Герд Винтер - доктор права, профессор, директор Научно-исследовательского Центра Европейского права окружающей среды Бременского университета (г. Бремен, Германия). Universität Bremen, Universitätsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Гузик-Макарук Эва Моника - доктор права, профессор Университета в Белостоке, Польша Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Гуляихин Вячеслав Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета

Даниленко Василий Иванович - кандидат политических наук, председатель совета директоров академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА») 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Ковлер Анатолий Иванович -доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушkinsкая ул., 34, Москва, 117218

Курбанов Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзнуэз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Рерихт Алла Альфредовна - кандидат юридических наук, научный сотрудник юридического факультета Университета г. Гамбурга. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушkinsкая, 34

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус

ДВФУ,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmмос@rambler.ru

Чернядзева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор, 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудриская, 9, оф. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov.Nikolay@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабиевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Матвеев Антон Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет", профессор кафедры гражданского права, la-musica@yandex.ru

Новиков Алексей Валерьевич - доктор педагогических наук, Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт ФСИН России", Главный научный сотрудник, Астраханский государственный университет, Профессор кафедры уголовного права, 140072, Россия, Московская область, пос. Томилино, ул. Пушкина, 59В, - , novikov.pravo@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmms@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел

Российской Федерации , профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией , 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Council of editors

Editor-in-Chief

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Editorial Board

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGU), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetananarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University, Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Boyarski Marek – Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Grafsky Vladimir Georgievich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenska str., 10.

Gerd Winter is a Doctor of Law, Professor, Director of the Research Center for European Environmental Law at the University of Bremen (Bremen, Germany). Universität Bremen, Universitätallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Guzik-Makaruk Eva Monica – Doctor of Law, Professor at the University of Bialystok, Poland Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Vyacheslav N. Gulyikhin – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Social Work and Pedagogy of Volgograd State University

Danilenko Vasily Ivanovich – Candidate of Political Sciences, Chairman of the Board of Directors of the academic publishing group "NOTA BENE" (LLC "NB-MEDIA) 115114, Moscow,

Paveletskaya Embankment, house 6A, office 211.

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Rashad Afatovich Kurbanov - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Roerich Alla Alfredovna - Candidate of Law, Researcher at the Faculty of Law of the University of Hamburg. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity — CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEPU campus,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10

Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmms@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.

chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia,

aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific

Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Matveev Anton Gennadievich - Doctor of Law, Perm State National Research University, Professor of the Department of Civil Law, 614051, Russia, Perm Krai, Perm, ul. Uinskaya, 13, sq. 124, la-musica@yandex.ru

Alexey V. Novikov - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Chief Researcher, Astrakhan State University, Professor of the Department of Criminal Law, 140072, Russia, Moscow region, village. Tomilino, Pushkin str., 59B, -, novikov.pravo@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhonovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

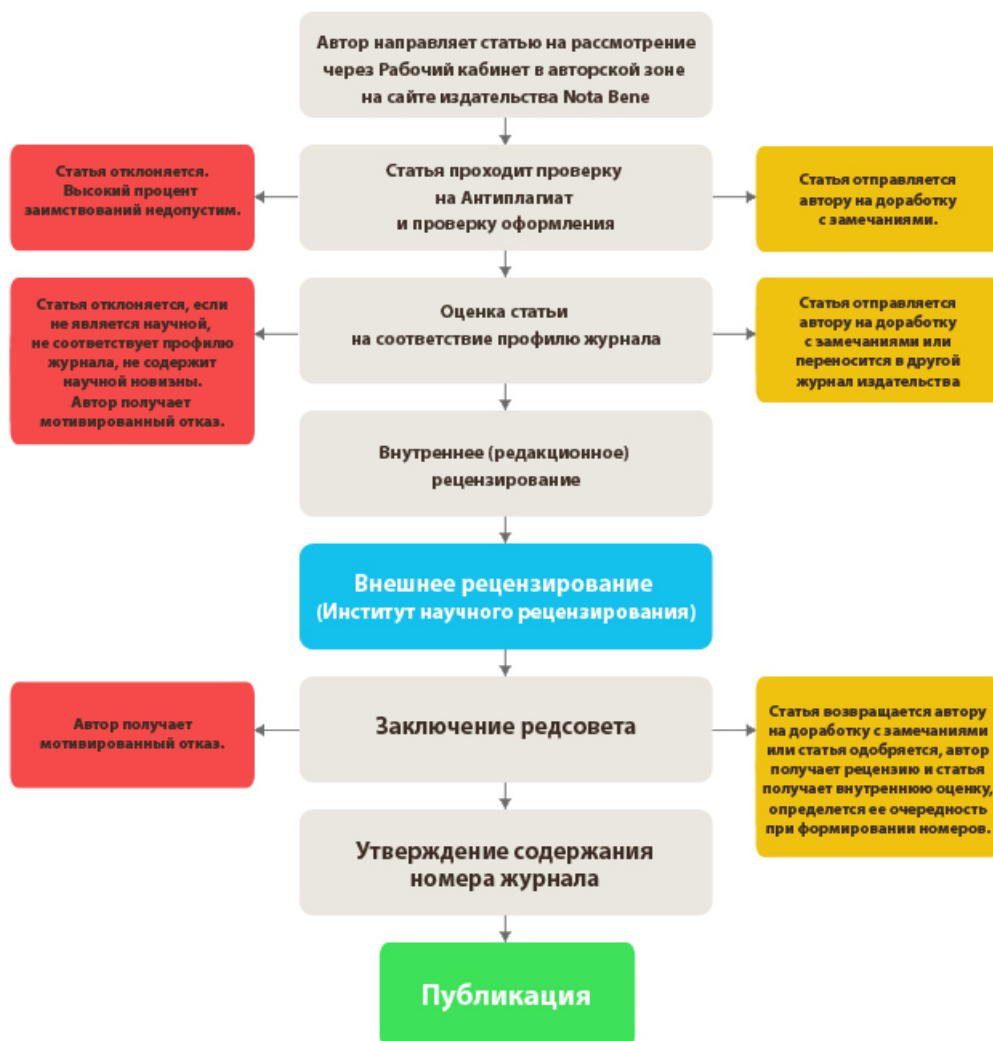
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Верхотуров Д.С. Научная сфера как объект правового регулирования в условиях применения искусственного интеллекта	1
Куделькин Н.С. Традиционное природопользование и охрана окружающей среды Севера (Часть 1)	23
Поярков С.Ю. Трансформация институтов гражданского общества и прямой демократии в процессе конституционной адаптации	39
Поликарпова О.С. Перспективные направления совершенствования досудебного производства в российском уголовном процессе	65
Леканова Е.Е. Специальные виды освобождения от ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности	76
Авакьян М.В., Балановский В.В. Оценка потенциала амитологии в качестве метода профилактики скулшутинга	88
Чекулаев Д.П. Освобождение обвиняемых – участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего	102
Скулаков Р.М. О проблемных вопросах призвания к международно-правовой ответственности военно-политических союзов органами международного правосудия	123
Двойнова Е.А., Литвинова С.Ф. Международно-правовые основы регулирования изменения климата и пути повышения эффективности международного сотрудничества	135
Николаев А.А. Применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ	150
Англоязычные метаданные	166

Contents

Verhoturov D.S. The scientific sphere as an object of legal regulation in the context of the use of artificial intelligence	1
Kudelkin N.S. Traditional Nature Management and Environmental Protection of the North (Part 1)	23
Poyarkov S.Y. Transformation of civil society institutions and direct democracy in the process of constitutional adaptation	39
Polikarpova O.S. Promising directions for improving pre-trial proceedings in the Russian criminal process	65
Lekanova E.E. Special types of exemption from liability for committing crimes in the sphere of economic activity	76
Avak'yan M.V., Balanovskii V.V. Amitology as a School Shooting Prevention Method: Potential Assessment	88
CHekulaev D.P. The release of accused participants of the special military operation from criminal liability and the rights of the victim.	102
Skulakov R.M. On the problematic issue of invoking to the international legal responsibility of the military-political alliances by bodies of the international judicial system	123
Dvoinova E.A., Litvinova S.F. International legal foundations for regulating climate change and ways to enhance the effectiveness of international cooperation	135
Nikolaev A.A. Applicability of the information intermediary status to digital platform operators	150
Metadata in english	166

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Верхотуров Д.С. Научная сфера как объект правового регулирования в условиях применения искусственного интеллекта // Юридические исследования. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76324 EDN: GDJAGI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76324

Научная сфера как объект правового регулирования в условиях применения искусственного интеллекта

Верхотуров Дмитрий Сергеевич

ORCID: 0009-0008-8769-1364

аспирант; кафедра информационного права и цифровых технологий; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»

410056, Россия, Саратовская обл., г. Саратов, Октябрьский р-н, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд 104 стр. 3

✉ dimanych02@mail.ru

[Статья из рубрики "Государственные институты и правовые системы"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.11.76324

EDN:

GDJAGI

Дата направления статьи в редакцию:

18-10-2025

Дата публикации:

11-11-2025

Аннотация: Развитие современных технологий является одним из ключевых факторов трансформации научной сферы, однако её правовое регулирование остаётся недостаточно разработанным. В статье исследуются правовые аспекты применения технологий искусственного интеллекта в научной деятельности. Рассматриваются различные подходы к пониманию категории «искусственный интеллект», анализируется действующее законодательство о науке, выявляются несоответствия современным реалиям и обосновывается необходимость обновления понятийного аппарата. На основе анализа нормативных актов и научной доктрины раскрываются ключевые дефиниции искусственного интеллекта, его классификация по степени автономности, а также выявляются пробелы в регулировании применения в научных исследованиях,

рецензировании, грантовой политике и обеспечении академической честности. Особое внимание уделяется вопросам ответственности при использовании автономных систем искусственного интеллекта, формированию этических стандартов и обеспечению прозрачности алгоритмических решений. Предлагается закрепить в законодательстве категорию «научная сфера» как системообразующее понятие, отражающее процессы создания, распространения и защиты научных знаний в условиях цифровой трансформации. Делается вывод о необходимости комплексного обновления законодательства о науке с учётом интеграции технологий искусственного интеллекта и формирования правовых механизмов, направленных на поддержание баланса между инновационным развитием, академической добросовестностью и публичной ответственностью научных институтов. Методологическую основу исследования составили системный, сравнительно-правовой формально-юридический, культурно-антропологический и дискурс анализ. Научная новизна исследования заключается в анализе применения технологий искусственного интеллекта в научной сфере. В работе проведён анализ правовых и этических механизмов обеспечения прозрачности и подотчётности решений искусственного интеллекта. Особое внимание уделено правовому режиму научных данных. В Исследовании рассматриваются ключевые термины и положения Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», это позволило оценить их актуальность и соответствие современным реалиям, а также определить направления интеграции технологий искусственного интеллекта в научную деятельность. Проведён сравнительный анализ зарубежных подходов к регулированию искусственного интеллекта, включая риск-ориентированные модели ответственности, аудит алгоритмов, обязательное раскрытие информации о применении технологий и меры по защите данных, что позволило выявить перспективные направления совершенствования национального законодательства и формирования эффективной системы правового сопровождения научной деятельности с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, научная сфера, научная деятельность, правовое регулирование, этические стандарты, цифровая трансформация, академическая честность, автоматизация научных процессов, государственная научная политика, технологии в науке

Введение

Развитие технологий неизменно влечёт за собой трансформацию всех сфер человеческой деятельности. Появление первых компьютеров и рост вычислительных мощностей ознаменовали начало новой эпохи в организации научного поиска и обработки информации. Сегодня наблюдается стремительный прогресс цифровых решений, вызывающий качественные изменения в общественных отношениях. Одним из наиболее значимых достижений современности является искусственный интеллект (далее – ИИ), уже нашедший широкое применение в экономике, транспортной сфере [\[1, с. 597\]](#), медицине, образовании, судебной деятельности [\[2\]](#) и иных областях. Однако правовое регулирование не всегда поспевает за технологическим развитием, что порождает целый ряд противоречий и коллизий при использовании ИИ. Научная сфера в данном контексте не является исключением.

Проблематика правового обеспечения ИИ получила отражение в работах: Арзамасова Ю.Г., Бундина М. В., Ереско П.В., Ивановой Л. А., Измайловой М. А., Минбалеева А.В. Романовой И. Н., Савушкина И. А., Семенова Е. В., Сливицкого А. Б., Чаннова С. Е. Чуриковой А. Ю., Щитовой А. А., Ярошенко Г. В., а также в зарубежных исследованиях: C. Bavitz, R. Budish, M. V. Butz, V. Buryaga, M. Cha, T. Davtyan, F. Doshi-Velez, V. Djuzhoma, G. G. Fletcher, S. Gershman, N. Grgic-Hlaca, J. K. Jeong, M. Kortz, M. M. Le, G. Lima, S. Narayanan, D. O'Brien, M. Potkewitz, K. Scott, A. Shieber, J. Waldo, D. Weinberger, A. Weller, A. Wood. Указанные исследователи внесли значительный вклад в развитие понятийного аппарата искусственного интеллекта, осмысление проблем ответственности, этических и правовых рисков его применения, а также в формирование принципов подотчётности и прозрачности алгоритмов. Вместе с тем правовые основы использования технологий ИИ именно в научной сфере остаются изученными лишь фрагментарно.

Цель исследования заключается в комплексном анализе использования ИИ в научной сфере, выявлении правовых и организационных последствий его интеграции, а также в формулировании предложений по уточнению понятийного аппарата и направлениям развития законодательства о науке в условиях цифровой трансформации.

Методологическую основу исследования составили диалектический, системный, сравнительно-правовой, формально-юридический, дискурс-анализ и культурно-антропологический методы. Диалектический метод позволил рассматривать правовое регулирование применения ИИ в научной сфере как динамично развивающуюся систему, находящуюся во взаимосвязи с социальными и технологическими изменениями. Системный подход использовался для выявления структуры и взаимозависимости элементов научной сферы. Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении российского законодательства с международными и зарубежными актами. Формально-юридический метод обеспечил анализ действующих нормативных положений и их толкование. Культурно-антропологический подход и дискурс-анализ использовались для интерпретации правовых и этических аспектов внедрения ИИ через призму научных ценностей, академической культуры и общественных представлений об ответственности и прозрачности алгоритмов.

Теоретико-правовое понимание искусственного интеллекта

С учётом возрастающего значения ИИ особую роль приобретает нормативное определение. В российской правовой системе ключевые дефиниции закреплены в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 и сопровождающей его *Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года* [Указ Президента РФ от 10.10.2019 №490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // *Собрание законодательства РФ*, 2019, №41, Ст. 5700]. Именно эти акты позволяют выстроить системное понимание ИИ, опираясь на три базовых термина: ИИ, технологии ИИ и перспективные методы ИИ.

Прежде всего, ИИ определяется как комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека и обеспечивающих результаты, сопоставимые либо превосходящие интеллектуальную деятельность человека [3, с. 9]. Далее законодатель выделяет технологии ИИ – совокупность прикладных направлений, включающих компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, а также интеллектуальную поддержку принятия решений. Особое внимание уделяется перспективным методам ИИ: инновационным подходам, ориентированным на создание универсального («сильного») ИИ, включая автоматическое машинное обучение, работу с

малыми массивами данных и использование новых типов вычислительных систем.

Тем самым в законодательстве формируется многоуровневое понимание ИИ, охватывающее как уже реализованные решения, так и перспективные модели. Такая системность имеет принципиальное значение для правового регулирования, поскольку обеспечивает учет как текущих практических задач, так и стратегических горизонтов научно-технологического развития.

Анализ юридической доктрины показывает, что подходы к определению ИИ различаются в зависимости от акцентов, расставленных авторами. Существует широкий функциональный подход, согласно которому ИИ рассматривается как «совокупность информационных, включая цифровые, технологии, позволяющих решать задачи, требующие интеллектуальных усилий, сопоставимых с человеческими» [\[4, с. 1097\]](#). Этот взгляд подчёркивает практическое назначение ИИ как инструмента обработки данных и поддержки принятия решений, но не раскрывает его внутреннюю структуру и технические механизмы.

Особый интерес представляет подход, в рамках которого модели ИИ строятся на алгоритмах и нейронных сетях, имитируя работу человеческого мозга с помощью математических моделей и выполняют такие функции, как анализ, синтез, обучение, управление, принятие решений, воспроизведение и генерацию звуков, а также выполнение действий, ранее присущих человеку. ИИ при этом постоянно совершенствуется, адаптируется к новым обстоятельствам и осуществляет поиск решений без заранее заданного алгоритма [\[5, с. 71\]](#). Такой подход подчёркивает технологическую природу ИИ и его когнитивные возможности, связывая функциональность с архитектурой системы.

Существует другой подход, ориентированный на автономность и когнитивное поведение. ИИ рассматривается как «система, способная принимать решения на основе опыта и взаимодействия с окружающей средой» [\[6, с. 38\]](#). Этот взгляд делает акцент на потенциальную способность ИИ к самостоятельному обучению и адаптации, что важно для прогнозирования, развития и определения границ правовой ответственности. Однако текущий уровень технологий не позволяет реализовать полноценную автономность: ни одна существующая система не обладает достаточной когнитивной самостоятельностью для принятия независимых решений.

Проведённый анализ терминов ИИ демонстрирует многообразие и отсутствие единого подхода, что создаёт трудности для правового регулирования и научной дискуссии. Для дальнейшего исследования важно рассмотреть существующие классификации ИИ, позволяющие систематизировать подходы к его пониманию по уровням функциональных возможностей и степени автономности. Это позволит выявить, какие типы ИИ уже активно применяются в научной сфере, а какие пока остаются перспективными моделями.

Слабый (узкий) ИИ [\[7, с. 10\]](#) представляет собой системы, разработанные для выполнения конкретных задач и не обладающие способностью к обобщению знаний или самостоятельному мышлению за пределами заданного алгоритма. Он работает строго в рамках своей специализации и не может адаптироваться к новым условиям без вмешательства человека. К этой категории относятся голосовые ассистенты, алгоритмы рекомендаций, чат-боты и специализированные ИИ-аватары. Слабый ИИ широко используется в промышленности, образовании, медицине и иных областях, демонстрируя высокую эффективность в конкретных прикладных сценариях.

Сильный (общий) ИИ ^[8] – гипотетическая модель, обладающая самосознанием, способностью к адаптивному обучению и обобщению знаний в различных областях. Такой ИИ мог бы решать интеллектуальные задачи на уровне человека, принимать решения самостоятельно и обучаться без ограничений. На сегодняшний день сильный ИИ не создан, однако ведутся активные исследования в области когнитивных архитектур, нейросетей и машинного обучения, направленные на достижение этой цели.

Помимо слабого и сильного ИИ, обсуждается концепция искусственного сверхинтеллекта (ИСИ), предполагающая создание систем, способных не только имитировать человеческий интеллект и поведение, но и превосходить его по уровню когнитивных способностей, скорости обработки информации и эффективности принятия решений ^[9, с. 156].

Изучение существующих подходов к определению и классификации ИИ показывает сложность и многоплановость этого объекта исследования. Полученные выводы создают основу для следующего этапа – анализа научной сферы, в которую ИИ активно интегрируется. Для корректной оценки его влияния необходимо чётко определить ключевые понятия, формирующие представление о структуре и содержании науки. Отсутствие унифицированной терминологии препятствует построению последовательной модели правового регулирования, поскольку внедрение ИИ затрагивает не только исследовательскую деятельность, но и организационные и институциональные основы функционирования науки. В этой связи обращение к содержанию базовых понятий в нормативных и доктринальных источниках выступает необходимым условием для анализа трансформации научной сферы под воздействием цифровых технологий.

Понятийный аппарат правового регулирования научной сферы

В статье 2 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» *[Федеральный закон от 23.08.1996 №127-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 1996, №35, ст.4137; 2025, №26 (часть I), ст.3489]* детально определены ключевые категории: «научная деятельность», «научно-техническая деятельность», «фундаментальные и прикладные исследования», «экспериментальные разработки», «инновационная инфраструктура», «научный результат» и другие. Эти дефиниции позволяют нормативно описывать процессы производства новых знаний, их практическое применение, а также формы государственной поддержки научной и инновационной деятельности.

Тем не менее закон не содержит понятие, которое охватывало науку как целостный институт. Термин «научная деятельность» сводится в первую очередь к целенаправленному получению и практическому использованию новых знаний. Между тем современная научная сфера формируется как многоуровневая система, включающая организационные инфраструктуры, научные организации, университеты, центры коллективного пользования оборудованием, уникальные установки, кадровый потенциал, механизмы финансирования, грантовые поддержки, систему подготовки научных кадров, этические стандарты, цифровые платформы обмена знаниями, а также международные коммуникации и кооперации. Поэтому прежде, чем обратиться к доктрине и понятийному аппарату, необходимо разграничить ключевые термины. В толковых словарях «наука» ^[10] определяется как система знаний о закономерностях природы, общества и

мышления, тогда как термин «научная сфера» не раскрывается. При этом само слово «сфера» [\[10\]](#) понимается как область или пределы распространения определённого явления.

Доктринальный анализ позволяет рассматривать «научную сферу» как обособленный сегмент социальной системы, выполняющий функцию производства и распространения научного знания. В её границах сосредоточены процессы, связанные не только с проведением фундаментальных и прикладных исследований, но и с формированием научных школ, организацией экспериментов, апробацией результатов. При этом научная сфера занимает особое место в системе общественного разделения труда, так как формирует интеллектуальный ресурс, обеспечивающий воспроизводство инновационного потенциала общества. В ряде научных подходов она определяется как своеобразная квазиотрасль, выступающая связующим звеном в инновационном цикле и интегрирующая науку с экономикой, государственным управлением и иными социальными институтами [\[11, с. 95\]](#).

Если обратиться к другим отраслям законодательства, то для обозначения комплексных областей общественных отношений используются специальные термины, закрепляющие соответствующие сферы деятельности. В абзаце 13 статьи 2 Модельного закона о международном информационном обмене [*«Модельный закон о международном информационном обмене» (Принят в г. Санкт-Петербурге 26.03.2002 Постановлением 19-7 на 19-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2002. № 29. С. 134 – 143]*] применяется понятие «информационной сферы», под которой понимается сфера деятельности субъектов, связанная с созданием, преобразованием и потреблением информации. В Указе Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [*Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 (ред. от 17.07.2025) «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // «Собрание законодательства РФ», 29.12.2014, № 52 (часть I), ст. 7753]*] используется смежное понятие «информационной среды», включающее совокупность средств массовой информации, радио- и телевидения, сети Интернет, а также цифровых архивов, библиотек и оцифрованных музейных фондов. В научной литературе под информационной средой, как правило, понимается совокупность технических и программных средств хранения, обработки и передачи информации, а также политических, экономических и культурных условий реализации процессов информатизации [\[12\]](#).

Исследование данных норм позволяет сделать вывод, что введение специальных понятий, отражающих определённые сферы общественной деятельности, является устойчивым приёмом нормативного и научного описания сложных систем. Такие термины позволяют обозначить границы и содержание соответствующих областей, систематизировать их элементы и обеспечить комплексный подход к регулированию.

Опираясь на выявленные положения, представляется возможным предложить следующее авторское определение. Под термином «научной сферы» предлагается понимать целостную область общественных отношений, включающую совокупность процессов, в том числе связанную с созданием, распространением, использованием, охраной научных знаний, организацией, развитием научных исследований, поддержанием академических стандартов, а также формированием и реализацией государственной научной политики.

Введение данного понятия необходимо по следующим причинам. Во-первых, в действующем законодательстве закреплён обширный перечень дефиниций, при этом их основное содержание связано с исследовательской деятельностью и её результатами. Во-вторых, современное научное развитие характеризуется комплексностью и междисциплинарностью. Научный процесс включает не только проведение исследований, но и подготовку кадров, управление научными организациями, разработку этических и правовых стандартов, обеспечение открытого доступа к результатам, а также применение ИИ и цифровых решений. В-третьих, закрепление понятия «научная сфера» позволит учесть институциональные, организационные и цифровые аспекты функционирования науки. Это создаст основу для формирования единой государственной политики, разработки специальных правовых режимов, а также для совершенствования механизмов финансирования и оценки результативности научной деятельности.

Применение искусственного интеллекта в научной сфере

Применение ИИ трансформирует сложившиеся механизмы функционирования научной сферы, создавая новые возможности для повышения эффективности научной деятельности, но одновременно порождая риски, связанные с достоверностью, прозрачностью и подотчётностью принимаемых решений. В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Указ Президента РФ от 07.05.2024 №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ, 2024, №20, ст.2584] закреплены задачи ускоренного внедрения ИИ технологий в ключевые сферы социально-экономического развития. В дополнение данных целей распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июля 2025 г. № 1805-р утверждено стратегическое направление цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 года [Распоряжение Правительства РФ от 05.07.2025 №1805-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 года и признании утратившим силу распоряжения Правительства РФ от 21.12.2021 №3759-р» // Собрание законодательства РФ, 2025, №28, ст.4024], где особое внимание уделено интеграции цифровых технологий и решений на базе ИИ в научные исследования и образовательный процесс. Указанные документы формируют нормативную основу, которая требует учёта как потенциала, так и рисков применения ИИ в научной сфере при разработке государственной научной политики и регулировании соответствующих общественных отношений.

Необходимость актуализации законодательства подтверждается и текущей законотворческой повесткой. Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию А.Г.Мажуга подчёркивает, что новый закон о науке должен включать вопросы применения ИИ, закреплять этические стандарты и современные подходы к оценке результативности исследований [\[12\]](#). Указанная позиция свидетельствует о стремлении законодателя сформировать целостную правовую модель, учитывающую трансформацию научного процесса под воздействием цифровых технологий.

В настоящее время алгоритмы машинного обучения и автоматизированные системы применяются для обработки и анализа больших массивов данных, моделирования сложных процессов, проведения вычислительных экспериментов. В сфере подготовки научных публикаций ИИ внедряется на этапах: структурирования текста, подбора

литературы, генерации черновых версий статей и автоматической проверки формата цитирования [\[13, с. 7-8\]](#). Одновременно активно развиваются технологии наукометрии: автоматизированные системы расчёта индексов цитируемости, анализа сетей цитирования и других показателей результативности научной деятельности, которые напрямую влияют на оценку эффективности исследователей, коллективов и научных организаций.

Одним из перспективных направлений применения ИИ становится использование в грантовой политике и смежных процедурах. ИИ интегрируется не только в процессы рецензирования и распределения ресурсов, но и в этапы подготовки заявок. Так, уже появляются специализированные сервисы и ИИ-агенты, способные автоматически формировать грантовые документы на основе представленных материалов и приводить в соответствие с требованиями конкретного грантодателя [\[14\]](#). Подобные инструменты существенно упрощают работу исследователей, сокращают временные затраты, минимизируют ошибки при оформлении. Вместе с тем их распространение сопровождается рядом вызовов: возрастают риски унификации проектов и подстраивания содержания под алгоритмические стандарты, усиливается вероятность смещения акцентов от научной новизны к формальным критериям, сохраняется проблема предвзятости алгоритмов и ограниченной прозрачности принимаемых решений.

Особое значение в условиях цифровой трансформации приобретает обеспечение академической честности и доверия к результатам исследований. В российских вузах и научных организациях ключевым инструментом проверки оригинальности является система «Антиплагиат», которая фактически стала обязательным этапом допуска научных и учебных работ к защите и публикации. В последние годы алгоритмы этой системы усложнились, она анализирует не только текстовое совпадение, но и структуру документа [\[15, с. 282\]](#). Нормативное регулирование по-прежнему не определяет статус систем антиплагиата, порядок их использования и юридическую силу выдаваемых ими отчётов, что создаёт правовую неопределённость.

Возникает дискуссионный вопрос о допустимости и формах использования ИИ в научной деятельности. С одной стороны, наличие обязательных систем проверки на плагиат и их несовершенство создаёт риски необоснованного признания работы несамостоятельной. С другой – скрытое использование ИИ подрывает принципы академической честности и может повлечь санкции в отношении автора. Данные противоречия обуславливают необходимость выработки единых правил, допускающих этичное применение ИИ. Одним из возможных решений является введение требований к авторам указывать ИИ-инструменты в списках использованных источников либо в специальных приложениях, фиксирующих сгенерированные им материалы.

В мировой практике уже наблюдаются случаи, когда журналы и университеты устанавливают правила обязательной фиксации использования ИИ-инструментов в научной и учебной деятельности. Например, издательство ACS (Американское химическое общество) требует, чтобы авторы указывали, какой именно ИИ-инструмент и в каком объёме был использован при подготовке рукописи, особенно если речь идёт о генерации текста или изображений [\[16\]](#). Среди университетов интересен подход к ИИ в Высшей школе экономики, где студенты обязаны представлять сведения применения ИИ в курсовых и выпускных работах, включая указание технологии, объёма использования и оценки её вклада. Несоблюдение этого требования рассматривается как нарушение академических стандартов [\[17\]](#). Такая практика представляется перспективной для научной сферы, поскольку обеспечивает прозрачность и воспроизводимость результатов

исследований, снижает риски академических нарушений и способствует формированию доверия к научным публикациям. Введение аналогичных требований в национальные стандарты и локальные акты научных организаций могло бы создать баланс между инновационностью и соблюдением принципов академической честности, минимизируя риски санкций за скрытое использование ИИ.

Значимым элементом регулирования использования ИИ в научной сфере становится формирование этических стандартов, которые дополняют правовые нормы и задают ориентиры поведения участников научного процесса. В российской практике важным документом является Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [\[18, с. 139\]](#), закрепляющий принципы ответственности, прозрачности, недискриминации и обеспечения прав человека при создании и применении ИИ-технологий. При анализе международного законодательства, особый интерес представляют: Рекомендации ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта (2021) и Принципы ОЭСР по искусственному интеллекту (2019) [\[19\]](#). Указанные документы направлены на выработку национальных стратегий, обеспечивающих баланс между инновационным развитием и защитой общественных интересов.

Ответственность за использование автономных ИИ-систем в научной сфере

В зарубежной и международной научной литературе активно обсуждается проблема распределения ответственности при использовании автономных систем ИИ, способных принимать решения без непосредственного участия человека. Одним из центральных вопросов является адаптация традиционных институтов гражданско-правовой и административной ответственности к новым формам причинения вреда, возникающим вследствие автономности и непрозрачности ИИ-алгоритмов [\[20\]](#).

В Европейском союзе данная дискуссия получила нормативное выражение в проекте Директивы о гражданско-правовой ответственности за ущерб, причинённый системами ИИ (AI Liability Directive). Документ предлагал ввести обратимую презумпцию причинной связи в тех случаях, когда потерпевший докажет нарушение оператором или разработчиком обязанностей по обеспечению прозрачности, безопасности или контролируемости ИИ-системы. Такой подход был направлен на смягчение последствий «причинной непрозрачности» – ситуации, когда невозможно точно установить, почему автономная система приняла то или иное решение. Несмотря на то, что в 2025 году Европейская комиссия приостановила продвижение данного проекта из-за отсутствия консенсуса между государствами-членами сам факт подготовки показывает стремление ЕС сформировать модель ответственности, основанную на сочетании общих принципов гражданского права и специальных норм, учитывающих техническую специфику алгоритмов.

Параллельно Европейский союз обновил директиву о дефектных товарах (Directive (EU) 2024/2853), включив в понятие «продукта» программное обеспечение, что создаёт правовую основу для возложения ответственности на производителей и операторов ИИ-систем, встроенных в продукцию. В финансовом секторе надзорные органы, включая Европейское агентство по ценным бумагам и рынкам (ESMA), уже требуют от банков и управляющих компаний сохранять персональную ответственность за решения, принимаемые с использованием алгоритмов. Европейская модель выстраивается вокруг идеи риск-ориентированного регулирования, при котором степень ответственности зависит от характера и потенциальной опасности алгоритмической автономии.

В Соединённых Штатах Америки подход к ответственности за действия ИИ-систем более

гибкий и децентрализованный. Отсутствие единого федерального закона компенсируется системой отраслевых правил, руководств и принципов, разрабатываемых агентствами и ассоциациями. В литературе отмечается, что американская модель опирается на расширение полномочий существующих органов, применение процедур оценки рисков (risk assessments) и стимулирование саморегулирования через механизмы прозрачности и аудита [21]. На практике это выражается в требованиях предоставлять объяснения алгоритмических решений (explainability), раскрывать данные об обучении и обеспечивать общественный надзор (human oversight). Однако такие требования носят преимущественно рекомендательный характер и реализуются через добровольные кодексы корпоративной ответственности, а не через законодательные предписания. В научных публикациях американских авторов подчёркивается тенденция к формированию гибридных моделей ответственности, основанных на сочетании надзорных и договорных механизмов [22]. Такая система позволяет возлагать ответственность как на разработчиков, так и на операторов, при этом учитывая контекст и степень автономности системы.

На доктринальном уровне ключевым вызовом остаётся так называемый эффект «чёрного ящика» (*black box*), когда сложность архитектуры модели делает невозможным установление причинно-следственной связи между действиями системы и наступившими последствиями [23]. Исследователи отмечают, что требование объяснимости (explainability) может использоваться как юридический инструмент восстановления связи между решением и ответственным лицом [24]. Однако чрезмерное упрощение алгоритмов ради объяснимости иногда приводит к искажению фактической картины, что создаёт риск ошибочной атрибуции ответственности.

Международные организации, включая ЮНЕСКО и ОЭСР, также формируют стандарты в этой области, закрепляя принципы общественного контроля, прозрачности, недискриминации и ответственности. В рекомендациях ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта (2021) подчёркивается необходимость внедрения процедур независимого аудита, сертификации и мониторинга систем ИИ, что способствует институционализации ответственности на уровне государств и организаций. Современные исследования [23] предлагают риск-ориентированные механизмы, при которых степень ответственности определяется уровнем автономности системы, вероятностью причинения вреда и возможностями вмешательства человека.

Тем не менее, при всех инициативах регулирование научной сферы применительно к автономным ИИ-системам остаётся фрагментарным. В частности: отсутствует чёткое определение статуса «автономной ИИ-системы», нет отдельных норм, регулирующих ответственность за ошибки или вред, нанесённый в связи с применением таких систем, неурегулированы вопросы использования и защиты научных данных в обучении моделей и аудита результатов. Отсутствует целостная система правового регулирования технологий ИИ, а действующие акты, не решают ключевые проблемные аспекты регулирования [25, с. 57]. Также исследования подчёркивают, что большинство норм юридического регулирования ещё не адаптировано к автономности ИИ-систем [26].

Сравнение с зарубежной практикой показывает, что в Европе и других юрисдикциях уже сформированы механизмы, которые могли быть адаптированы к научной сфере: риск-ориентированное регулирование, разделение ответственности между разработчиками, операторами и пользователями, требование аудита данных и алгоритмов, обеспечение объяснимости решений. В российском контексте эти механизмы реализованы частично,

либо полностью отсутствуют. Для научной сферы России целесообразно предусмотреть законодательное регулирование, которое закрепит понятие автономной ИИ-системы, установит правила аудита и верификации моделей и данных, распределит ответственность между разработчиками, операторами и научными организациями, защитит научную (в том числе конфиденциальную) информацию, используемую для обучения таких систем, и предусмотрит санкции за нарушения и механизмы страхования рисков. Это позволит привести национальное регулирование в соответствие с зарубежными практиками и повысить доверие к использованию ИИ в науке.

Правовой режим научной информации и особенности её использования

В контексте формирования и использования ИИ в научной сфере особое значение имеет правовой статус данных, применяемых для обучения и функционирования моделей. Эти данные формируют базу для генерации новых знаний, прогнозирования результатов экспериментов и автоматизации аналитических процессов. Однако, их правовая природа неоднородна и во многом зависит от источников происхождения, целей обработки и содержания самих сведений.

При анализе данных в первую очередь необходимо определить содержание информации. Российское законодательство в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025 // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448, 09.06.2025, № 23, ст. 3009] закрепляет дефиниции «общедоступной информации» и «конфиденциальной информации». К общедоступной информации относят общеизвестные сведения и иную информацию, доступ к которой не ограничен. В соответствии с этим законом, под конфиденциальной информацией понимается «обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия её обладателя». Исходя из этого, конфиденциальную информацию можно рассматривать как сведения, доступ к которым ограничен [\[27, с. 125\]](#).

Изучение Указа Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» [Указ Президента РФ от 06.03.1997 N 188 (ред. от 13.07.2015) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // «Собрание законодательства РФ», 10.03.1997, N 10, ст. 1127] позволяет выделить конкретные категории информации, подлежащие защите:

1. персональные данные;
2. сведения, составляющие тайну следствия и судопроизводства, а также сведения о лицах, в отношении которых применяются меры государственной защиты, и о самих мерах;
3. сведения, отнесённые к служебной тайне;
4. сведения, составляющие профессиональную тайну (включая врачебную, нотариальную, адвокатскую и иные, установленные законом);
5. сведения, образующие коммерческую тайну;
6. сведения о сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до их официальной публикации;

7. сведения, содержащиеся в личных делах осуждённых, а также сведения о применении к ним мер принудительного характера.

Законодатель закрепляет исчерпывающие критерии отнесения сведений к категории конфиденциальных, формируя нормативные основания для их правовой охраны.

Понимание того, что представляет собой «конфиденциальная научная информация», законодатель не даёт напрямую. Однако анализ норм об интеллектуальной собственности, коммерческой и служебной тайне, а также положений о защите сведений до их официальной публикации позволяет реконструировать её правовую природу. В этом контексте научная информация, не предназначенная для всеобщего доступа, приобретает статус конфиденциальной, если её раскрытие может причинить ущерб интересам правообладателя или государства.

Особое значение имеют сведения, составляющие служебную тайну. К объектам данного режима относятся военная тайна, тайна следствия и судопроизводства, а также налоговая тайна. Анализ Приказа Министра обороны Российской Федерации от 17 января 2022 г. № 22 «Об утверждении Перечня сведений Вооружённых Сил Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны» [*Приказ Министра обороны РФ от 17.01.2022 N 22 «Об утверждении Перечня сведений Вооружённых Сил Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.02.2022 N 67528) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 28.02.2022*] позволяет выделить научно-конфиденциальные сведения в оборонной сфере. К ним относятся: содержание и результаты научных исследований и НИОКР, планы и программы их реализации, деятельность научно-технических советов и координационных органов, организация и контроль выполнения научных работ, развитие лабораторно-экспериментальной базы, а также вопросы изобретательской, рационализаторской и диссертационной деятельности в военных образовательных организациях. Эти сведения обладают стратегической значимостью и требуют установления особого правового режима защиты.

Для понимания конфиденциальной информации в научной сфере важно рассмотреть законодательство о профессиональной тайне. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [*Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // «Собрание законодательства РФ», 28.11.2011, N 48, ст. 6724*] закрепляет, что проведение научных исследований, их публикация в научных изданиях и использование в учебном процессе допускаются только при наличии письменного согласия гражданина или его законного представителя. Это означает, что охране подлежат не только результаты исследований, но и сведения о личности участников, что формирует отдельный режим конфиденциальной научной информации в медицинской и биомедицинской сфере.

С точки зрения коммерческой тайны, Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О коммерческой тайне» [*Федеральный закон от 29.07.2004 N 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О коммерческой тайне» // «Собрание законодательства РФ», 09.08.2004, N 32, ст. 3283*] определяет её как сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), включая результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере. Статья 771 Гражданского

кодекса РФ [*«Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, N 5, ст. 410*] уточняет, что к конфиденциальным относятся сведения, касающиеся предмета договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, хода их исполнения и полученных результатов, если иное не предусмотрено договором.

Согласно статье 9 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О науке и государственной научно-технической политике», субъекты научной и (или) научно-технической деятельности имеют право на обмен информацией, за исключением сведений, относящихся к государственной, служебной или коммерческой тайне.

Исходя из проведённого анализа, под конфиденциальной научной информацией следует понимать сведения, полученные в ходе научных и научно-технических работ (включая методики, планы, протоколы испытаний, промежуточные и конечные результаты, а также персональные данные участников), доступ к которым ограничен в силу законодательства, договорных условий или ведомственных актов, и разглашение которых может причинить имущественный, организационный либо иной вред правообладателю или государственным интересам.

Конфиденциальность научной информации не следует приравнивать к государственной тайне. Статья 5 Закона РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 08.08.2024) «О государственной тайне» [*Закон РФ от 21.07.1993 N5485-1 (ред. от 08.08.2024) «О государственной тайне» // «Собрание законодательства РФ», 13.10.1997, N 41, стр. 8220-8235*] закрепляет перечень сведений, составляющих государственную тайну. В контексте науки закон выделяет сведения «о достижениях науки и техники, о научно-исследовательских, об опытно-конструкторских, о проектных работах и технологиях, имеющих важное оборонное или экономическое значение, влияющих на безопасность государства». Государственная тайна охватывает только те научные результаты, раскрытие которых может непосредственно повлиять на национальную безопасность или экономическую стабильность.

Исследованием была выявлена значимость разграничения категорий открытой, ограниченной и конфиденциальной научной информации. При этом в действующем законодательстве отсутствует чёткое определение понятия «научной конфиденциальной информации», что существенно осложняет её правовую охрану и практическое применение норм, регулирующих доступ и использование научных данных.

ИИ в науке ставит под вопрос традиционные принципы научной добросовестности и автономии исследователя. Алгоритмы машинного обучения способны выявлять закономерности и делать выводы без участия человека, однако при этом остаётся неясным, кто несёт ответственность за достоверность, корректность и этическую допустимость таких результатов. Особенно проблемным является вопрос воспроизводимости научных данных, если обучение модели осуществлялось на закрытых или частично недоступных массивах информации.

Отдельную угрозу представляет феномен «утечки научного знания». ИИ-системы, обученные на внутренней исследовательской информации, потенциально способны воспроизводить элементы этой информации в иных контекстах — например, при генерации новых текстов, моделей или гипотез. При отсутствии юридически закреплённого режима охраны такой информации это может привести к утрате приоритета научного открытия или неправомерному распространению сведений,

составляющих интеллектуальную собственность.

Заключительные положения

Развитие ИИ становится определяющим фактором трансформации современной научной сферы. Эти изменения открывают новые возможности для исследований, анализа и интерпретации данных, но одновременно создают сложные вызовы для правовой системы, не успевающей адаптироваться к темпам технологического прогресса. Проведённый анализ показал, что в международной практике формируется тенденция к интеграции правовых, этических и технологических механизмов, направленных на обеспечение прозрачности и подотчётности автономных систем, участвующих в создании научного знания.

Вместе с тем, российская правовая модель находится на стадии концептуального становления. Отсутствие целостного понимания научной сферы как особого объекта правового регулирования, а также неопределённость статуса данных, используемых для обучения ИИ-моделей, препятствуют формированию устойчивой системы ответственности и защиты исследовательской информации. Эти пробелы становятся особенно заметными в условиях активного внедрения автономных алгоритмов, способных принимать решения, влияющие на научные результаты и их достоверность. Существующее мнение, что на данном этапе специальная правовая регламентация эксплуатации ИИ в реальной жизнедеятельности не требуется, из-за его применения в различных сферах экономического, социального, научного и культурного развития [\[29, с. 8\]](#), является ошибочной.

Научная сфера требует особого подхода к регулированию ИИ – не только с позиций технической безопасности, но и в контексте сохранения академических ценностей, научной этики и доверия к результатам исследований. Перспективным направлением развития видится формирование специализированного правового режима, который обеспечит баланс между стимулированием инноваций и защитой интересов общества, государства и научного сообщества. Такой режим должен включать нормы, регулирующие обращение научных данных, механизмы распределения ответственности при использовании ИИ и институциональные гарантии прозрачности исследовательских процессов.

В целях системного обновления законодательства представляется целесообразным осуществить комплексное изменение Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», направленное на адаптацию его положений к условиям цифровой трансформации науки и активного применения технологий ИИ.

Предлагается закрепить понятие «научной сферы» как системной области общественных отношений, охватывающей процессы создания, распространения и охраны научных знаний. Следует установить правовые основы ответственности за применение автономных ИИ-систем, определив распределение обязанностей между разработчиками, операторами и научными организациями. Важно создать правовой режим научных данных, предусматривающий особый порядок их сбора, хранения, использования и защиты при обучении ИИ-моделей. Значимым направлением является введение обязательного аудита и сертификации ИИ-систем, применяемых в исследовательской практике, с учётом принципов прозрачности, объяснимости и достоверности принимаемых решений. Необходимым представляется также закрепление этических стандартов и принципов академической честности при использовании ИИ, включая

обязанность раскрывать факт его применения в научных публикациях и отчётности. Реализация указанных положений позволит сформировать целостную нормативную основу применения технологий ИИ в науке.

Библиография

1. Ересько П.В. Правовые проблемы регулирования технологий искусственного интеллекта в транспортной сфере / П.В. Ересько // Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы: Сборник докладов XI Московского юридического форума (XXIV Международной научно-практической конференции). В 3-х частях, Москва, 08-12 апреля 2024 года. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – С. 596-600. – EDN ADLXDD.
2. Чурикова А.Ю. Использование систем искусственного интеллекта судами: риск-ориентированный подход регулирования / А.Ю. Чурикова // Организационные модели обеспечения деятельности судов в XXI веке: российский и зарубежный опыт и перспективы развития: Сборник статей к 25-летию Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Москва, 16 марта 2023 года / Отв. за выпуск А.А. Арямов, Е.В. Бурдина, Е.В. Голошумов. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2023. – С. 395-400. – EDN BLOYSC.
3. Измайлова М.А. Роль искусственного интеллекта в построении адаптивной образовательной среды // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2024. №1. С. 8-26. DOI: 10.18184/2079-4665.2024.15.1.8-26 EDN: CJATAD.
4. Минбалеев А.В. Понятие "искусственный интеллект" в праве / А.В. Минбалеев // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2022. – Т. 32, № 6. – С. 1094–1099. – DOI 10.35634/2412-9593-2022-32-6-1094-1099. – EDN MPTQYE.
5. Ересько П.В. Правовое обеспечение безопасности информационного пространства Российской Федерации в сфере искусственного интеллекта / П.В. Ересько // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 10(122). – С. 69-76. – DOI 10.17803/2311-5998.2024.122.10.069-076. – EDN AOYARK.
6. Щитова А.А. Правовое регулирование информационных отношений по использованию систем искусственного интеллекта: специальность 12.00.13 "Информационное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Щитова Анастасия Андреевна. – Москва, 2022. – 225 с. – EDN AIUCYM.
7. Искусственный интеллект в юридической деятельности: учебник для вузов / под ред. С.Е. Чаннова. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 131 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-21196-2. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 10 – URL: <https://urait.ru/bcode/581673/p.10> (дата обращения: 17.09.2025).
8. Butz M.V. Towards Strong AI // *Künstl Intell.* 2021. Vol. 35. P. 91-101. DOI: 10.1007/s13218-021-00705-x. EDN: XCSBPT.
9. Чурикова А.Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Чурикова Анна Юрьевна. – Саратов, 2025. – 498 с. – EDN WFVIZP.
10. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: А ТЕМП, 2006. – 938, [3] с.; 27 см.; ISBN 978-5-9900358-6-7.
11. Семенов Е.В. Научно-технологическая сфера (сфера НИОКТР): способы представления объекта / Е.В. Семенов // Наука. Инновации. Образование. – 2013. – Т. 8, № 2. – С. 82-98. – EDN RSMYDP.
12. Смолян Г.Л. Некоторые ключевые понятия информатизации: категориальный статус и предметная область // Информационное общество. 2015. Вып. 1. С. 7-17. EDN: UDNYSV.

13. Мажуга А.Г. Как использование ИИ в науке должно быть урегулировано в новом законе // URL: <https://dzen.ru/a/aGU-H4nsMFP4N7c>.
14. Иванова Л.А. Искусственный интеллект при написании научных статей – положительный или вредоносный фактор? // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2024. №4. – С. 6-17. DOI: 10.51955/2312-1327_2024_4_6 EDN: YRKWJQ.
15. Автоматизируйте заполнение грантовых заявок с помощью ИИ-агента Грантмастер // URL: <https://nocsever.com/grantmaster#about>.
16. Ярошенко Г.В., Савушкин И.А. Социальные последствия применения систем искусственного интеллекта в образовании // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. №3. – С. 278-284. – DOI 10.22394/2079-1690-2023-1-3-278-284. – EDN QWUVMZ.
17. Artificial Intelligence (AI) Best Practices and Policies at ACS Publications // URL: https://researcher-resources.acs.org/publish/aipolicy-utm_source.
18. Правила использования искусственного интеллекта студентами НИУ ВШЭ // URL: https://www.hse.ru/studyspravka/ai_guidelines/.
19. Романова И.Н. Проблемы юридической ответственности за вред, причиненный при использовании технологий искусственного интеллекта / И.Н. Романова // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1-4), № 1. – С. 72-77. – DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.72-77. EDN: OXEXFY.
20. Арзамасов Ю.Г. Оптимальная модель правового регулирования в сфере искусственного интеллекта // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2023. №2 (53). – С. 133-148. – DOI 10.17308/law/1995-5502/2023/2/133-148. – EDN ALEBSL.
21. Davtyan T. The U.S. Approach to AI Regulation: Federal Laws, Policies, and Strategies Explained // SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=4954290>.
22. Fletcher G.G.S., Le M.M. The Future of AI Accountability in the Financial Markets // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. 2022. Vol. 24. P. 289.
23. Doshi-Velez F., Kortz M., Budish R., Bavitz C., Gershman S.J., O'Brien D., Scott K., Shieber S., Waldo J., Weinberger D., Weller A., Wood A. Accountability of AI Under the Law: The Role of Explanation // Berkman Center Research Publication, Forthcoming. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3064761> или <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3064761>.
24. Gabriel L., Grgic-Hlaca N., Cha M., Jeong J.K. The Conflict Between Explainable and Accountable Decision-Making Algorithms // SSRN. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2205.05306>.
25. Narayanan S., Potkewitz M. A risk-based approach to assessing liability risk for AI-driven harms considering EU liability directive // arXiv preprint arXiv:2401.11697. – 2023.
26. Сливицкий А.Б., Сливицкий Б.А. Анализ системы правового регулирования бытия технологий искусственного интеллекта / А.Б. Сливицкий, Б.А. Сливицкий // Управление наукой: теория и практика. – 2024. – Т. 6, № 2. – С. 53-61. – DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.5. – EDN IKHTEA.
27. Buryaga V., Djuzhoma V., Artemenko E. Shaping Artificial Intelligence Regulatory Model: International and Domestic Experience // Legal Issues in the Digital Age. 2025. Vol. 6(2). P. 50-68. DOI: <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2025.2.50.68>. EDN: CPXWBP.
28. Бундин М.В. Система информации ограниченного доступа и конфиденциальность / М.В. Бундин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 120-130. – EDN TLIEGV.
29. Мохоров Д.А., Мохорова А.Ю., Долженкова Е. Правовые проблемы применения искусственного интеллекта. Российское право онлайн. 2022;(2):5-11. DOI: 10.17803/2542-2472.2022.22.2.005-011. EDN: KAZRNY. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является научная сфера как объект правового регулирования в условиях применения искусственного интеллекта.

Методология исследования раскрыта: автором использовались диалектический, системный, сравнительно-правовой, формально-юридический методы, а также методы культурно-антропологического и дискурс-анализа. Ученому необходимо уточнить то, каким образом использовались эти методы.

Актуальность избранной автором темы исследования обоснована. Безусловно, одним из наиболее значимых достижений современности является искусственный интеллект (ИИ), уже нашедший широкое применение в различных сферах жизни. Однако правовое регулирование несовершенно, что порождает ряд противоречий и правовых коллизий при использовании ИИ. Научная сфера не стала исключением. Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием рассматриваемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в предложенном автором определении понятия «научная сфера» (целостная область общественных отношений, включающая совокупность процессов, в том числе связанных с созданием, распространением, использованием и охраной научных знаний, организацией и развитием научных исследований, поддержанием академических стандартов, а также формированием и реализацией государственной научной политики), а также рекомендациях по совершенствованию действующего законодательства в сфере науки. Автором установлено, что в ряде государств уже сформированы механизмы, которые могут быть адаптированы к научной сфере: риск-ориентированное регулирование, разделение ответственности между разработчиками, операторами и пользователями, требование аудита данных и алгоритмов, обеспечение объяснимости решений. В российском контексте эти механизмы либо реализуются частично, либо вообще отсутствуют. Ученым предложено закрепить понятие автономной ИИ-системы в научной деятельности, установить правила аудита и верификации моделей и данных, распределить ответственность между разработчиками, операторами и научными организациями; защитить научную (в том числе конфиденциальную) информацию, используемую для обучения таких систем; предусмотреть санкции за нарушения и механизмы страхования рисков. Также в исследовании выявлена значимость разграничения открытой, ограниченной и конфиденциальной научной информации.

Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, определяет его цель и методологию. В основной части работы автор осуществляет комплексный анализ использования ИИ в научной сфере, выявляет соответствующие правовые и организационные последствия, а также формулирует предложения по уточнению понятийного аппарата и направлений развития законодательства о науке в условиях цифровой трансформации. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Методологическую основу исследования составляют диалектический, системный, сравнительно-правовой и формально-юридический методы, культурно-антропологического и дискурс анализа" - "дискурс-анализа" (опечатка).

Ученый отмечает: "Именно эти акты позволяют выстроить системное понимание ИИ, опираясь на три базовые термина: ИИ, технологии ИИ и перспективные методы ИИ" - "базовых" (опечатка).

Автор указывает: "Однако текущий уровень технологий не позволяет реализовать полноценную автономность ни одна существующая система не обладает достаточной когнитивной самостоятельностью для принятия независимых решений" - "Однако текущий уровень технологий не позволяет реализовать полноценную автономность: ни одна существующая система не обладает достаточной когнитивной самостоятельностью для принятия независимых решений" (см. на пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 27 источниками (диссертационными работами, научными статьями, учебником, словарем), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А. В. Минбалева, А. А. Щитова). Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования обладают свойствами достоверности и обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания потенциальной читательской аудитории. Автором установлено, что в международной практике формируется тенденция к интеграции правовых, этических и технологических механизмов, направленных на обеспечение прозрачности и подотчетности автономных систем, участвующих в создании научного знания. Однако соответствующая российская правовая модель пока находится на стадии концептуального становления. В настоящее время отсутствует целостное понимание научной сферы как особого объекта правового регулирования. Также существует неопределенность статуса данных, используемых для обучения ИИ-моделей, что препятствует формированию устойчивой системы ответственности и защиты исследовательской информации. Перспективным направлением развития ученому видится формирование специализированного правового режима, который обеспечит баланс между стимулированием инноваций и защитой интересов общества, государства и научного сообщества. Указанный режим должен включать нормы, регулирующие обращение научных данных, механизмы распределения ответственности при использовании ИИ и институциональные гарантии прозрачности исследовательских процессов.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен, прежде всего, в сфере административного права, информационного права, гражданского права со стороны ученых, практикующих специалистов, обучающихся. Однако работа нуждается в доработке — автору необходимо дополнить вводную часть статьи и устранить опечатки в тексте.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на научную статью

«Научная сфера как объект правового регулирования в условиях применения искусственного интеллекта»

1. Предмет исследования

Предмет исследования сформулирован четко и актуально - это правовое регулирование научной сферы в контексте применения искусственного интеллекта. Автор предпринимает попытку комплексного анализа, охватывая понятийный аппарат, практику применения ИИ, вопросы ответственности и правовой режим научной информации.

2. Методология исследования

Заявленный методологический аппарат (диалектический, системный, сравнительно-правовой и другие методы) является обоснованным.

На практике методы применяются скорее для структурирования изложения, чем для глубокого анализа. Например, сравнительно-правовой метод использован для констатации различий, но не для выявления универсальных принципов, применимых в российской правовой системе.

3. Актуальность

Актуальность темы не вызывает сомнений. Цифровая трансформация науки и распространение технологий ИИ создают значительные вызовы для правового регулирования, и автор правильно акцентирует на них внимание.

4. Научная новизна

Научная новизна статьи выражена умеренно. В качестве основного элемента новизны предлагается авторское определение «научной сферы», призванное расширить узкую законодательную дефиницию «научной деятельности». Хотя сама по себе эта идея имеет потенциал, в статье не представлено достаточно убедительных аргументов, почему существующее легальное определение является недостаточным для целей регулирования ИИ, и чем именно предложенная дефиниция качественно меняет правовой анализ.

5. Стиль, структура, содержание

Стиль статьи соответствует научным стандартам, структура логична и последовательна. Содержание носит в большей степени аналитико-обзорный характер. Работа выполняет важную задачу систематизации проблемного правового регулирования, но для усиления ее значимости не хватает перехода к конкретным правовым предложениям и механизмам реализации выдвинутых идей.

6. Библиография

Библиографический список включает некоторые ключевые работы по теме, что демонстрирует осведомленность автора в предметной области. Вместе с тем, связь между многими цитируемыми источниками и собственными выводами автора могла бы

быть более явной и аргументированной.

7. Апелляция к оппонентам

Статья содержит ссылки на позиции законодателей и международный опыт, однако ей не хватает полемической остроты. Автор не вступает в заочную дискуссию с возможными оппонентами, которые, например, могут считать существующего правового регулирования достаточным или рассматривать ИИ как инструмент научных исследований, не требующий фундаментального пересмотра правовых подходов.

8. Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы статьи корректно обобщают поднятые проблемы, но носят слишком общий характер. Они констатируют необходимость «формирования специализированного правового режима», но не предлагают его конкретных контуров. Это может снизить практический интерес к статье со стороны законодателей и правоприменителей, хотя для научного сообщества она остается полезным обзором текущей ситуации.

9. Мнение рецензента

Статья представляет собой добросовестное, но не новаторское исследование. Ее основная сила заключается в систематизации широкого круга вопросов на стыке права, науки и технологий. Основная слабость - в недостаточной глубине проработки центральной идеи и преобладании описательного подхода над решением сложных правовых коллизий.

Рекомендации:

- усилить аргументацию новизны. Четче обосновать, почему легального определения «научной деятельности» недостаточно и как введение новой дефиниции повлияет на правоприменительную практику;
- конкретизировать выводы. Преобразовать общие формулировки в конкретные предложения (например, проекты норм, принципы распределения ответственности, алгоритмы аудита);
- углубить критический анализ. Рассмотреть и опровергнуть потенциальные контраргументы, что усилит позицию автора.

Заключение: статья может быть рекомендована к публикации после доработки, направленной на устранение указанных замечаний. Она представляет собой хорошую основу для дальнейших, более прикладных и сфокусированных исследований в данной области.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

ПОВТОРНАЯ РЕЦЕНЗИЯ на научную статью «Научная сфера как объект правового

регулирования в условиях применения искусственного интеллекта» (по результатам доработки)

1. Предмет исследования

Предмет исследования остался четко сформулированным и актуальным. В доработанной версии усилен акцент на комплексном характере научной сферы как объекта регулирования, что расширяет исходные рамки анализа.

2. Методология исследования

Состав методологической базы не изменился. На практике применение методов по-прежнему носит скорее описательный характер, хотя сравнительно-правовой метод теперь подкреплен более детальным сопоставлением с международными аналогами. Глубины аналитического применения методов по-прежнему не хватает.

3. Актуальность

Актуальность темы сохраняется на высоком уровне. Цифровая трансформация науки и распространение технологий ИИ создают значительные вызовы для правового регулирования, и автор правильно акцентирует на них внимание. Доработка усилила этот аспект за счет ссылок на новейшие стратегические документы (вплоть до 2025 года) и текущую законотворческую повестку.

4. Научная новизна

Научная новизна усилена. Автор не только предложил авторское определение «научной сферы», но и провел сравнительный анализ с терминами «информационная сфера» и «информационная среда»; конкретизировал правовые механизмы внедрения этого понятия; прямо оспорил позицию о нецелесообразности специального регулирования ИИ в науке.

5. Стил, структура, содержание

Содержание носит в большей степени аналитико-обзорный характер. Работа выполняет важную задачу систематизации проблемного правового регулирования. Структура улучшена за счет добавления новых смысловых блоков, особенно в части предложений по изменению законодательства. Стил остается научным, язык - юридически грамотным. Содержание эволюционировало от аналитико-обзорного к более конструктивному.

6. Библиография

Библиографический список расширен новыми источниками, включая ведомственные акты и современные научные работы.

7. Апелляция к оппонентам

Появилась прямая полемика с альтернативной точкой зрения (ссылка на мнение о необязательности специального регулирования ИИ). Это укрепляет позицию автора.

8. Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы стали значительно конкретнее. Теперь они включают: четкие предложения по изменению ФЗ «О науке...»; механизмы аудита и сертификации ИИ-систем; распределение ответственности между участниками.

Это повышает практическую ценность статьи для законодателей и правоприменителей.

9. Мнение рецензента

Статья серьезно доработана и демонстрирует качественный рост: усилена аргументация ключевых положений; предложены конкретные правовые механизмы; расширен критический анализ.

Рекомендации к публикации:

Статья рекомендуется к опубликованию в рецензируемом научном издании. Незначительные стилистические правки не влияют на общую высокую оценку работы.

Заключение:

Доработанная версия статьи представляет собой завершенное, актуальное и практически значимое исследование, вносящее вклад в развитие правового регулирования научной деятельности в условиях цифровизации и распространения технологий искусственного интеллекта.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Куделькин Н.С. Традиционное природопользование и охрана окружающей среды Севера (Часть 1) //

Юридические исследования. 2025. № 11. С. 23-38. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76653 EDN: DTBWITH URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76653

Традиционное природопользование и охрана окружающей среды Севера (Часть 1)

Куделькин Николай Сергеевич

кандидат юридических наук

Ведущий научный сотрудник; Сектор экологического, земельного и аграрного права ИГП РАН

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

✉ nkkix@inbox.ru

[Статья из рубрики "Экологическое и земельное право"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.11.76653

EDN:

DTBWITH

Дата направления статьи в редакцию:

06-11-2025

Дата публикации:

13-11-2025

Аннотация: Предмет работы составляют правовые нормы, посвященные коренным малочисленным народам и традиционному природопользованию, а также положения документов стратегического планирования, касающиеся данной тематики. Целью работы является формулирование на основе анализа федерального и регионального законодательства, документов стратегического планирования, а также информации о коренных малочисленных народах, традиционном природопользовании и состоянии окружающей среды выводов и предложений, направленных на совершенствование правового регулирования в данной сфере. В процессе работы использовались общенаучные, частные и специальные методы. В том числе: синтез, анализ, дедукция, обобщение, аналогия, индукция, формально-юридический и другие методы. Об актуальности темы исследования, с одной стороны, говорит то, что право на

осуществление традиционного природопользования является важным элементом сохранения культуры коренных народов, проживающих на территории Российской Федерации, поскольку именно благодаря осуществлению традиционной хозяйственной деятельности происходит сохранение этнической одежды, предметов обихода, фольклора и языка. С другой стороны – то, что на возможности осуществления традиционного природопользования оказывает сильное воздействие как промышленное освоение АЗРФ и Севера в целом, так и изменение климата. Таким образом, в сфере обеспечения права на традиционное природопользование существует множество задач, решать которые необходимо в том числе и с помощью правового регулирования. В работе сделан ряд выводов и предложений. Так, ввиду того, что традиционное природопользование полностью зависит от окружающей среды и природных ресурсов представляется логичным рассматривать возможность полноценного осуществления традиционного природопользования в качестве одного из индикаторов благоприятного состояния окружающей среды. В работе отмечено, что положения документов стратегического планирования, касающиеся коренных малочисленных народов, могут быть использованы в качестве основы как для совершенствования существующего, так и для разработки нового законодательства, посвященного вопросам традиционного природопользования и охраны окружающей среды в местах его осуществления.

Ключевые слова:

рациональное природопользование, Арктика, Север, традиционное природопользование, коренные малочисленные народы, охрана окружающей среды, рыболовство, оленеводство, коневодство, охота

Постановка проблемы. Право на осуществление традиционного природопользования является важным элементом сохранения культуры коренных народов населяющих территорию России. Согласно ч. 1 ст. 69 Конституции Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами. Также государство гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия (ч. 2 ст. 69 Конституции РФ). Как справедливо пишет В.А. Кряжков в российских конституционных нормах традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в первую очередь рассматривается как объект государственной защиты. Это, в свою очередь, способствовало формированию в России законодательства, направленного на сохранение названного образа жизни [\[1, с. 46\]](#).

В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208) (далее – Закон о гарантиях) к коренным малочисленным народам Российской Федерации относятся народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями. В приведенной выше норме закреплён перечень условий, которым должен соответствовать народ, для того чтобы его можно было отнести к коренным малочисленным. Как видно, среди этих обязательных критериев указана и необходимость осуществления традиционной хозяйственной деятельности. Определение традиционного природопользования, осуществляемого коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего

Востока Российской Федерации, содержится в ст. 1 Федерального закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (СЗ РФ. 2001. № 20. Ст. 1972) (далее – Закон о ТТП), согласно которой под ним понимаются исторически сложившиеся и обеспечивающие неистощительное природопользование способы использования объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. В данном определении как указывается субъект осуществления данного вида природопользования – коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока России, так и устанавливаются специальные критерии, которым должно соответствовать природопользование. Первый исторический, который вероятно подразумевает под собой то, что вид природопользования должен осуществляться данными народами на протяжении длительного времени, то есть не быть современным, однако здесь отсутствует указание на длительность данного периода, что в принципе может приводить к определенным сложностям на практике. Второй критерий говорит о том, что природопользование должно быть неистощительным, то есть не вызывать деградацию экосистем, в которых оно осуществляется и (или) на которые оказывает воздействие.

В свою очередь, виды традиционной хозяйственной деятельности перечислены в Перечне видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденном распоряжением Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р (СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2493), всего называется 13 видов такой деятельности, например, животноводство, в том числе кочевое (оленоводство, коневодство, яководство, овцеводство), собаководство (разведение оленегонных, ездовых и охотничьих собак), рыболовство (в том числе морской зверобойный промысел) и реализация водных биологических ресурсов, промысловая охота и др.

Согласно п. 1 ст. 1 Закона о гарантиях Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации утверждается Правительством РФ, такой Перечень утвержден Постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 (СЗ РФ. 2000. № 14. Ст. 1493). В настоящий момент в названном Документе перечислено 47 народов. Здесь следует обратить внимание на то, что в Арктической зоне Российской Федерации (далее – АЗРФ) проживает большое количество представителей коренных малочисленных народов. Данный факт заслуживает особого внимания в том числе и из-за природных, климатических, экономических и геополитических особенностей АЗРФ. Так, Арктика играет важную роль в обеспечении стратегических интересов России в самых различных областях. Ресурсный потенциал АЗРФ в состоянии обеспечить развитие как самих арктических территорий, так и страны в целом. Добываемые в АЗРФ полезные ископаемые, их разведанные запасы и прогнозные ресурсы составляют основную часть минерально-сырьевой базы России. В АЗРФ активно развивается добыча углеводородного сырья и твердых полезных ископаемых, что сопряжено с причинением экологического вреда. В районах, где добыча энергоресурсов ведется с советских времен (п-ова Таймыр и Ямал, Республика Коми, побережья Восточно-Сибирского моря), накоплен колоссальный экологический вред окружающей среде. К наиболее значимым источникам загрязнения окружающей среды АЗРФ относится нефтегазодобывающая промышленность, добыча и переработка полезных ископаемых, предприятия топливно-энергетического комплекса, автомобильный, железнодорожный, морской транспорт и др. Также АЗРФ характеризуется уникальными экосистемами и населена большим количеством разнообразных животных, растений и грибов, многие из которых занесены в Красную книгу (О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в

2023 году. М.: Минприроды России; ООО «Интеллектуальная аналитика»; ФГБУ «Дирекция НТП»; Фонд экологического мониторинга и международного технологического сотрудничества, 2024. С. 228–236). Из приведенной выше характеристики АЗРФ видно, что, с одной стороны, регион обладает уникальной природой и биологическими ресурсами, которые обеспечивают в том числе и возможность проживания коренных малочисленных народов, осуществляющих традиционное природопользование, а с другой – АЗРФ испытывает на себе мощное давление антропогенной деятельности, которое в ближайшее время будет только увеличиваться. Что, в свою очередь, может оказывать воздействие на природопользование коренных народов как путем создания помех для такого вида хозяйства, например, создавая препятствия для осуществления традиционного природопользования, так и оказывая негативное влияние на окружающую среду региона, являющуюся основой жизнедеятельности населения Севера, особенно занимающегося исконными видами природопользования. Представляется, что промышленное освоение и разработка ресурсов АЗРФ в частности и Севера страны в целом является одной из основных угроз для осуществления традиционного природопользования, а следовательно, и для сохранения культуры и традиций народов, проживающих на этих территориях. Как отмечается в литературе, биологические ресурсы Арктики, которые используются коренным населением, включая малочисленные народы, для ведения традиционного природопользования, являются достаточно ограниченными, а осуществляемое промышленное освоение Севера, которое часто ориентировано на извлечение прибыли и не учитывает природные и социальные особенности региона, способно привести к экологическому кризису катастрофических масштабов [\[2, с. 54\]](#), который неминуемо отразится на коренном населении. Также серьезной угрозой для традиционного природопользования, осуществляемого в северных районах страны, является изменение климата. Ученые обращают внимание на то, что наблюдаемые климатические изменения оказывают особенно сильное негативное влияние на коренные народы Севера, жизнедеятельность которых связана с природной средой и биологическими ресурсами [\[3, с. 2\]](#). Так, в результате опроса представителей коренных малочисленных народов, проживающих на территории Якутии, об изменении климата исследователи получили следующие результаты. Подавляющее большинство опрошенных (77,1%) говорят о том, что за последние 30 лет они наблюдают изменения климата. В частности, респонденты называли такие изменения в экосистемах на территориях традиционного природопользования, как усиление густоты растительности (оленьи пастбища обросли кустарниками), цветение и увядание растений не по сезону, увеличение численности хищных животных, изменение путей миграции животных, а также сроков нереста рыб и сокращение их численности. В целом большинство опрошиваемых лиц обращали внимание на непредсказуемость погодных явлений в последние годы, которая создает серьезные проблемы при ведении традиционного природопользования. Подавляющее число респондентов говорят об ухудшении условий по всем основным видам традиционного природопользования, осуществляемого в Республике Саха [\[3, с. 7–8\]](#).

В рассматриваемом контексте логично привести научное мнение, согласно которому именно благодаря осуществлению традиционной хозяйственной деятельности происходит сохранение этнической одежды, предметов обихода, фольклора и языка, следовательно, сохранение и поддержка традиционного природопользования жизненно необходимы для сохранения материальной и духовной культуры коренных народов [\[4, с. 26\]](#), например, в Республике Саха главенствующим этносохраняющим видом традиционного природопользования является оленеводство, в свою очередь, охота, рыболовство и сбор

дикоросов играют роль сопутствующих ему видов природопользования. В литературе подчеркивается, что к концу XIX в. домашнее оленеводство распространилось практически на всю территорию Якутии [5]. Таким образом, традиционное природопользование является основой традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, под которым согласно п. 2. ст. 1 Закона о гарантиях понимается исторически сложившийся способ жизнеобеспечения малочисленных народов, основанный на историческом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований. При этом, как справедливо пишет В.В. Устюкова, в сфере реализации прав коренных малочисленных народов на осуществление традиционного природопользования существует огромное количество проблем, которые необходимо решать в срочном порядке, особенно в условиях интенсивного освоения Арктического региона России [6, с. 153]. В свете приведенных выше фактов особенно актуальным и интересным видится вопрос правового обеспечения традиционного природопользования во взаимосвязи с охраной окружающей среды. Поскольку данные факторы оказывают прямое влияние друг на друга.

Документы стратегического планирования. Вопросам, касающимся коренных малочисленных народов, посвящено довольно большое количество положений документов стратегического планирования. Например, в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, утвержденных Указом Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 (СЗ РФ. 2020. № 10. Ст. 1317) (далее – Основы политики), пп. е п. 4 охрана окружающей среды в Арктике и защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, проживающих на территории АЗРФ, отнесены к одним из основных национальных интересов Российской Федерации в Арктике. Можно сказать, что в Основах политики отмечена тесная взаимосвязь между качеством окружающей среды, жизнью и бытом коренных малочисленных народов и эти два национальных интереса объединены в одном пункте не случайно. Поскольку полноценное ведение традиционного природопользования возможно только при здоровой окружающей среде.

В соответствии с пп. а п. 9 Основ политики повышение качества жизни населения АЗРФ, в том числе лиц, относящихся к малочисленным народам, является одной из целей государственной политики Российской Федерации в Арктике. В качестве одних из основных задач в сфере экономического развития АЗРФ в Основах называется сохранение и развитие традиционных отраслей хозяйствования, народных промыслов и ремесел, способствующих обеспечению занятости и развитию самозанятости лиц, относящихся к малочисленным народам (пп. з п. 12), обеспечение доступа лиц, относящихся к малочисленным народам, к природным ресурсам, необходимым для ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности (пп. и п. 12), развитие механизмов участия лиц, относящихся к малочисленным народам, и их уполномоченных представителей в принятии решений по вопросам осуществления промышленной деятельности в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности (пп. к п. 12). В пп. е п. 28 Основ декларируется, что реализация государственной политики Российской Федерации в Арктике среди прочего позволит обеспечить защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов.

Представляется, что на современном этапе развития, связанного с активным освоением Севера, обеспечение доступа представителей коренных малочисленных народов к необходимым им природным ресурсам является одной из самых важных и сложных

задач, которые необходимо срочно решать, в том числе и с помощью специального правового регулирования. Как пишет В.А. Батырь, одним из вопросов, который необходимо решить при совершенствовании законодательства об АЗРФ, является достижение оптимального соотношения между промышленным освоением АЗРФ и традиционным природопользованием [7, с. 104]. Следует согласиться с высказыванием автора и добавить, что достижение такого баланса будет способствовать как обеспечению прав коренных малочисленных народов, так и сохранению окружающей среды региона.

Согласно пп. 6 п. 4 Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, утвержденной Указом Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 (СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 6970) (далее – Стратегия), к одной из особенностей АЗРФ, определяющих специальные подходы к ее социально-экономическому развитию и обеспечению национальной безопасности в Арктике, отнесена высокая чувствительность экологических систем к внешним воздействиям, особенно в местах проживания коренных малочисленных народов.

В соответствии с пп. е п. 5 Стратегии значение Арктической зоны в социально-экономическом развитии России и обеспечении ее национальной безопасности обусловлено в том числе и тем, что в АЗРФ проживает 19 малочисленных народов, располагаются объекты их историко-культурного наследия, имеющие историческую и культурную ценность общемирового значения. Среди мер, направленных на выполнение основных задач в сфере социального развития Арктической зоны, в Стратегии названы в том числе обеспечение сохранения и популяризации культурного наследия, развития традиционной культуры, сохранения и развития языков малочисленных народов (пп. с п. 11 Стратегии). Как уже говорилось выше, сохранение культуры и быта малочисленных народов невозможно без сохранения традиционной хозяйственной деятельности, а для этого необходимо поддерживать благоприятное состояние окружающей среды.

Выполнение основных задач в сфере экономического развития АЗРФ обеспечивается в том числе такой мерой, как разработка и реализация программы государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов (пп. в п. 12 Стратегии).

Согласно пп. в п. 32 Стратегии на третьем этапе ее реализации (в 2031–2035 гг.) предусматривается обеспечение доступности качественных социальных услуг для лиц, относящихся к малочисленным народам, и интенсивное развитие их традиционной хозяйственной деятельности. Очевидно, что для интенсивного развития традиционного природопользования нужны довольно обширные территории, обладающие необходимыми природными ресурсами и здоровой окружающей средой, таким образом, данный пункт говорит и о необходимости соблюдения баланса между природоохранными интересами и интересами по промышленному освоению АЗРФ.

В Экологической доктрине Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р (СЗ РФ. 2002. № 36. Ст. 3510) (далее – Экологическая доктрина), указывается на то, что для решения задачи государственного содействия экологизации гражданского общества среди прочего необходимо создание условий для поддержания и развития традиционного экологически сбалансированного природопользования коренных малочисленных народов. Также в Экологической доктрине говорится о том, что осуществление поддержки традиционной экологически сбалансированной хозяйственной деятельности необходимо и для обеспечения устойчивого природопользования.

Особого внимания в рассматриваемом контексте заслуживает Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 8 мая 2025 г. № 1161-р (СЗ РФ. 2025. № 19. Ст. 2374) (далее – Концепция развития). В п. 8 названной Концепции, в котором дается общая характеристика российского законодательства, касающегося коренных малочисленных народов, подчеркивается зависимость традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности от сохранности исконной среды обитания таких народов. Представляется, что основной качественной характеристикой, связанной с сохранностью исконной среды обитания, является состояние окружающей среды данных территорий и возможность доступа к природным ресурсам. В п. 26 рассматриваемого документа говорится, о неприспособленности традиционного образа жизни коренных малочисленных народов к современным экономическим условиям. Здесь следует обратить внимание и на то, что развитие экономики в настоящее время во многом зависит от эксплуатации природных ресурсов, что связано с негативным воздействием на окружающую среду, а следовательно, оказывает воздействие и на традиционное природопользование. О таких проблемах, наряду с потеплением климата, говорится в п. 29, 30 Концепции развития.

В п. 27 Концепции развития указывается на такую современную проблему, как цифровое неравенство (или цифровой разрыв от англ. “Digital divide”), с которой сталкиваются представители коренных народов, например, при доступе к разрешительной системе в сфере природопользования. Как верно пишет Н.И. Соловяненко, разрушительным признаком цифрового разрыва, наблюдаемого в настоящее время в разных сферах жизни и деятельности, является отсутствие цифровой грамотности, знаний или навыков, необходимых для решения задач в цифровой сфере [\[8\]](#). Здесь можно также упомянуть о сложности осуществления доступа в Интернет в условиях, в которых проживают представители малочисленных народов Севера. Таким образом, даже лица, ведущие традиционный образ жизни и осуществляющие традиционное природопользование, могут сталкиваться с такими современными проблемами, как цифровой разрыв. Для решения данной проблемы необходимо повышать как уровень технического оснащения, так и уровень специальных познаний представителей коренных народов, необходимых для получения цифровых услуг, в том числе и в сфере природопользования.

В п. 28 Концепции развития говорится о таких серьезных проблемах, как реализация права коренных малочисленных народов Севера на приоритетное пользование объектами животного мира, земельными участками, водными объектами и другими обособленными природными объектами, их эффективного участия в консультативно-совещательных органах, осуществляющих разработку рекомендаций в области использования и охраны объектов животного мира, и ряда других.

Среди принципов устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера в пп. г, д п. 35 Концепции развития называются признание значения земли, природных и биологических ресурсов, благополучия окружающей природной среды как основ традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности таких народов, рациональное устойчивое использование земель, природных и биологических ресурсов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. Подпункт а п. 36 Концепции развития в качестве одной из целей рассматриваемого документа называет сохранение исконной среды обитания и традиционного природопользования, необходимых для обеспечения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера.

Следует высоко оценить данные положения рассматриваемой Концепции поскольку хотя и косвенно, но они говорят о необходимости охраны окружающей среды для сохранения традиционного образа жизни коренных народов. В п. 50 Концепции развития перечислены результаты, которые должны быть достигнуты по итогу ее реализации. Среди них следует особенно отметить приоритетный доступ коренных малочисленных народов Севера к природным ресурсам в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности (пп. б п. 50) и названное в пп. а п. 50 усовершенствование нормативно-правовой базы, обеспечивающей защиту прав коренных малочисленных народов Севера, их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, традиционной хозяйственной деятельности и промыслов. Что говорит о важности и необходимости развития правового регулирования в данной сфере.

Федеральное и региональное законодательство. Большое внимание вопросам осуществления традиционного природопользования уделено в Федеральном законе от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (*СЗ РФ. 2004. № 52 (часть I) Ст. 5270*) (далее – Закон о рыболовстве). Согласно п. 6, ч. 1 ст. 2 Закона о рыболовстве одним из принципов законодательства в данной сфере является учет интересов населения, для которого рыболовство является основой существования, в том числе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, согласно которому им должен быть обеспечен доступ к водным биоресурсам для обеспечения жизнедеятельности населения. Данный принцип раскрывается в положениях рассматриваемого Закона. Одним из видов рыболовства согласно п. 7 ч. 1 ст. 16 является рыболовство в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Правовые основы осуществления данного вида рыболовства заложены в ст. 25 рассматриваемого Закона. Названный выше вид рыболовства может осуществляться как с предоставлением рыболовного участка, так и без. Во втором случае разрешения на добычу (вылов) водных биоресурсов не требуется, за исключением добычи (вылова) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов водных биоресурсов.

В рассматриваемом контексте следует привести Решение Верховного Суда РФ от 4 сентября 2023 г. № АКПИ23-524 «Об удовлетворении заявления о признании частично недействующим абзаца седьмого пункта 2 Административного регламента Федерального агентства по рыболовству по предоставлению государственной услуги по подготовке и принятию решения о предоставлении водных биологических ресурсов в пользование, утвержденного Приказом Росрыболовства от 10 ноября 2020 г. № 596» (далее – Административный регламент) (*Бюллетень Верховного Суда РФ, № 4, апрель, 2024 г. (извлечение)*). Так, согласно абзацу седьмому пункта 2 Административного регламента указанные в пп г п. 2 лица, относящиеся к малочисленным народам, должны постоянно проживать в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, вести традиционный образ жизни, осуществлять традиционную хозяйственную деятельность и заниматься традиционными промыслами.

Заявитель, являющийся представителем коренного малочисленного народа Севера, обратился в Верховный Суд РФ с административным иском о признании не действующим абзаца седьмого пункта 2 Административного регламента в той части, в которой он признает необходимым указанным в пп. г п. 2 лицам постоянно проживать в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов в соответствии с Перечнем мест, утвержденным распоряжением

№ 631-р, ссылаясь на то, что оспариваемое положение противоречит Закону о рыболовстве, Правилам подготовки и принятия решения о предоставлении водных биологических ресурсов в пользование, утвержденным постановлением Правительства РФ от 15 октября 2008 г. № 765 (*СЗ РФ. 2008. № 42. Ст. 4836*) и нарушает его право на получение водных биологических ресурсов для осуществления традиционного рыболовства.

В обоснование заявленного требования указано, что Охотским территориальным управлением Росрыболовства Заявителю было отказано в предоставлении водных биологических ресурсов в пользование для осуществления традиционного рыболовства в 2023 г. на основании требований, установленных в том числе абзацем седьмым п. 2 Административного регламента, а именно в связи с тем, что Заявитель не проживает по месту традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов. При рассмотрении заявления Верховный Суд, ссылаясь на правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в постановлении от 5 июля 2021 г. № 32-П (*СЗ РФ. 2021. № 28 (часть II). Ст. 563*), подчеркнул, что проживание вне мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренного малочисленного народа само по себе не свидетельствует о том, что представитель этого народа прекратил данный статус или иным образом утратил этническую и культурную связь со своим народом и территориями, на которых тот проживает. Поэтому ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» не может рассматриваться как исключаящая представителя коренного малочисленного народа из числа лиц, на которых распространяются гарантии, предусмотренные названным Законом, в том числе в области традиционного природопользования, лишь на основании того, что он не проживает в указанных местах постоянно. В итоге, проведя всесторонний анализ правового регулирования в данной сфере, Верховный Суд РФ решил административное исковое заявление Заявителя удовлетворить. Признать не действующим со дня вступления решения суда в законную силу абзац седьмой п. 2 рассматриваемого Административного регламента в той мере, в какой данное нормативное положение в системе действующего правового регулирования не предусматривает возможности получения государственной услуги по подготовке и принятию решения о предоставлении водных биологических ресурсов в пользование лицом, которое является представителем одного из коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, если такое лицо не проживает постоянно в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности этого народа, но сохраняет объективно подтвержденную связь с данными территориями, с традиционным образом жизни и традиционной хозяйственной деятельностью своих предков, в том числе осуществляет в указанных местах традиционную хозяйственную деятельность в дополнение к основной деятельности по месту постоянного проживания. Представляется, что приведенное выше решение Верховного Суда РФ вносит большой позитивный вклад в дело охраны культуры и традиций коренных малочисленных народов Севера, поскольку оно направлено на защиту права на традиционное природопользование тех представителей малочисленных народов, которые по каким-либо причинам постоянно не проживают в местах традиционного природопользования, но не желают утрачивать культуру предков и связь поколений.

Здесь следует отметить, что значение традиционного рыболовства для коренных народов Севера крайне высоко. Например, как справедливо пишут Малышева М.С. и Игнатьева П.М. рыболовство является одним из основных элементов жизнедеятельности и традиционной культуры коренных малочисленных народов, проживающих на территории

Якутии, которые с давних пор ловили и заготавливали рыбу в летний период на всю зиму. В Республике Саха основная часть промыслового улова (около 89%) приходится на арктические улусы из-за их приуроченности к низовьям рек. Большую часть такого улова составляют сиговые виды рыб, которые осуществляют нерестовые миграции вверх по течению в летне-осенний период время, а в зимний – вниз по течению, в дельтовые зоны. Соответственно промысел носит сезонный характер из-за зависимости от сроков нереста. Вылов осуществляется преимущественно рыболовецкими производственными кооперативами, объединившими большую часть мелких хозяйств и родовых общин коренных малочисленных народов Севера. При этом авторы акцентируют особое внимание на необходимости сохранения этнической культуры питания в условиях урбанизации и изменения образа жизни и говорят о нерациональности и опасности для здоровья перевода коренных народов Севера на европейскую структуру питания [\[9\]](#).

В свою очередь, следует подчеркнуть, что традиционное рыболовство зависит от состояния поверхностных водных объектов, надлежащая охрана которых необходима не только в общих целях защиты природы, но и для обеспечения традиционного природопользования. Поскольку причинения вреда водным биологическим ресурсам в результате, например, загрязнения водных объектов нефтью и (или) нефтепродуктами может существенно повлиять на ведение традиционного рыболовства, вплоть до его полного прекращения.

В настоящее время на осуществление традиционного рыболовства оказывает влияние и потепление климата, так, жители Якутии, занимающиеся традиционным рыболовством, отмечают следующие изменения – поздний ледостав и ранний ледоход на реках и озерах, изменения русел рек, обмеление озер, увеличение числа заболоченных мест. Изменение водного режима водных объектов, которое приводит к изменению сроков летнего и осеннего хода рыбы, нарушению нереста. Из-за потепления меняется состав и численность водных биологических ресурсов [\[3, с. 9\]](#).

Согласно п. 4 ст. 2 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (*СЗ РФ. 2009. № 30. Ст. 3735*) (далее – Закон об охоте) одним из принципов правового регулирования в данной сфере является учет интересов населения, для которого охота является основой существования, в том числе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. В соответствии с ч. 2 ст. 11 в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации к охотничьим ресурсам также относятся гагары, бакланы, поморники, чайки, крачки, чистиковые. Согласно ч. 2 ст. 19 Закона об охоте охота в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности осуществляется свободно (без каких-либо разрешений) в объеме добычи охотничьих ресурсов, необходимом для удовлетворения личного потребления.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 28 мая 2019 г. № 21-П (*СЗ РФ. 2019. № 22. Ст. 2902*) подчеркнул, что, порядок рассматриваемого вида охоты характеризуется особым правовым режимом, в рамках которого (в отличие от иных видов охоты) такая охота выступает для соответствующей категории лиц основой существования и самобытности. Можно сказать, что Конституционный Суд указал на важность осуществления традиционного природопользования, в данном случае охоты, для сохранения коренных народов их культуры и быта. Также Конституционный Суд

постановил, что по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования ст. 19 Закона об охоте предполагает, что поскольку лицом, имеющим право пользования объектами животного мира в пределах установленных лимитов использования объектов животного мира для удовлетворения личных нужд, является каждый член общины коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации вне зависимости от наличия у него статуса охотника, то в случае, если охота в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности осуществляется такой общиной, члены этой общины вправе поручить одному или нескольким ее членам, имеющим статус охотника, добычу охотничьих ресурсов в объеме, не превышающем сумму приходящихся на каждого члена общины лимитов использования объектов животного мира для удовлетворения личных нужд. По мнению В.А. Кряжкова, приведенное выше постановление Конституционного Суда является историческим событием, поскольку впервые решение, вынесенное с позитивным итогом для заявителя, касалось защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [\[10\]](#).

В соответствии со ст. 9 Федерального закона 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» (*СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462*) лица, относящиеся к коренным малочисленным народам Российской Федерации, и представители других этнических общностей, если исконная среда их обитания и традиционный образ жизни связаны с животным миром, наряду с общими правами граждан в области охраны и использования животного мира, сохранения и восстановления среды его обитания наделяются особыми правами, предусмотренными в ст. 48 и 49 названного выше Закона. К таким правам относятся право на применение традиционных методов добычи объектов животного мира и продуктов их жизнедеятельности и право на приоритетное пользование животным миром.

Следует отметить, что, например, у жителей Республики Саха, ведущих традиционный образ жизни, охота остается одним из основных видов хозяйственной деятельности. В период межсезонья охота наравне с рыбной ловлей является практически единственным источником свежего мяса, особенно в арктических районах. При этом коренное население отмечает, что потепление климата приводит к изменению путей миграций добываемых животных. Например, в Оленекском и Усть-Янском районах наблюдается изменение путей и сроков миграции дикого северного оленя, являющегося основным объектом охоты [\[3, с. 9\]](#). В литературе подчеркивается, что дикий северный олень является ключевым звеном экосистемы Арктики. А потепление климата способно оказать существенное влияние на этих животных, вплоть до их эволюционных изменений. Это говорит о важности сохранения популяции северного оленя, что будет способствовать не только охране природы Севера, но и обеспечению населения Арктики важным пищевым ресурсом (*URL: <https://news.kmnsoyuz.ru/news/25865> дата обращения: 29.09.2025*).

В рассматриваемом контексте также заслуживает внимания Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» (*СЗ РФ. 2020. № 29. Ст. 4503*) (далее – Закон № 193-ФЗ). Непосредственно самой государственной поддержке традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в АЗРФ, посвящена ст. 28 рассматриваемого Закона. Часть 1 указанной статьи предусматривает утверждение Правительством РФ Программы государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов (далее – Программа). Такая Программа утверждена

распоряжением Правительства РФ от 15 апреля 2021 г. № 978-р (СЗ РФ. 2021. № 17. Ст. 3007). Программа определяет цели, задачи и основные механизмы государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, проживающих в АЗРФ, и направлена на их устойчивое развитие ^[11]. Часть 3 рассматриваемой статьи предусматривает утверждение уполномоченным федеральным органом стандарта ответственности резидентов Арктической зоны во взаимоотношениях с коренными малочисленными народами, проживающими и (или) осуществляющими традиционную хозяйственную деятельность в Арктической зоне. Такой стандарт утвержден приказом Минвостокразвития России от 23 ноября 2020 г. № 181 (*Документ опубликован не был*), данный стандарт представляет собой перечень принципов, рекомендованных к использованию резидентами АЗРФ при организации взаимодействия с коренными малочисленными народами. По мнению. О.А. Самончик, названный выше стандарт ответственности, несмотря на рекомендательный характер, способен оказать положительное влияние на формирование баланса между интересами предпринимателей по освоению ресурсов АЗРФ и интересами коренных малочисленных народов, направленными на сохранение исконной среды обитания и осуществление традиционного природопользования ^[12].

Заключение. Подводя итог первой части настоящей статьи, следует сказать, что положения документов стратегического планирования, касающиеся коренных малочисленных народов, могут быть использованы в качестве основы как для совершенствования существующего, так и для разработки нового законодательства, посвященного вопросам традиционного природопользования и охраны окружающей среды, в особенности на территории АЗРФ. Также ввиду того, что традиционное природопользование полностью зависит от окружающей среды, качества и доступности природных ресурсов, представляется логичным рассматривать возможность полноценного осуществления традиционного природопользования в качестве одного из индикаторов благоприятного состояния окружающей среды.

Библиография

1. Кряжков В.А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в конституционно-правовом измерении // Государство и право. 2017. № 12. С. 44-55. EDN: ZVKZGH.
2. Бурцева Е.И., Слепцов А.Н., Бысынина А.Н. Промышленное освоение территорий Арктической зоны Якутии и этнологическая экспертиза инвестиционных проектов // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 52-72. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.52 EDN: ILGRZQ.
3. Жожиков А.В., Алексеева Е.К., Никитина С.А., Егорова В.Н. Влияние изменения климата на традиционные виды природопользования коренных жителей Республики Саха (Якутия) // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 12 (138). С. 1-12.
4. Нистен-Хаарала С., Гладун Е.Ф., Тулаева С.А., Захарова О.В. Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 3. С. 11-41. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-3-11-41 EDN: LHLMFO.
5. Курилюк А.Д. Оленеводство Якутской АССР. Якутск, 1982. 159 с.
6. Устюкова В.В. Права на землю коренных малочисленных народов, проживающих на арктических территориях // Материалы научно-практической конференции и круглого стола "Арктика – территория устойчивого развития и сотрудничества" и круглого стола "Правовые проблемы социально-экономического и инновационного развития

Арктического региона России". 2018. С. 145-153. EDN: XTVKWD.

7. Батырь В.А. Концепция факторного анализа при осуществлении правотворчества в Российской Федерации как инновационный прием исследования (на примере Арктической зоны Российской Федерации) // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 9 (202). С. 86-109. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.202.9.086-109 EDN: QUORTY.

8. Соловяненко Н.И. Проблемы реализации и защиты прав участников экономических отношений в условиях цифрового неравенства // Государство и право. 2023. № 2. С. 188-193. DOI: 10.31857/S102694520024344-9 EDN: YYIQMJ.

9. Малышева М.С., Игнатьева П.М. Роль традиционного рыболовства для коренных малочисленных народов севера Республики Саха (Якутия) на территории традиционного природопользования // Экономика и предпринимательство. 2024. № 10 (171). С. 624-628. DOI: 10.34925/EIP.2024.171.10.112 EDN: WOZBUE.

10. Кряжков В.А. Дело о традиционной охоте, или Первый опыт защиты прав коренных малочисленных народов в Конституционном Суде России // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 4 (131). С. 116-130. DOI: 10.21128/1812-7126-2019-4-116-130 EDN: GQSFNS.

11. Borodina M., Idrisov H., Kapustina D., Zhildikbayeva A., Fedorov A., Denisova D., Gerasimova E., Solovyanyenko N. State regulation of digital technologies for sustainable development and territorial planning // International Journal of Sustainable Development and Planning. 2023. Т. 18. № 5. С. 1615-1624. DOI: 10.18280/ijstdp.180533 EDN: ICPWVF.

12. Самончик О.А. Правовое регулирование использования и охраны земель Арктической зоны Российской Федерации: некоторые актуальные проблемы // Право и политика. 2022. № 1. С. 1-11. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.1.37171 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37171

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена комплексному анализу правового регулирования традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в контексте охраны окружающей среды. Актуальность темы не вызывает сомнений, поскольку интенсивное промышленное освоение Арктической зоны Российской Федерации, климатические изменения и цифровая трансформация создают серьезные вызовы для сохранения традиционного образа жизни коренных народов. В статье акцентируется внимание на взаимосвязи между состоянием окружающей среды и возможностью осуществления традиционного природопользования, что представляет значительный научный и практический интерес.

Методологическая основа исследования включает анализ нормативно-правовых актов, документов стратегического планирования и судебной практики. Однако стоит отметить, что работа носит преимущественно описательный характер и в ней не артикулированы конкретные методы исследования. Автор последовательно перечисляет правовые нормы, но не проводит их системного анализа, не выявляет правовые коллизии и не предлагает конкретных механизмов решения обозначенных проблем. Отсутствие сравнительно-правового анализа и ограниченное использование эмпирических данных (за исключением ссылок на отдельные социологические исследования) снижает научную

ценность работы.

Научная новизна статьи недостаточно выражена. Большая часть материала излагается в формате обзора существующих нормативных положений, без выдвижения оригинальных научных гипотез или концепций. Автор ограничивается констатацией известных проблем, таких как конфликт между промышленным освоением и традиционным природопользованием, без углубленного анализа их причин и возможных путей решения. Также критический анализ эффективности действующих правовых механизмов автором не проводится, хотя именно такой анализ мог бы составить научную новизну исследования.

Несмотря на то, что работа написана в академическом стиле, в тексте присутствуют сложные синтаксические конструкции. В структурном отношении также имеются недостатки: материал организован по формальному принципу (нормативные акты, судебная практика), а не в соответствии с логикой научного исследования.

Для того, чтобы преодолеть данные структурные и логические недочеты, автору рекомендуется во введении сформулировать ключевую целевую исследовательскую установку и обозначить методы, призванные решить основные задачи, которым посвящена данная и последующая статьи. В заявленной автором первой части статьи не обозначены исследовательские вопросы, которые будут рассмотрены во второй части.

Список литературы из 12 позиций представляется недостаточным. Некоторые важные современные работы по арктическому праву и праву коренных народов отсутствуют. При этом автор демонстрирует хорошее знакомство с текущим состоянием законодательства и судебной практики.

В статье констатируется необходимость баланса между промышленным освоением и традиционным природопользованием, но не предлагаются конкретные правовые механизмы достижения этого баланса. Также вызывает вопросы обоснованность выделения в отдельную публикацию материала, который носит преимущественно обзорный характер.

Выводы статьи не соответствуют заявленным целям и носят слишком общий характер. Утверждение о возможности использования традиционного природопользования как индикатора благоприятного состояния окружающей среды требует более серьезного обоснования и разработки соответствующих критериев.

Статья может представлять интерес для читателей, только начинающих изучение проблем правового регулирования традиционного природопользования, однако для научного журнала "Юридические исследования" она не обладает необходимой глубиной анализа и ярко выраженной степенью научной новизны. В данном виде статья не может быть рекомендована к публикации. Требуется существенная доработка, включающая формулировку исследовательского аппарата (цель, задачи и методы исследования), проведение системного анализа правовых коллизий, разработку конкретных предложений по совершенствованию законодательства и усиление критической составляющей исследования.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование научной статье как следует из ее названия выступает традиционное природопользование и охрана окружающей среды Севера. Раскрытие заявленной тематики автором предполагается в публикации двух научных статей (серии научных статей), которые составляют два самостоятельных научных произведения. Выбор автором именно такой формы научного познания является по нашему мнению достаточно перспективным и обоснованным шагом. Заявленные в наименовании научной статьи границы исследования соблюдены по ее тексту. Название статьи в полной мере соответствует ее содержанию.

Методология исследования не приводится по тексту научной статьи. Тем не менее, является очевидным, что при ее написании автор опирался и применял общенаучные и частнонаучные методы исследования. Рекомендуются выделить методологию научной статьи и раскрыть использование каждого из методов отдельно и подробно.

Актуальность заявленной темы исследования автором раскрыта в разделе научной статьи под названием «Постановка проблемы». Однако, по нашему мнению, автор обосновал актуальность тематики научной статьи недостаточно убедительно, тем более что по заявленной теме автор предполагает публикацию серии статей. Для обоснования актуальности заявленной темы автору предлагается: апеллировать официальными статистическими сведениями, в том числе касающимися жизнедеятельности коренных малочисленных народов; четко обозначить правовые и организационные проблемы традиционного природопользования и охраны окружающей среды Севера (например, уязвимость природной среды в экстремальных природно-климатических условиях). Далее по тексту научной статьи автору рекомендуется предложить пути решения заявленных и обозначенных проблемных вопросов.

Научная новизна статьи выражается в полученных автором выводах по результатам проведенного исследования. Основной вывод автора приведен в заключении научной статьи, которое составляет один абзац. По его мнению положения документов стратегического планирования, касающиеся коренных малочисленных народов, могут быть использованы

в качестве основы как для совершенствования существующего, так и для разработки нового законодательства, посвященного вопросам традиционного природопользования и охраны окружающей среды, в особенности на территории АЗРФ. Других выводов и предложений в самом тексте рецензируемой научной статьи не содержится. По нашему мнению, научная новизна статьи должна выражаться в достижении конкретного научного результата, получении нового знания, формулировании выводов по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики по рассматриваемому в научной статье вопросу, а не в констатации общеизвестных фактов и выводов. В указанном аспекте научная новизна статьи прослеживается недостаточно четко и ярко

и ее несомненно следовало бы усилить.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения материала в статье научный, структура статьи включает разделение ее на отдельные (самостоятельные части): постановка проблемы, документы стратегического планирования, федеральное и региональное законодательство, заключение. Анализ текста научной статьи позволяет сделать вывод о

преобладающем в нем обзоре нормативных правовых актов. Автор сначала приводит, но не подвергает глубокому анализу, документы стратегического планирования, в том числе утвержденные Указами Президента РФ, а далее «анализирует» нормативные правовые акты федерального и регионального уровня. В результате стиль изложения материала в статье сводится к описательному. По нашему мнению, в указанном аспекте необходима работа автора над ошибками, и все-таки осуществление более глубокого научного анализа нормативных правовых актов, выявление пробелов и проблемных вопросов правовой регламентации изучаемого вопроса.

Библиография исследования представлена 12 источниками, что представляется не совсем достаточным для полного и качественного раскрытия заявленной в научной статье тематики. Только 8 из научных источников опубликованы за последние пять лет. Положительным аспектом является обращение автора к фундаментальным научным трудам по заявленной тематике и, в частности, к следующей научной работе: Курилюк А.Д. Оленеводство Якутской АССР. Якутск, 1982. 159 с. Представляется целесообразным увеличить количество проанализированных научных источников до 20.

Апелляция к оппонентам в научной статье приводится фрагментарно, тем не менее, автор указывает конкретные подходы ученых к заявленной в статье тематике, комментирует их, подтверждает их позиции. Так, например автор статьи приводит позицию В.А. Батыря, а затем соглашается с ней. Также автор говорит о справедливости научной позиции В.В. Устюкова. Апелляция к оппонентам в научной статье представляется достаточной.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен, прежде всего, со стороны ученых и узких специалистов в области экологии и природопользования.

Вывод по статье. Статья может быть рекомендована к опубликованию в журнале «Юридические исследования», но лишь после устранения указанных рецензентом замечаний.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Поярков С.Ю. Трансформация институтов гражданского общества и прямой демократии в процессе конституционной адаптации // Юридические исследования. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76333 EDN: JYYEBR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76333

Трансформация институтов гражданского общества и прямой демократии в процессе конституционной адаптации

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; ФГУП "Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений"

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

✉ psu70@bk.ru

[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.11.76333

EDN:

JYYEBR

Дата направления статьи в редакцию:

18-10-2025

Аннотация: Современные конституционные системы сталкиваются с беспрецедентными вызовами – пандемиями, климатическими катастрофами, цифровой трансформацией и эрозией доверия к институтам, – что ставит под сомнение способность классической модели конституционализма обеспечивать устойчивость и легитимность. Традиционный подход, основанный на стабильности, иерархии и ограничении власти, оказывается недостаточным в условиях динамичной, неопределённой и мультиакторной реальности XXI века. В этих условиях возрастает запрос на более гибкие, отзывчивые и инклюзивные формы конституционного регулирования, способные оперативно адаптироваться к социальным изменениям. Особую значимость приобретают институты прямой демократии и гражданского общества, которые всё чаще выступают не как внешние коррективы, а как внутренние элементы конституционного порядка. Глобальный опыт – от Эстонии и Исландии до стран Латинской Америки – демонстрирует, что вовлечение граждан в конституционные процессы повышает не только легитимность, но

и устойчивость правопорядка. Предметом исследования выступает теоретическая модель адаптивного конституционализма, в которой гражданское общество и прямая демократия рассматриваются как структурообразующие компоненты конституционной системы, а не как её периферийные элементы. В работе применяется комплексный методологический подход, включающий системный анализ конституционного порядка как открытой и динамичной системы, сравнительно-правовой метод и институциональный подход. Научная новизна исследования заключается в предложении интегративной модели адаптивного конституционализма, в которой конституция понимается не как статичный текст, а как процесс непрерывного диалога между государством, судами и гражданским обществом. Автор показывает, что адаптивность достигается не только через формальные процедуры поправок, но и через неформализованные, но юридически значимые формы участия – гражданские ассамблеи, цифровые платформы, общественные инициативы. Исследование обосновывает необходимость институционализации этих механизмов, включая введение обязанности органов власти реагировать на инициативы граждан и создание института общественного омбудсмана по конституционным вопросам. Делается вывод о том, что будущее конституционализма связано с переходом от модели «конституции для народа» к модели «конституции с народом», где легитимность обеспечивается не только процедурой, но и глубиной вовлечения. Подчёркивается, что без системного участия граждан любые конституционные реформы рискуют остаться формальными и неэффективными.

Ключевые слова:

адаптивный конституционализм, гражданское общество, прямая демократия, конституционная адаптация, цифровое участие, народная инициатива, конституционный диалог, живая конституция, институционализация, конституционная легитимность

Введение

Современный этап развития конституционных систем во многих государствах характеризуется не столько укреплением устоявшихся институтов, сколько поиском новых форм реагирования на беспрецедентные вызовы, которые ставят под сомнение саму способность традиционного конституционного порядка обеспечивать устойчивость, справедливость и легитимность. В условиях, когда пандемии, климатические катастрофы, гибридные угрозы, ускоренная цифровизация и глубокая трансформация общественных коммуникаций становятся не исключительными событиями, а повседневной реальностью, конституционное право сталкивается с фундаментальным вопросом: способна ли его классическая модель, построенная на идее стабильности, предсказуемости и жесткой сегрегации ветвей власти, отвечать на вызовы, требующие оперативности, гибкости и включения множества новых субъектов в процесс принятия решений? Этот вопрос приобретает особую остроту на фоне наблюдаемой во многих государствах, включая как демократические, так и смешанные режимы, эрозии доверия к государственным институтам, роста политической апатии и одновременно — парадоксального — усиления гражданской активности вне рамок традиционного представительства.

Современные кризисы, будь то пандемия COVID-19, которая выявила не только слабости системы здравоохранения, но и серьезные пробелы в механизмах правовой защиты индивидуальных свобод в условиях чрезвычайных мер, или экологические катастрофы, требующие долгосрочных и системных ответов, выходящих за рамки обычного законодательного цикла, демонстрируют, что конституционные системы не могут больше

функционировать по принципу «реагирования по факту». Они должны обладать способностью к предвосхищению, к адаптации, к постоянному диалогу с обществом. Именно в этом контексте наблюдается возрождение интереса к институтам прямой демократии и к расширению роли гражданского общества не как внешнего наблюдателя за властью, но как полноценного участника конституционного процесса. Примеры последних лет — от исландской попытки написать конституцию через краудсорсинг до цифровых платформ в Эстонии, позволяющих гражданам участвовать в законотворчестве, от массовых экологических инициатив в Европе до роста числа региональных референдумов в Латинской Америке — указывают на то, что запрос на более непосредственное участие в управлении делами государства становится не просто политическим трендом, а системным требованием к конституционному порядку.

Однако, несмотря на очевидную актуальность этих процессов, теоретическая база, объясняющая взаимодействие между динамикой конституционных систем и активизацией гражданского участия, остаётся недостаточно разработанной. Классический либеральный конституционализм, основанный на принципах верховенства права, разделения властей и защиты прав человека как ограничителей государственной власти, остаётся доминирующей парадигмой в академической среде. Однако, как показывают Т. Ginsburg и А. Z. Huq, эта модель, будучи эффективной в условиях политической стабильности, может оказаться недостаточной в условиях системных кризисов и угроз демократии изнутри — например, при подъёме популизма или эрозии демократических норм. В таких условиях одних лишь институтов сдержек и противовесов недостаточно; необходимы также устойчивые социальные и политические условия, поддерживающие легитимность демократического порядка ^[1]. Статичность классического конституционализма, его упор на формальные процедуры и жёсткие иерархические структуры, в условиях XXI века всё чаще воспринимается не как гарантия стабильности, а как барьер для адаптации к новым вызовам — таким как цифровая трансформация, экологический кризис или глобальные неравенства. В этой связи в конституционной теории усиливается акцент на концепции «живой конституции» (living constitution), способной «дышать» — то есть эволюционировать через интерпретацию, общественный диалог и гибкие механизмы изменения. Как отмечают такие исследователи, как L. H. Tribe ^[2] и В. Ackerman ^[3], конституция не может быть замороженным текстом XIX или даже середины XX века; чтобы оставаться легитимной и эффективной, она должна отражать меняющиеся ценности и потребности общества.

Проблема заключается в том, что до сих пор в большинстве правовых доктрин, включая российскую, гражданское общество и прямая демократия рассматриваются как дополнительные, периферийные элементы конституционного строя, а не как его структурообразующие компоненты. Даже в тех государствах, где закреплены нормы о референдумах или общественных инициативах, эти институты зачастую остаются декоративными, подверженными политической конъюнктуре и бюрократическим барьерам. В этой связи возникает необходимость в переосмыслении самой природы конституционного порядка. Если классический конституционализм видел в конституции прежде всего ограничитель власти, то современный вызов требует видеть в ней инструмент организации взаимодействия, способный включать в себя не только государственные, но и негосударственные субъекты. Именно здесь всё большее значение приобретает представление о конституции не как о неизменном тексте, а как о динамической и адаптивной системе, способной эволюционировать через постоянный диалог между институтами власти, судебной властью и гражданским обществом. Эту перспективу развивают ведущие исследователи современного конституционализма. R. Dixon вводит понятие responsive constitutionalism — «чувствительного» или

«отзывчивого» конституционализма, подчёркивая необходимость учёта социальных изменений и угроз демократии уже на этапе закрепления институтов [4]. А. Z. Huq, совместно с Т. Ginsburg [1], показывает, что классические механизмы сдержек и противовесов оказываются недостаточными в условиях «автократизации снизу», и призывает к более гибким, рефлексивным формам конституционализма, способным противостоять системным кризисам. W. E. Scheuerman [5], анализирует, как ускорение темпов социальных и технологических изменений ставит под вопрос стабильность традиционных конституционных моделей, и аргументирует в пользу адаптивного конституционализма — конституционализма, способного к быстрой адаптации без ущерба для правовых гарантий. Наконец, М. Kumm [6] развивает идею диалогического конституционализма, в рамках которого легитимность правоприменения обеспечивается не иерархией, а открытым обменом между судами, парламентами и гражданами — особенно в условиях транснационального правопорядка и морального плюрализма.

В отличие от западной конституционной теории, где активно обсуждаются идеи адаптивного, диалогического и «живого» конституционализма, в российской правовой науке такие подходы практически не представлены. Основной фокус отечественных исследований после конституционной реформы 2020 года [7] сосредоточен на толковании новых норм [8], укреплении государственного суверенитета и конституционной идентичности [9] и стабильности институтов [10, 11]. При этом вопросы участия гражданского общества в конституционной эволюции, механизмы «конституционной отзывчивости» или институционализация общественного диалога в рамках конституционного процесса в российской доктрине не разработаны. Именно этот теоретический разрыв — между глобальным дискурсом о гибком конституционализме и доминированием статичной, государственно-центрированной модели в России — составляет одну из ключевых особенностей современного российского конституционного права.

В этой связи целью настоящей статьи является не просто констатация наличия кризиса традиционной модели, а попытка построить теоретическую модель, в которой гражданское общество и институты прямой демократии рассматриваются не как внешние факторы, влияющие на конституционный порядок, а как внутренние, конституционно значимые институты адаптации. Это предполагает переход от пассивного понимания конституции как документа, защищающего от власти, к активному пониманию её как процесса, в котором власть и общество совместно участвуют в выработке решений, имеющих конституционное значение. При этом речь идёт не о замене представительной демократии прямой, а о создании гибридной модели, в которой разные формы участия дополняют друг друга, обеспечивая как стабильность, так и гибкость.

Для достижения этой цели используется комплекс методологических подходов. Системный анализ позволяет рассматривать конституционный порядок как целостную, но открытую систему, взаимодействующую с внешней средой. Сравнительно-правовой метод задействован для изучения опыта стран, где институты прямой демократии и гражданского участия наиболее развиты: Швейцария, с её многовековой традицией народных голосований и инициатив, Эстония, ставшая пионером цифрового участия, Исландия, предпринявшая уникальную попытку конституционной реформы через вовлечение граждан, а также страны Латинской Америки, такие как Боливия и Эквадор, где конституции последних десятилетий активно включают нормы о праве народов на самоопределение и участие. Институциональный подход помогает выявить, как именно формируются и функционируют механизмы взаимодействия между государством и

гражданским обществом, какие барьеры им мешают. Правовая герменевтика используется для интерпретации конституционных норм в духе их адаптивного потенциала — например, как толковать положения о народовласти (ст. 3 Конституции РФ) не только как декларацию, но как основание для расширения форм прямого участия.

Научная новизна исследования состоит в предложении интегративной модели адаптивного конституционализма, в которой гражданское общество и прямая демократия рассматриваются как неотъемлемые элементы конституционной системы, а не как её внешние коррективы. Такой подход позволяет преодолеть дихотомию между «государством» и «обществом», характерную для классической теории, и перейти к пониманию конституции как института диалога. В отличие от традиционных моделей, где адаптация конституции осуществляется преимущественно через официальные процедуры (поправки, толкование судами), предлагаемая модель включает в механизм адаптации непрерывные, неформализованные, но юридически значимые формы взаимодействия, такие как общественные инициативы, цифровые консультации, гражданские ассамблеи, которые могут предшествовать или сопровождать официальные конституционные изменения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его выводов для совершенствования конституционных механизмов в условиях нестабильности. В условиях, когда традиционные институты представительной демократии сталкиваются с кризисом доверия, а граждане всё чаще выражают недовольство «закрытым» характером принятия решений, важно разработать правовые инструменты, обеспечивающие подлинное вовлечение. Это может включать введение обязательных процедур учета результатов общественных инициатив, создание независимых институтов гражданского мониторинга конституционных изменений, развитие цифровых платформ для участия в законотворчестве, а также включение в конституцию норм, прямо закрепляющих право на участие в конституционных процессах. Такие меры способны не только повысить легитимность решений, но и укрепить устойчивость конституционного строя в целом, сделав его более отзывчивым к социальным изменениям.

Таким образом, в условиях, когда конституционные системы сталкиваются с вызовами, требующими не просто технических корректировок, но и глубокого переосмысления своих основ, становится очевидной необходимость в переходе к новой парадигме — парадигме адаптивного конституционализма, в которой гибкость, диалог и вовлечение становятся не побочными эффектами, а центральными принципами конституционного порядка. И именно в этом контексте роль гражданского общества и прямой демократии приобретает не просто тактическое, но стратегическое значение.

Концептуальные основы адаптивного конституционализма: от статичности к динамике

Исторически конституционный порядок возник как ответ на произвол власти, как попытка закрепить границы государственного вмешательства в частную сферу и гарантировать устойчивость правовой системы через фиксацию основных принципов в высшем законе государства. Эта идея, укоренённая в традиции либерального конституционализма, предполагала, что конституция должна быть не просто законом, а надёжным щитом — документом, обладающим особой стабильностью, защищённым от политических колебаний и ежедневных конъюнктурных изменений. В этом смысле классический конституционализм, сформировавшийся в XVIII–XIX веках и достигший своего расцвета в первой половине XX века, был по своей природе статичным и защитным: его главной

задачей было ограничение государственной власти, а не её активное вовлечение в решение сложных социальных задач. Такой подход, по мнению В. Ackerman, нашедшего отражение в его фундаментальном труде «We the People», базировался на идее «высшего закона», который должен оставаться неприкосновенным в повседневной политике, чтобы не подвергаться риску превращения в инструмент временной власти [3]. Однако именно эта черта — стремление к вечности и неподвижности — сегодня становится одной из главных причин кризиса доверия к конституционным системам. Когда общество меняется быстрее, чем конституция, когда новые вызовы — от цифровой слежки до экологической катастрофы — не находят в тексте основного закона ни правовых ответов, ни даже пространства для их поиска, возникает ощущение, что конституция больше не «о нас», а о тех, кто жил раньше.

В основе классического конституционализма лежит представление о конституции как о раз и навсегда данном акте, зафиксированном в определённый исторический момент и сохраняющем свою силу благодаря жёстким процедурам внесения изменений. В этом контексте такие механизмы, как многоступенчатые процедуры поправок, требующие квалифицированного большинства в парламенте или одобрения на референдуме, воспринимались как гарантия стабильности. Однако на практике эти же механизмы нередко превращаются в барьеры для адекватной реакции на изменения. Например, в США поправки к Конституции требуют одобрения двумя третями обеих палат Конгресса и ратификации тремя четвертями штатов — процедура, настолько затруднительная, что за более чем 200 лет было принято лишь 27 поправок, и последние существенные изменения датируются 1970-ми годами. Это означает, что конституционная система, построенная на аграрной экономике и слабом государственном аппарате, продолжает регулировать цифровую экономику, искусственный интеллект и массовую миграцию с помощью толкований, которые, сколь бы изощрёнными они ни были, всё же остаются интерпретационными натяжками. При этом особое значение приобретает идея о том, что конституции, созданные для одного мира, не могут эффективно функционировать в другом, если не будут обладать внутренним механизмом обновления. Именно отсутствие такого механизма и порождает инерцию — неспособность системы адаптироваться к новым реалиям, что, в свою очередь, ведёт к росту социального напряжения и к вопросам о легитимности самой конституции.

Ещё более острой эта проблема становится в условиях, когда доминирующей формой демократии остаётся представительная модель, в которой граждане участвуют в политической жизни лишь эпизодически — на выборах, а между ними власть действует с широкой автономией. Хотя представительство изначально задумывалось как рациональный компромисс между прямыми формами участия и масштабами современного государства, сегодня оно всё чаще воспринимается как замкнутая система, оторванная от повседневных забот граждан. Политические элиты, действующие в рамках партийной конкуренции и лоббистских интересов, зачастую принимают решения, которые не отражают подлинных запросов общества, особенно в вопросах, требующих долгосрочного мышления — таких как экология, цифровизация или демография. В этом контексте кризис легитимности конституционных систем становится не случайным сбоем, а системным следствием их структурной негибкости. D. Runciman справедливо указывает на то, что реальная опасность заключается не в том, что демократия будет свергнута, а в том, что она исчезнет из-за безразличия, поскольку люди потеряют веру в ее способность решать их проблемы [12].

В ответ на эти вызовы в правовой науке и практике постепенно формируется понимание необходимости перехода к новым моделям конституционализма, которые отказываются от

идеи статичности в пользу динамической, отзывчивой конституции. Этот процесс можно охарактеризовать как эволюцию от защитного конституционализма к активному, от монолитного — к плюралистическому. Если классическая модель была сосредоточена на защите индивида от государства, то современные вызовы требуют от конституции не только защиты, но и обеспечения условий для реализации прав — то есть перехода от пассивной к активной функции. Это означает, что государство уже не может ограничиваться лишь воздержанием от вмешательства, но обязано предпринимать меры по созданию условий, в которых права могут быть реализованы в полной мере. Например, право на охрану здоровья, провозглашённое в ст. 41 Конституции РФ, не может быть реализовано без системных мер по финансированию здравоохранения, борьбе с эпидемиями или обеспечению доступа к медицинским технологиям. Аналогичным образом, право на благоприятную окружающую среду (ст. 42) требует не просто запретов, но и комплексной экологической политики, что невозможно без активного участия государства и общества.

В этом контексте появляются новые концептуальные конструкции, призванные описать меняющуюся природу конституционного порядка. Одной из них является идея «живой конституции» (living constitution), активно развиваемая в юриспруденции США и за её пределами. Согласно этой концепции, конституция должна толковаться не только в соответствии с намерениями её авторов, но и с учётом современных реалий, ценностей и научных достижений. Такой подход позволяет избежать догматизма и обеспечивает правовой системе необходимую гибкость. Однако, J. Waldron утверждает, что передача вопросов фундаментальных прав судам подрывает демократическую легитимность, поскольку лишает граждан возможности участвовать в моральном и политическом диалоге о ценностях. [\[13\]](#) Отсюда вытекает необходимость включения в процесс толкования и изменения конституции негосударственных субъектов, прежде всего гражданского общества.

Другим важным понятием становится конституционная ответственность [\[14, 15\]](#), предложенное рядом исследователей, как расширение традиционного принципа ответственности власти. Если ранее ответственность понималась в основном как юридическая (например, перед парламентом или судом), то теперь она приобретает нормативно-этическое измерение: государство должно быть ответственно перед обществом за последствия своих решений, особенно в условиях кризисов. Это требует не только отчётов и проверок, но и механизмов включения общества в процесс принятия решений. В этой связи всё большее значение приобретает концепция конституционной устойчивости [\[16, 17\]](#) — подход, разрабатываемый в современной конституционной теории для описания конституции как динамической системы, находящейся в постоянном взаимодействии с меняющейся социально-политической, экономической, технологической и экологической средой. Подобно живому организму, такая конституция должна обладать способностью к саморегуляции, адаптации и восстановлению после системных шоков, что невозможно без участия гражданского общества в конституционном диалоге. Именно в рамках этой эволюции и формируется концепция адаптивного конституционализма как потенциально новой парадигмы, способной ответить на вызовы XXI века.

В отличие от классического подхода, где адаптация осуществляется лишь через редкие и трудоёмкие процедуры поправок, адаптивность конституционализма предполагает непрерывный процесс обновления, в котором конституционная система способна реагировать на изменения без утраты своей целостности и легитимности. Адаптивность конституционного порядка — это не просто гибкость, а способность к самоизменению при

сохранении фундаментальных основ. Как подчёркивает J. Rawls, существуют «конституционные основы» (constitutional essentials) — такие как равные основные свободы, верховенство права и структура народовластия, — которые не могут быть отменены даже демократическим большинством [18]. Это означает, что конституция может менять свои формы и процедуры, но должна продолжать опираться на эти «ядерные» принципы, включая уважение достоинства личности и справедливое устройство политического порядка.

Ключевыми признаками адаптивного конституционализма становятся, во-первых, гибкость норм и процедур — возможность быстрого реагирования на кризисы без нарушения конституционного порядка. Это может выражаться в использовании временных норм, механизмов экстренного толкования или введения особых процедур для внесения изменений в условиях чрезвычайных обстоятельств, но при этом с жёстким контролем со стороны общества.

Во-вторых, открытость диалогу с обществом — конституционная система должна быть не «чёрным ящиком», а пространством постоянного взаимодействия между государством и гражданами. Это предполагает развитие институтов публичных консультаций, гражданских форумов, общественного мониторинга и других форм участия, которые позволяют учитывать мнение общества на всех этапах конституционного процесса.

В-третьих, институциональная пластичность — способность государственных и негосударственных институтов трансформироваться, объединяться, создавать новые формы сотрудничества. Например, в Эстонии институты цифрового государства и гражданского участия тесно интегрированы в систему публичного управления. До 2022 года для этого использовалась специализированная платформа Osale.ee, позволявшая гражданам знакомиться с проектами нормативных актов и вносить предложения на стадии их подготовки в министерствах. В 2022 году эта платформа была интегрирована в единый государственный портал eesti.ee, где продолжается практика публичного обсуждения законодательных инициатив. Кроме того, платформа rahvaalgatus.ee даёт гражданам право запускать народные инициативы: при сборе 1 000 цифровых подписей Рийгикогу (парламент Эстонии) обязан официально рассмотреть предложение и дать ответ. Это делает эстонскую модель одной из самых продвинутых в мире в области цифрового участия.

В-четвёртых, проактивность государства и граждан — отказ от пассивного ожидания кризисов в пользу предвосхищения и совместного поиска решений. Это означает, что государство должно не только реагировать на инициативы, но и создавать условия для их возникновения, а граждане — не просто выражать недовольство, но и участвовать в разработке альтернатив.

Таким образом, переход от классического к адаптивному конституционализму — это не просто техническое изменение процедур, но глубокая трансформация самой парадигмы правового регулирования, в которой конституция перестаёт быть только ограничителем власти и становится инструментом её конструктивного взаимодействия с обществом. Это требует пересмотра не только нормативных актов, но и правосознания, институциональных практик и культурных установок. И хотя путь к такой модели сложен и сопряжён с множеством рисков — от популизма до институционального хаоса — отказ от этой эволюции может оказаться ещё более опасным, поскольку ведёт к деградации конституционного строя как такового.

Гражданское общество как субъект конституционной адаптации

Ранее гражданское общество в правовой теории и практике конституционализма чаще всего рассматривалось как внешний по отношению к государству субъект, выполняющий преимущественно контрольную и корректирующую функцию: наблюдение за деятельностью властей, защита прав от нарушений, выражение общественного мнения. В этом понимании, укоренившемся в классических трудах либеральной политической мысли, от Гегеля до де Токвиля, гражданское общество выступало своего рода противовесом государству, пространством автономии, где формировались ценности, независимые от официальной политики. Однако в условиях, когда вызовы, стоящие перед современными обществами, становятся всё более комплексными, системными и трансграничными — от изменения климата до цифровой трансформации, от пандемий до миграционных кризисов — подобная позиция оказывается всё менее достаточной. Современные вызовы требуют от государства ресурсов и компетенций, которые оно не может мобилизовать в одиночку: глубокого знания локальных контекстов, высокой оперативности принятия решений и широкой социальной легитимации. По этой причине демократическая теория как отмечает М. Warren, всё чаще обращается к модели «государство с обществом», в которой гражданское общество выступает активным соучастником конституционного порядка и включается в процессы нормотворчества, толкования и адаптации основного закона. [\[19\]](#)

Эта трансформация проявляется в изменении роли традиционных и появлении новых форм гражданской активности. Некоммерческие организации, профессиональные ассоциации, экологические движения, цифровые сообщества, блогеры, инициативные группы — все они сегодня обладают потенциалом не только к критике, но и к конструктивному участию в формировании правовых решений. В различных странах мира реализуются проекты и инициативы, в которых гражданские структуры, экспертные сообщества и представители органов власти совместно участвуют в подготовке законопроектов, анализе правоприменительной практики и разработке рекомендаций по совершенствованию законодательства. Эти инициативы, хотя и могут носить локальный или фрагментарный характер, свидетельствуют о формировании нового типа правотворчества, в котором нормы создаются не только в кабинетах чиновников или парламентах, но и в диалоге с практиками и общественными организациями, напрямую сталкивающимися с проблемами на местах.

В частности, в Германии общественные организации, включая экологические и энергетические НКО, активно участвуют в разработке законов в области энергоперехода, содействуя формированию законодательства, направленного на расширение использования возобновляемых источников энергии и достижение климатической нейтральности к 2045 году. Эта практика включает взаимодействие с правительственными структурами и экспертным сообществом для учета экологических, экономических и социальных аспектов перехода к устойчивому энергетическому будущему. В Швеции общественные организации традиционно вовлечены в формирование экологической политики через консультации и участие в советах, активно влияя на разработку и реализацию мер по охране окружающей среды и устойчивому развитию. В Индии гражданские активисты и НКО играют заметную роль в судебных процессах, выступая в качестве *amicus curiae* по делам, связанным с защитой прав коренных народов, что укрепляет позицию последних в правоприменительной практике и способствует учету их интересов в государственном управлении и законодательстве. Эти примеры демонстрируют, как различные государства используют механизмы участия гражданских структур, НКО и экспертов в процессах нормотворчества и правоприменения, создавая новые механизмы взаимодействия государства и общества.

Однако для того чтобы эта роль была устойчивой и эффективной, необходимо её институциональное оформление — переход от спонтанного участия к системным формам взаимодействия. В последние десятилетия во многих странах создаются механизмы, призванные формализовать диалог между государством и гражданским обществом. К ним относятся публичные консультации, заседания общественных палат, парламентские слушания, экспертные советы при министерствах, цифровые платформы для сбора предложений. В Российской Федерации, в частности, действует система общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, функционирует Общественная палата Российской Федерации, а с 2020 года запущена платформа Regulation.gov.ru для обсуждения нормативных актов. Эти институты, безусловно, расширяют пространство для участия, однако их реальная эффективность вызывает серьёзные сомнения. Как отмечают исследователи [\[20\]](#) значительная часть этих механизмов страдает от формализма и декоративности: мнения граждан собираются, но редко становятся основанием для изменения проектов; состав советов часто формируется из лояльных структур, что порождает феномен так называемого «государственного гражданского общества», где НКО, получая финансирование от государства, теряют независимость и превращаются в инструмент легитимации уже принятых решений. Кроме того, существует явная фильтрация инициатив: предложения, затрагивающие чувствительные политические темы, систематически игнорируются или подвергаются цензуре, в то время как обсуждению подлежат лишь технические или социально безопасные вопросы.

Эти ограничения особенно очевидны в контексте крупных социальных конфликтов, когда гражданское общество вынуждено действовать вне рамок официальных институтов. Ярким примером стал протест против так называемой «мусорной реформы» в ряде регионов России в 2018–2019 годах, когда жители городов, столкнувшись с резким ростом тарифов и отсутствием инфраструктуры для раздельного сбора отходов, организовывали массовые акции, создавали локальные экологические комитеты и разрабатывали собственные модели утилизации. Эти инициативы, хотя и не были легализованы на уровне федерального законодательства, продемонстрировали высокий уровень гражданской зрелости и способность общества к самоорганизации и нормотворчеству снизу. Подобные процессы наблюдались и в других сферах — от защиты зелёных зон в Краснодаре и Екатеринбурге до борьбы за сохранение исторической застройки в Москве. В таких случаях гражданское общество не просто выражает недовольство, но предлагает альтернативные решения, разрабатывает проекты, проводит правовые экспертизы и взаимодействует с экспертными сообществами. Как отмечает Д.Ф. Воронцов в своих работах по правовому плюрализму, в современных правовых системах появляются правовые правила, формирующиеся через социальное взаимодействие, а не исключительно сверху, которые могут впоследствии быть инкорпорированы в официальное право [\[21\]](#).

Особую роль гражданское общество играет в условиях кризисов, когда государственные институты сталкиваются с перегрузкой, нехваткой информации или потерей доверия. Пандемия COVID-19 стала своеобразным стресс-тестом для конституционных систем, в период которого активность гражданских структур достигла беспрецедентного уровня. В России правозащитные организации осуществляли мониторинг соблюдения прав при введении режима повышенной готовности, помогали уязвимым группам — бездомным, мигрантам и заключённым — получать медицинскую помощь и юридическую поддержку. Волонтерские сети организовывали доставку лекарств, продуктов, поддержку пожилым людям. Эти действия, хотя формально не входили в компетенцию государства, фактически восполняли пробелы в системе социальной защиты и демонстрировали, что

гражданское общество может выполнять функции, традиционно ассоциируемые с государством. Аналогичные процессы наблюдались и в других странах: в Италии гражданские комитеты координировали поставки оборудования в больницы, в США — помогали в вакцинации, в Южной Корее — разрабатывали приложения для отслеживания контактов при сохранении приватности. Эти примеры показывают, что в условиях неопределённости именно гражданское общество становится резервом устойчивости, способным быстро адаптироваться и предлагать решения, основанные на доверии и локальном знании.

В контексте цифровизации роль гражданского общества приобретает ещё более сложное измерение. С одной стороны, цифровые платформы открывают новые возможности для участия: сбор подписей под петициями, онлайн-обсуждения законопроектов, создание открытых баз данных. С другой — они же усиливают риски слежки, манипуляции и цифрового неравенства. В этой ситуации именно негосударственные организации становятся ключевыми защитниками цифровых прав. В России, например, Фонд развития интернет-инициатив (ФРИИ) и другие правозащитные группы активно участвуют в обсуждении законов о персональных данных, «суверенном интернете» и искусственном интеллекте, проводя правовые экспертизы, организуя кампании и подавая жалобы в Конституционный Суд. В 2021 году инициатива «Роскомсвободы» (признано иноагентом) стала одним из факторов, стимулировавших обсуждение вопросов о пропорциональности практики блокировок сайтов и роли гражданского общества в формировании конституционного толкования свободы интернета. Благодаря мониторингу и аналитической деятельности этих организаций, усилилось внимание к проблемам неправомерных блокировок и ограничений коммуникаций. За рубежом подобные процессы ещё более развиты: в Европейском союзе НКО участвовали в разработке Digital Services Act и Digital Markets Act, в Канаде — в формировании политики по этике ИИ. Эти практики подтверждают тезис о том, что защита прав в цифровую эпоху невозможна без участия независимых гражданских акторов, обладающих как технической экспертизой, так и доверием общества.

Таким образом, современное гражданское общество всё меньше напоминает ту пассивную, наблюдательную структуру, которую описывали классики. Оно становится активным нормотворческим субъектом, способным не только критиковать, но и создавать правовые практики, участвовать в разработке стратегий, обеспечивать легитимность решений и восполнять пробелы в государственном управлении. Следовательно, в условиях адаптивного конституционализма именно такие формы гражданской активности становятся не внешним дополнением, а внутренним ресурсом конституционной системы, обеспечивающим её гибкость и устойчивость. Однако для того чтобы этот потенциал был реализован в полной мере, требуется не просто декларация о важности участия, а системное переосмысление правового статуса гражданского общества, создание условий для его подлинной независимости и включение его в конституционные процессы на равных основаниях с государственными институтами.

Прямая демократия как инструмент конституционной адаптации

На протяжении второй половины XX века прямая демократия в большинстве стран воспринималась как анахронизм — пережиток древнеафинской полисной практики, несовместимый с масштабами современных государств, сложностью правовых систем и необходимостью профессионального управления. Теоретики либерального конституционализма — от Дж. С. Милля до Й. Шумпетера — выражали скептицизм по поводу способности широких масс принимать взвешенные решения по вопросам, требующим глубокого юридического, экономического или научного понимания. В этом

контексте прямая демократия часто рассматривалась как потенциально опасный инструмент, способный подрвать стабильность правового порядка и стать площадкой для популизма и манипуляций. Однако в XXI веке наблюдается парадоксальное, но устойчивое возвращение интереса к формам непосредственного волеизъявления, которое уже нельзя объяснить лишь конъюнктурными политическими колебаниями. Напротив, этот тренд приобретает глобальный характер и обусловлен кризисом доверия к представительным институтам, ростом запроса на прозрачность и легитимность решений, а также развитием технологий, позволяющих организовать участие миллионов людей без традиционных барьеров пространства и времени.

В настоящее время прямая демократия всё чаще воспринимается не как альтернатива, а как дополнение к представительной системе, призванное повысить её ответственность и адаптивность. Ярким примером служит Ирландия: в 2018 году там состоялся референдум по легализации абортов, предварённый работой Гражданской ассамблеи (Citizens' Assembly), в состав которой вошли 99 случайно отобранных граждан. Этот процесс, включавший многочисленные слушания, экспертные оценки и дебаты, стал образцом сочетания прямого участия с глубоким обсуждением, обеспечивая не только легитимность, но и информированность принимаемого решения. Аналогичным образом в 2019–2020 годах в Ирландии была создана Climate Assembly, разработавшая рекомендации по борьбе с изменением климата. Хотя её выводы не имели юридически обязательной силы, они оказали значительное влияние на парламентские дебаты и формирование государственной политики. Эти примеры показывают, что прямая демократия может выходить за рамки простого голосования «за» или «против» и превращаться в институционализированный процесс публичного разума, в котором граждане, вооружённые информацией и поддержкой экспертов, способны принимать сложные решения по стратегически важным вопросам. Как отмечает Дж. С. Фишкайн, один из ведущих теоретиков делиберативной демократии, современная прямая демократия — это не возврат к античности, а попытка создать новые формы гражданского разума в условиях постпредставительной демократии [\[22\]](#).

Особую значимость приобретают случаи, когда прямая демократия становится инструментом конституционной трансформации. Ярким примером выступает пересмотр Конституции Исландии после финансового кризиса 2008 года и массовых протестов, известных как «движение кастрюль». В 2010 году на Национальном форуме 950 случайно отобранных граждан определили ключевые принципы будущей конституции. В 2011 году из 522 кандидатов, выдвинутых гражданами, был избран Конституционный совет из 25 непартийных представителей (первоначально называвшийся «Конституционной ассамблеей», но переименованный судом из-за формальных нарушений при выборах). Совет разрабатывал проект новой конституции на открытых заседаниях с прямой трансляцией и активным использованием социальных сетей, включая социальные сети в сети Интернет. Проект был опубликован онлайн, а граждане получили возможность комментировать его и вносить предложения. В октябре 2012 года он был вынесен на консультативный референдум и получил поддержку большинства проголосовавших по всем шести вопросам. Тем не менее парламент Исландии (Альтинг) так и не ратифицировал новый текст, несмотря на общественную поддержку. Тем не менее этот процесс стал международно признанным примером «краудсорсинга» конституции — попытки разработать основной закон при прямом участии общества [\[23\]](#). Хотя исландская модель не была полностью реализована, она оказала влияние на другие страны: в Нидерландах, Бельгии, Франции начали создаваться гражданские конвенции для обсуждения климатической политики и реформы избирательной системы.

Развитие цифровых технологий значительно расширило возможности прямой демократии, сделав её более масштабируемой и доступной. Эстония, как один из лидеров цифрового государства, внедрила комплексные инструменты участия: через платформу [Rahvaalgatus.ee](https://rahvaalgatus.ee) граждане могут инициировать законопроекты, собрав всего 1000 подписей. В 2021 году на этой платформе была успешно запущена инициатива по легализации эвтаназии, собравшая более 10 000 подписей и переданная на рассмотрение в парламент. Параллельно платформа Decidim, разработанная в Барселоне как открытый проект, используется сотнями городов по всему миру — включая Париж, Мельбурн и Тайбэй — для участия граждан в бюджетном процессе, городском планировании и разработке нормативных актов. Как отмечает Франческа Бриа, бывший комиссар по цифровым технологиям Барселоны и один из ведущих разработчиков платформы Decidim, цифровая демократия — это не просто онлайн-голосование, а создание инфраструктуры для постоянного диалога и совместного принятия решений между гражданами и властями [\[24\]](#).

Вместе с тем, несмотря на очевидные преимущества, прямая демократия в современных условиях сталкивается с серьёзными вызовами, не позволяющими рассматривать её как универсальное решение. Один из главных рисков — популизм: способность политических лидеров использовать референдумы для легитимации решений, заранее подготовленных за закрытыми дверями, при этом мобилизуя эмоции и упрощая сложные вопросы. Ярчайшим примером стал референдум по выходу Великобритании из Европейского союза в 2016 году, где кампании «Leave» и «Remain» оперировали противоречивыми данными, а вопрос, затрагивающий сотни аспектов экономики, права, миграции и безопасности, был сведён к одному пункту на бюллетене. Как показали британские исследователи [\[25\]](#), референдум стал скорее заместителем глубинных тревог по поводу национальной идентичности, суверенитета и социальных трансформаций, чем инструментом рационального демократического выбора. Этот случай послужил предупреждением: прямая демократия без предварительного обсуждения, гарантий информированности и защиты от манипуляций может не только не повысить легитимность, но и усилить поляризацию, дестабилизировав конституционный порядок.

Кроме того, существуют системные ограничения, связанные с низкой информированностью участников, особенно в вопросах, требующих специализированных знаний. Референдумы по изменению конституции, как правило, предполагают, что граждане должны оценивать юридически сложные поправки, часто сформулированные в абстрактных терминах. В таких условиях высок риск принятия решений на основе поверхностного понимания или под влиянием медиаповестки. Отсюда вытекает необходимость в предварительных механизмах просвещения — таких как гражданские ассамблеи, экспертные дебаты, образовательные кампании, способные снизить информационный дисбаланс между государством и обществом.

Российская модель прямой демократии в этом контексте представляет собой особый случай, характеризующийся декларативным признанием народовластия и одновременным отсутствием устойчивых институтов его реализации. В действующей Конституции есть лишь три формы непосредственного осуществления народом Российской Федерации своей власти - выборы и референдум в соответствии со ст. 3 Конституции Российской Федерации и всенародное голосование в соответствии с ч. 3 ст. 135 Конституции Российской Федерации. Поскольку ст. 3 Конституции Российской Федерации не содержит исчерпывающего перечня форм непосредственного выражения власти народа, допускаются и иные формы. Среди таковых, например, в федеральном и региональном законодательстве России встречаются институты народной

законодательной инициативы, схода граждан и т.д.^[26] Конкретизируется это положение в Федеральном конституционном законе от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», который устанавливает процедуру всенародного голосования. Однако на практике механизм инициирования референдума гражданами (требующий сбора 2 млн. подписей) является практически нереализуемым, что делает институт референдума скорее инструментом в руках власти, чем общества.

Попытки создать дополнительные каналы участия, такие как платформа «Российская общественная инициатива» (РОИ), учреждённая в соответствии с Указом Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183, не изменили этой парадигмы. Хотя Указ поручил создать общероссийский общественный ресурс для сбора и рассмотрения предложений граждан, РОИ не наделена полномочиями по инициированию законодательных изменений. Рассмотрение инициатив носит исключительно рекомендательный характер, что превращает платформу в инструмент консультаций, а не прямого законотворчества.

На уровне регионального уровня ситуация выглядит несколько иначе. Институт народной инициативы предусмотрен в конституциях и уставах некоторых субъектов РФ (Республика Тыва, Нижегородская обл., Свердловская обл. и др.), уставах муниципальных образований и имеет абсолютный характер. Тем не менее, на практике эти механизмы сталкиваются с системными административными барьерами: завышенные пороги для сбора подписей, отказы в регистрации по формальным или политическим мотивам, отсутствие финансирования. Так, в 2024 году инициатива жителей Свердловской области о проведении референдума по строительству мусорного полигона была отклонена местной избирательной комиссией без содержательного обоснования. Аналогичные случаи наблюдались в Новосибирской области и других субъектах РФ, что свидетельствует о системной неготовности властей к диалогу через институты прямой демократии.

Конституционный референдум 2020 года, несмотря на его беспрецедентный масштаб, не стал прецедентом для институционализации прямой демократии. Закон о его проведении носил разовый характер, а сам процесс был организован в рамках существующего, но малоприменимого ФКЗ № 5-ФКЗ. В итоге, в отличие от Швейцарии или Италии, где прямая демократия является структурным элементом конституционного порядка, в России она остаётся скорее инструментом легитимации уже принятых решений, чем механизмом реального влияния на содержание конституционного порядка.

В этом контексте возникает фундаментальный вопрос: может ли прямая демократия стать не просто инструментом легитимации решений, уже принятых властью, но структурным элементом адаптивного конституционализма, способным обеспечивать постоянную обратную связь между обществом и государством? Ответ на этот вопрос зависит не столько от технических возможностей, сколько от политической воли, правовой культуры и готовности институтов власти к диалогу. Как показывают международные примеры, успешные практики сочетают формальные процедуры (референдумы, инициативы) с неформальными формами обсуждения (гражданские ассамблеи, цифровые платформы участия), что позволяет избежать как инерции бюрократии, так и импульсивности прямого голосования. В условиях, когда конституция должна отвечать на вызовы, меняющиеся быстрее, чем циклы выборов, прямая демократия — особенно в цифровой форме — может стать механизмом постоянной адаптации, позволяющим обществу не просто реагировать на изменения, но и участвовать в их предвосхищении.

Синергия гражданского общества и прямой демократии в системе адаптивного конституционализма

Современные вызовы, требующие от конституционных систем не только устойчивости, но и способности к оперативной адаптации, всё чаще ставят вопрос о необходимости перехода от формального признания роли граждан к их подлинному включению в процессы конституционного обновления. При этом становится очевидным, что ни гражданское общество в изоляции, ни прямая демократия как отдельный инструмент не могут в полной мере обеспечить адаптивность конституционного порядка. Их потенциал раскрывается наиболее полно лишь в условиях синергии — когда неправительственные организации, активные граждане, экспертные сообщества и цифровые платформы взаимодействуют с формальными государственными структурами через устойчивые, юридически закреплённые и процедурно организованные механизмы. Именно такая интеграция превращает граждан не в пассивных получателей решений, а в субъектов соправления, способных участвовать на всех этапах — от выявления проблемы до её правового оформления и последующего контроля. Этот сдвиг от «участия» к «соправлению» (co-governance) становится одной из ключевых характеристик адаптивного конституционализма, где конституционная система перестаёт быть закрытой системой, управляемой исключительно государственными институтами, и превращается в открытый диалогический процесс, в котором легитимность решений обеспечивается не только формальной процедурой, но и глубиной вовлечения.

Одним из наиболее зрелых примеров синергии между представительной и прямой демократией является швейцарская модель народного законодательства, действующая более 170 лет. В Швейцарии любые изменения федеральной конституции подлежат обязательному референдуму и требуют двойного большинства — избирателей и кантонов. Кроме того, граждане могут инициировать поправки к Конституции через народную инициативу, собрав 100 000 подписей в течение 18 месяцев. Если парламент принимает закон, против которого в течение 100 дней собрано 50 000 подписей, он также выносится на всенародное голосование. Важно, что этот процесс сопровождается масштабной информационной кампанией: правительство и парламент публикуют официальные разъяснения, граждане участвуют в публичных дебатах, а за и против предложений формируются инициативные комитеты. Исследования, посвящённые швейцарской модели прямой демократии, показывают, что регулярное участие граждан в референдумах способствует их политическому обучению, развитию навыков аргументации и формированию устойчивого диалога с представителями власти. Фактически такая система представляет собой не стихийный популизм, а институционализированный механизм конституционной адаптации, в котором гражданское общество участвует на всех этапах — от выдвижения инициатив до контроля за их реализацией.

В условиях цифровой эпохи подобные механизмы приобретают новое качество, поскольку технологии позволяют снизить транзакционные издержки участия, сделать процессы более прозрачными и инклюзивными. Цифровые платформы становятся не просто инструментами сбора подписей или голосования, но инфраструктурой адаптивности, обеспечивающей постоянную обратную связь между обществом и властью [27]. Важно, что такие системы не заменяют традиционные институты, а дополняют их, создавая многоуровневую экосистему участия, в которой граждане могут выбирать форму вовлечения в зависимости от своей мотивации, времени и уровня экспертизы.

Однако для того чтобы синергия была устойчивой, она должна быть институционализирована — то есть закреплена в правовых и организационных формах, которые не зависят от политической конъюнктуры или личной воли отдельных чиновников. Одной из форм институционализированного диалога между государством,

экспертным сообществом и гражданским обществом становятся постоянные многосторонние консультативные площадки, на которых обсуждаются долгосрочные вызовы и вырабатываются рекомендации для законодательной повестки. В отличие от разовых публичных слушаний, такие форматы предполагают регулярность, открытость и мандат на влияние на политику. В странах ЕС подобные практики получают всё большее распространение: например, во Франции и Ирландии действуют гражданские ассамблеи, а в Германии — такие инициативы, как «Plattform Lernende Systeme» (Платформа «Обучающиеся системы») и консультации Федерального министерства юстиции по правовым аспектам цифровизации и искусственного интеллекта. Эти форумы позволяют выявлять проблемы на ранней стадии и формировать общественный консенсус по сложным вопросам, таким как регулирование ИИ или биоэтика.

Одной из форм институционализации гражданского участия являются гражданские ассамблеи — временные, но формально уполномоченные органы, состоящие из случайно отобранных граждан, репрезентативных по демографическим и социальным характеристикам. Такие ассамблеи не заменяют парламент, но выполняют функцию «предварительного разума», анализируя сложные вопросы, заслушивая экспертов и вырабатывая рекомендации. Ярким примером является Climate Assembly UK, созданная в 2020 году по инициативе парламентских комитетов в ответ на требования общественности о вовлечении граждан в климатическую политику. В неё вошли 108 репрезентативно отобранных участников, которые в течение нескольких месяцев изучали научные данные и в итоге представили 50 рекомендаций по достижению углеродной нейтральности к 2050 году. Отчёт ассамблеи был официально передан британскому парламенту, однако его непосредственное влияние на национальную стратегию оказалось ограниченным, хотя сама инициатива получила широкое признание и вдохновила другие подобные процессы.

Подобные практики появляются и в других странах — от Франции (Convention citoyenne pour le climat) до Ирландии и Канады, что свидетельствует о росте доверия к формам участия, основанным не на конкуренции, а на коллективном размышлении. Кроме того в условиях конституционных трансформаций особую роль могут играть гражданские инициативы по обсуждению основного закона — независимые от властей форумы, формируемые на принципах открытости и репрезентативности. Хотя их решения не обладают юридической силой, они способны формировать общественный мандат и влиять на официальные процессы. Историческим примером такого подхода стала Scottish Constitutional Convention (1989–1995), объединившая политические партии, профсоюзы, церкви и гражданские организации и заложившая основы для деволюции полномочий и создания Шотландского парламента. В России подобные инициативы пока не получили развития, хотя отдельные эксперты предлагают создать гражданскую конституционную ассамблею как площадку для диалога о будущем конституционного строя. [\[28\]](#)

Тем не менее, реализация таких механизмов сталкивается с рядом правовых и институциональных барьеров, которые необходимо преодолеть для перехода к подлинно адаптивному конституционализму. Один из главных — отсутствие обязанности учитывать результаты общественных инициатив. Во многих странах, включая Россию, даже при успешном сборе необходимого числа подписей нет гарантий, что инициатива будет рассмотрена по существу. Это приводит к разочарованию граждан и восприятию участия как формальности. В этой связи, для того чтобы гражданское общество стало субъектом конституционной адаптации, необходимо закрепить в законе обязанность органов власти реагировать на народные инициативы с обоснованием своей позиции — даже если она негативная. Такая норма, аналогичная принципу «right to be heard» в европейском

праве, могла бы повысить доверие к системе и сделать участие более предсказуемым.

Другим важным шагом могло бы стать создание института общественного омбудсмана по конституционным изменениям — независимого органа, призванного защищать интересы граждан в процессах пересмотра Конституции. Такой омбудсмен мог бы инициировать проверку законности процедур, представлять интересы общества в Конституционном Суде, организовывать общественные слушания и выступать гарантом прозрачности. Подобные институты существуют в других сферах — например, Уполномоченный по правам человека в России или Омбудсмен по вопросам цифровизации в Эстонии, — но отсутствуют в конституционной сфере. Следует признать, что в условиях, когда конституция становится объектом политической конъюнктуры, необходим независимый субъект, который бы защищал её как общественное достояние, а не как инструмент власти.

Наконец, ключевым условием устойчивости демократических институтов является развитие конституционного просвещения — не в виде формального заучивания статей Основного закона, а как систематическое формирование правового мышления, критического анализа и навыков гражданского участия. Без этого даже самые продуманные механизмы рискуют остаться формальностью, поскольку граждане не будут обладать достаточной осведомлённостью и уверенностью для полноценного участия. В Германии гражданское образование (Demokratiebildung) интегрировано в школьные программы и поддерживается через региональные инициативы, направленные на создание «демократической школьной среды». В США действуют такие проекты, как «Civics for All of US» (Национальный архив) и Illinois Democracy Schools Initiative, которые делают акцент на интерактивном и практико-ориентированном обучении. В России, где уровень доверия к правовым институтам остаётся низким, а правосознание формируется преимущественно через медиа [\[29\]](#), развитие подобной образовательной среды становится не просто желательным, но необходимым условием для построения адаптивного конституционализма. Таким образом, синергия гражданского общества и прямой демократии не возникает сама по себе — она требует целенаправленного правового, институционального и культурного конструирования. Только при условии, что участие будет не эпизодическим, а системным, не декларативным, а обязательным, не формальным, а содержательным, можно говорить о формировании конституционной системы, способной адаптироваться к вызовам времени, не теряя при этом своей легитимности и устойчивости.

Перспективы развития: к конституционному диалогу нового типа

В условиях, когда традиционные модели конституционализма всё чаще демонстрируют свою ограниченность перед лицом системных кризисов — будь то пандемии, климатические изменения, цифровая трансформация или рост социального неравенства — становится всё более очевидным, что сама парадигма конституционного права нуждается в глубоком переосмыслении. Адаптивный конституционализм, как он проявляется в современной правовой действительности, не может быть сведён к техническим изменениям в тексте конституции, к упрощению процедур внесения поправок или к расширению полномочий судебных органов. Его суть заключается в фундаментальном сдвиге от статичного понимания конституции как раз и навсегда данного акта к динамическому восприятию её как процесса — постоянного диалога между государством и обществом, в котором нормы рождаются, интерпретируются и трансформируются не в изоляции, а в условиях непрерывного взаимодействия. Этот диалог, по сути, становится новой формой конституционного существования, в которой

легитимность решений обеспечивается не только их соответствием букве закона, но и глубиной вовлечённости граждан, уровнем прозрачности процедур и способностью системы к самокоррекции.

В этом контексте гражданское общество и институты прямой демократии перестают быть внешними дополнениями к конституционному порядку, которые можно включать или отключать по усмотрению властей. Они становятся ядром новой конституционной парадигмы, без которого адаптивность оказывается невозможной. Если в классическом конституционализме основное внимание уделялось ограничению власти, то в адаптивной модели ключевой задачей становится организация взаимодействия — создание условий, при которых государство и общество могут совместно вырабатывать решения, учитывая как юридические, так и социальные, экологические и технологические реалии. В этом смысле прямая демократия — не просто инструмент легитимации, а механизм постоянной обратной связи, позволяющий конституционной системе чувствовать пульс общества, а гражданское общество — не только контролировать, но и участвовать в нормотворчестве, формируя правовые практики снизу. Надо отметить, что адаптивный конституционализм предполагает отказ от идеи, что конституция — это продукт одного поколения; она должна быть открыта для постоянного пересмотра, в котором участвуют все субъекты общественной жизни.

Такое теоретическое обобщение ведёт к необходимости не просто анализа существующих практик, но и выработки конкретных предложений по совершенствованию конституционного строя, которые бы закрепили новые формы взаимодействия на уровне высшего закона. Одним из ключевых шагов могло бы стать включение в текст конституции норм, прямо закрепляющих государственно-общественное взаимодействие как принцип конституционного порядка. В настоящее время в Конституции Российской Федерации, как и во многих других конституциях, содержатся декларативные положения о народовласти (ст. 3), о праве граждан на участие в управлении делами государства (ст. 32), о свободе ассоциаций (ст. 30), но отсутствуют нормы, определяющие процедуры, гарантии и институциональные формы такого участия. В отличие от этого, в Конституции Эквадора (2008 г.) и Боливии (2009 г.) закреплены положения о праве народов на участие в принятии решений, влияющих на их жизнь, в том числе через формы прямой демократии и консультации.

В этой связи полагаем, что для перехода к модели адаптивного конституционализма в российских условиях необходимо не только заимствовать международные практики, но и устранить внутренние институциональные и правовые барьеры. Во-первых, требуется принятие федерального закона о народной инициативе, который бы установил чёткие процедуры сбора подписей, обязательное рассмотрение инициатив парламентом и публичное обоснование решений. Во-вторых, необходимо реформировать институты гражданского общества, обеспечив их независимость от административного давления и расширив их полномочия в конституционных процессах — например, через право выдвижения кандидатов в состав Конституционного Суда или участие в подготовке поправок к Основному закону. В-третьих, следует внести в Федеральный конституционный закон «О референдуме РФ» норму об обязательном вынесении на референдум всех изменений в главы 1, 2 и 9 Конституции — как это сделано в Швейцарии и Италии. Без этих шагов любые декларации о «конституции с народом» останутся риторикой. Российская конституционная система обладает формальными основаниями для развития прямой демократии и гражданского участия, но их реализация блокируется отсутствием политической воли и институциональной волокиты. Преодоление этого разрыва между нормой и практикой — ключевое условие для

включения России в глобальный дискурс адаптивного конституционализма.

Кроме того следует учитывать значение в условиях цифровой эпохи идею цифрового права на участие — права каждого гражданина на доступ к цифровым платформам для внесения предложений, участия в обсуждениях законопроектов, подачи инициатив и получения ответов от государственных органов. Такое право, хотя и не закреплено в большинстве конституций, уже начинает формироваться в правовой практике. В Эстонии, например, цифровое участие рассматривается как часть гражданской обязанности государства, а в Австрии и Германии обсуждаются предложения о включении в конституцию норм о цифровой доступности и праве на цифровую идентичность. Следовательно, в условиях, когда всё больше функций государства переносится в цифровую среду, право на участие должно включать и право на цифровое присутствие [30]. Это означает, что государство обязано не только не препятствовать онлайн-участию, но и создавать условия для него: обеспечивать доступность платформ, защиту персональных данных, прозрачность алгоритмов и равные возможности для всех слоёв населения, включая тех, кто находится в удалённых регионах или имеет ограниченные технические навыки.

Для того чтобы диалог между обществом и государством был не односторонним, а действительно двусторонним, необходимо создание механизмов обратной связи, которые бы фиксировали реакцию конституционных органов на инициативы граждан. Например, если народная инициатива набрала необходимое число подписей, парламент или Конституционный Суд должен быть обязан не просто рассмотреть её, но и публично обосновать свою позицию — принять, отклонить или предложить альтернативу. Такая практика существует в Италии, где Комитет по конституционным вопросам обязан давать мотивированные заключения по всем народным инициативам. В России, где законодательство не содержит таких обязательств, граждане часто остаются в неведении относительно судьбы своих предложений, что подрывает доверие к системе. Следовательно, без механизма обратной связи участие превращается в имитацию демократии, где граждане выполняют роль декорации, но не субъектов власти. Включение таких механизмов в конституционный порядок могло бы повысить ответственность институтов и сделать процесс адаптации более предсказуемым и управляемым.

На международном уровне эти процессы также начинают приобретать форму системного движения. Возникает реальная возможность создания международных стандартов адаптивного конституционализма, которые бы определяли минимальные требования к вовлечению граждан, защите прав участников и институционализации форм прямого волеизъявления. Такие стандарты могли бы быть разработаны в рамках Венецианской комиссии, Совета Европы или ООН, аналогично тому, как это было сделано в отношении свободы СМИ, независимости судей или прав меньшинств. Например, Венецианская комиссия Совета Европы разработала «Пересмотренные руководящие принципы проведения референдумов» (CDL-AD(2020)031, 2020), а также давала рекомендации по народным инициативам (например, CDL-REF(2015)017) и защите прав в условиях чрезвычайных ситуаций (Study № 987/2020). Однако эти документы носят рекомендательный характер и не образуют единой обязательной доктрины. Венецианская комиссия подчёркивает, что любые формы прямого волеизъявления должны соответствовать основополагающим принципам: демократии, правам человека и верховенству права, и призывает к согласованности подходов при конституционных изменениях, особенно в кризисных условиях. Такие стандарты могли бы стать ориентиром для стран, стремящихся к укреплению легитимности своих конституционных

систем, и одновременно — инструментом защиты от злоупотреблений в рамках так называемых «конституционных реформ», которые на деле сводятся к консолидации власти.

В последние десятилетия более 150 стран мира закрепили право на здоровую окружающую среду в конституциях или через судебную практику. Например, Коста-Рика (ст. 50 Конституции, 1994), Колумбия (ст. 79, 1991), а во Франции — через Хартию окружающей среды (2004), имеющую конституционную силу (принята не через народную инициативу RIC, которая так и не была реализована). В 2018 году Верховный суд Колумбии в деле «Future Generations» признал колумбийскую часть Амазонки субъектом права. Что касается цифровых прав, то в Эстонии цифровая идентичность обеспечивается специальными законами, но не закреплена в Конституции; в Испании в 2021 году была принята Хартия цифровых прав, декларирующая право на доступ к интернету, однако она не имеет конституционного статуса. Как видно, новые права — это не просто расширение списка, а изменение самой логики конституционализма: от защиты от государства к обеспечению условий для реализации прав в новых условиях. Эти процессы показывают, что конституция больше не может быть замкнутой на традиционные институты, но должна отвечать на вызовы, которые возникают за пределами государственных границ — от изменения климата до алгоритмического управления.

Таким образом, перспективы развития конституционного права связаны с формированием нового типа конституционного диалога, в котором государство и общество вступают в постоянное взаимодействие, не ограниченное рамками выборов или формальных консультаций. Этот диалог требует не только новых технологий, но и новых правовых форм, новых институтов и новой правовой культуры, в которой участие граждан воспринимается не как исключение, а как норма. И хотя путь к такой модели сложен и сопряжён с множеством политических, правовых и этических вызовов, отказ от него означал бы признание неспособности конституционных систем отвечать на вызовы времени, что в конечном счёте подорвало бы их саму основу — легитимность.

Заключение

Тот факт, что конституционные системы по всему миру сегодня переживают глубокий кризис легитимности, не может быть сведён к временным политическим колебаниям или отдельным случаям злоупотреблений властью. Это системное явление, корни которого уходят в несоответствие между структурой традиционного конституционализма и динамикой современного общества. Конституции, созданные в условиях индустриальной эпохи, при доминировании чёткой иерархии ветвей власти и ограниченной степени вовлечённости граждан, всё чаще оказываются неспособными отвечать на вызовы, требующие гибкости, скорости, междисциплинарного подхода и широкого социального консенсуса. В таких условиях становится очевидным, что адаптивный конституционализм, как новая парадигма, не может быть реализован без активного, институционализированного и защищённого участия гражданского общества и институтов прямой демократии. Без них любые попытки модернизации конституционного строя рискуют остаться формальными — изменениями в тексте, не имеющими реального отражения в практике власти и повседневной жизни граждан. Именно включение общества в процессы конституционной адаптации превращает конституцию из статичного документа в живой организм, способный к саморегуляции, восстановлению и эволюции.

Понимание конституции как «живого организма» не является метафорой в узком риторическом смысле, а отражает глубокую правовую реальность: конституция

существует не только в букве закона, но и в практике её толкования, применения и восприятия обществом. Она живёт в судебных решениях, в актах исполнительной власти, в дискуссиях в общественных пространствах, в инициативах граждан, в цифровых платформах участия. Для того чтобы она оставалась живой, необходимы не только юридические механизмы — такие как процедуры внесения поправок или судебный контроль, — но и социальные условия, при которых граждане чувствуют себя субъектами, а не объектами конституционного порядка. Это включает культуру правового сознания, доверие к институтам, доступ к информации и возможность влияния на решения, затрагивающие их жизнь. Без этих условий даже самая совершенная юридическая конструкция оказывается беспомощной перед лицом кризисов.

Кроме того, адаптация требует технологических условий, которые позволяют преодолеть территориальные, временные и информационные барьеры. Цифровизация, с одной стороны, создаёт риски для приватности, манипуляции и усиления неравенства, но с другой — открывает беспрецедентные возможности для вовлечения. Существующие платформы демонстрируют, что технология может стать не инструментом контроля, а инфраструктурой диалога, позволяющей миллионам граждан участвовать в обсуждении законопроектов, инициировать изменения, контролировать исполнение решений. Однако такие технологии работают только при условии, что они встроены в правовую систему, защищены от злоупотреблений и доступны всем слоям населения. Таким образом, технологическая среда становится не вспомогательным, а структурным элементом адаптивного конституционализма, требующим юридического оформления и защиты.

Но, пожалуй, наиболее важным остаётся культурное измерение — совокупность установок, ценностей и ожиданий, определяющих отношение как граждан, так и представителей власти к конституции. В обществах, где конституция воспринимается как документ, созданный «для народа» сверху — элитами, юристами, политиками, — её адаптация происходит редко, болезненно и под давлением кризисов. В то же время в странах, где складывается культура восприятия конституции как продукта совместного труда — «с народом», изменения происходят более гладко, легитимно и устойчиво. Примером служит Швейцария, где народные инициативы и референдумы являются не исключением, а нормой повседневной политической жизни, или Исландия, где после финансового кризиса 2008 года общество само взяло на себя ответственность за пересмотр основного закона. Можно констатировать, что конституция, созданная без участия общества, всегда будет чуждой ему; только та конституция, которая родилась в диалоге, может стать достоянием всех. Этот сдвиг — от «конституции для народа» к «конституции с народом» — становится одной из центральных задач современного конституционализма, особенно в условиях, когда доверие к традиционным институтам продолжает снижаться.

Переход к такому пониманию конституции требует не только правовых реформ, но и фундаментального переосмысления роли государства и общества. Государство должно отказаться от позиции монопольного субъекта власти и принять себя как координатора, модератора и партнёра в процессе конституционного развития. Общество, в свою очередь, должно выйти за рамки пассивного наблюдения и привыкнуть к ответственности за принимаемые решения. Это возможно только при условии, что участие будет не эпизодическим, а системным, не декларативным, а обязательным, не ограниченным формальными процедурами, а распространённым на все этапы — от выявления проблемы до мониторинга реализации. Где адаптивность — это не просто способность к изменениям, а способность к диалогу, и если диалог отсутствует, любые изменения будут навязанными, а не принятыми. Именно поэтому институционализация форм

взаимодействия — через народные инициативы, гражданские ассамблеи, цифровые платформы, омбудсменов по конституционным вопросам — становится не второстепенной задачей, а ядром новой конституционной логики.

В этом контексте открываются широкие перспективы для дальнейших исследований, которые могут углубить понимание механизмов адаптивного конституционализма и предложить новые модели его реализации. Одной из таких перспектив является цифровой конституционализм — область, в которой исследуются правовые последствия внедрения алгоритмов, искусственного интеллекта, блокчейна и других технологий в государственное управление. В настоящее время цифровизация не просто меняет способы реализации прав, но и ставит под сомнение сами их основания — от приватности до свободы волеизъявления. В этих условиях возникает необходимость в разработке новой правовой доктрины, способной регулировать отношения между человеком, машиной и государством, не сводя конституцию к набору норм, не учитывающих специфику цифровой среды.

Ещё одной важной областью становится экологический поворот в конституционном праве — процесс, в ходе которого экологические права и обязанности государства по защите окружающей среды включаются в конституционный строй на равных основаниях с традиционными свободами. В последние годы всё больше стран — от Колумбии до Франции, от Бангладеш до Новой Зеландии — признают право на благоприятную окружающую среду как конституционное, а некоторые идут дальше, наделяя природные объекты (реки, леса, горы) правовым статусом. Эти процессы указывают на то, что конституция больше не может быть сосредоточена исключительно на отношениях между человеком и государством, но должна учитывать антропоэкологический контекст, в котором реализуются права.

Наконец, всё большее значение приобретают транснациональные формы гражданского участия, которые стирают границы между национальными конституционными системами. Гражданские инициативы в рамках Европейского союза, трансграничные петиции, международные правозащитные кампании, глобальные движения за климатическую справедливость — всё это указывает на формирование нового типа гражданской идентичности, которая не ограничивается рамками одного государства. В таких условиях конституционный диалог всё чаще выходит за национальные пределы, требуя разработки новых форм сотрудничества, гармонизации правовых стандартов и создания механизмов транснационального участия.

Таким образом, адаптивный конституционализм — это не конечная точка, а открытый процесс, требующий постоянного переосмысления, инноваций и диалога. Он невозможен без активного участия гражданского общества и прямой демократии, которые становятся не дополнением к конституции, а её живой плотью. И хотя путь к такой модели полон препятствий — от сопротивления элит до технологических и этических дилемм — отказ от него означал бы признание неспособности конституционных систем отвечать на вызовы XXI века. В этом смысле будущее конституционализма — не в укреплении старых форм, а в смелости переосмыслить их, включив в ядро конституционного порядка самого гражданина как субъекта, а не объекта власти.

Библиография

1. Ginsburg T., Huq A. Z. How to Save a Constitutional Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 2018. 295 p.
2. Tribe L. H. The Invisible Constitution. New York: Oxford University Press, 2008. 304 p.
3. Ackerman B. We the People: Foundations. Vol. 1. Cambridge: Harvard University Press,

1991. 384 p.

4. Dixon R. The new responsive constitutionalism // *The Modern Law Review*. 2024. Vol. 87, № 2. P. 1-34.

5. Scheuerman W. E. Constitutionalism in an Age of Speed // *Constitutional Commentary*. 2002. Vol. 19. P. 353-390.

6. Kumm M. The Cosmopolitan Turn in Constitutionalism: On the Relationship between Constitutionalism in and beyond the State / in: *Ruling the World?: Constitutionalism, International Law, and Global Governance* / ed. by J. L. Dunoff, J. P. Trachtman. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 258-325.

7. Боброва Н. А. Уникальность конституционной реформы 2020 года и ее последствия для будущего России // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. Серия: Юридические науки. 2023. № 2 (53). С. 11-20. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-2-11-20 EDN: THLCBX

8. Семагин И. О. Толкование конституционных прав и специфика аргументации в конституционном суде Российской Федерации // *Вопросы российского и международного права*. 2023. Т. 13, № 5-1. С. 111-116. DOI: 10.34670/AR.2023.40.74.012 EDN: AZXZDT

9. Степанова М. Н. Адаптация конституционной идентичности государства к вызовам современности: анализ и перспективы // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2024. № 2 (41). С. 23-28. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-23-28 EDN: BMMSZF

10. Грудинин Н. С. Развитие института президентуры после конституционной реформы 2020 г. // *Криминологический журнал*. 2022. № 4. С. 62-64.

11. Зуев О. Е., Бахлов И. В. Российский парламентаризм после конституционной реформы 2020 года // *Социально-политические науки*. 2023. Т. 13, № 4. С. 74-79.

12. Runciman D. *How Democracy Ends*. London: Profile Books, 2019. 256 p.

13. Waldron J. The Core of the Case against Judicial Review // *The Yale Law Journal*. 2006. Vol. 115. P. 1346-1406.

14. Станкин А. Н. Конституционная ответственность в системе права и системе юридической ответственности // *Теория государства и права*. 2019. № 4 (16). С. 210-217. DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.017 EDN: TFQCIV

15. Szigeti A., Donahue T. J. *Constitutional Responsibility*. 2008. URL: <https://ssrn.com/abstract=1112797> (дата обращения: 15.10.2025).

16. Grabenwarter C. *Constitutional Resilience* // *VerfBlog*. 2018. 6 декабря. URL: <https://verfassungsblog.de/constitutional-resilience/> (дата обращения: 15.10.2025).

17. Jakab A. *Constitutional Resilience* / in: *Max Planck Encyclopedia of Comparative Constitutional Law (MPECCoL)* / ed. by R. Grote, F. Lachenmann, R. Wolfrum. Oxford: Oxford University Press, 2022. URL: <https://ssrn.com/abstract=4656217> (дата обращения: 15.10.2025).

18. Rawls J. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press, 1993. 401 p.

19. Warren M. E. *Democracy and the State* / in: *The Oxford Handbook of Political Theory* / ed. by J. S. Dryzek, B. Honig, A. Phillips. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 342-399.

20. Кузьмина А. С. Эволюция подходов к оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в XXI веке // *Экономика, предпринимательство и право*. 2025. Т. 15, № 7. С. 4429-4450. DOI: 10.18334/epp.15.7.123273 EDN: IIXRMC

21. Воронцов Д. Ф. Государственная политика: понятие, виды, соответствие праву и справедливости как элемент решения проблем современной экономики // *Актуальные проблемы российского права*. 2011. № 3 (20). С. 12-21. EDN: ONQZJR

22. Fishkin J. S. *Democracy When the People Are Thinking: Revitalizing Our Politics Through Public Deliberation*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 272 p.

23. Bergmann E. *Participatory Constitutional Deliberation in the Wake of Crisis: The Case of*

- Iceland / in: Constitutional Deliberative Democracy in Europe. Colchester: ECPR Press, 2016.
24. Lewin A. Barcelona's Robin Hood of data: Francesca Bria. URL: <https://sifted.eu/articles/barcelonas-robin-hood-of-data-francesca-bria> (дата обращения: 15.10.2025).
25. Clarke H. D., Goodwin M., Whiteley P. Brexit: Why Britain Voted to Leave the European Union. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 272 p.
26. Кошель А. С. Российская конституция в развитии: реформа структуры власти и новые парламентские полномочия // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 22-27. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-9-22-27 EDN: RAFSWX
27. Germann M., Serdült U. Internet voting and turnout: Evidence from Switzerland // Electoral Studies. 2017. Vol. 47. P. 1-12.
28. Кравец И. А. Идея гражданских ассамблей и иные формы участия граждан в конституционных изменениях и публичных инициативах: опыт и перспективы конституционализации в новом и старом свете // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33, № 4 (161). С. 40-60. DOI: 10.21128/1812-7126-2024-4-40-60 EDN: BZTSKY
29. Воронцова М. А., Шестаков Д. А., Матвеева Ю. С. Основы конституционного статуса средств массовой информации и их нарушение в современной России // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 11 (61). С. 42-47. EDN: XBFFBT
30. Ефимова Л. Г. Цифровая личность как способ присутствия субъекта права в киберпространстве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 4 (128). С. 32-41. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.032-041 EDN: VSBAMN

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная статья посвящена комплексному анализу трансформации конституционных систем в условиях современных вызовов, с особым акцентом на роли институтов гражданского общества и прямой демократии в процессах конституционной адаптации. Автор предпринимает масштабную попытку теоретического осмысления перехода от классической модели конституционализма к адаптивной парадигме, что представляет несомненную научную ценность в контексте наблюдаемого кризиса традиционных демократических институтов.

Методологическая основа исследования отличается комплексностью и включает системный анализ, сравнительно-правовой метод, институциональный подход и правовую герменевтику, что позволяет рассмотреть проблему с различных ракурсов. Однако структурная организация материала вызывает серьезные вопросы: объемный текст, превышающий стандартные требования для научной публикации, требует четкого разделения на логические блоки с соответствующими подзаголовками. Введение дополнительных тематических разделов, таких как «Концептуальные основы адаптивного конституционализма», «Институциональные механизмы взаимодействия» и «Сравнительный анализ моделей конституционной адаптации», соответствовало бы общепринятым требованиям, предъявляемым к структуре статей в изданиях *Nota Bene*, и значительно улучшило бы восприятие сложного теоретического материала.

Актуальность темы не вызывает сомнений, учитывая глобальные вызовы, связанные с цифровой трансформацией, экологическими кризисами и пандемиями, которые ставят под вопрос адекватность традиционных конституционных моделей. Автор убедительно демонстрирует, что статичность классического конституционализма становится препятствием для эффективного реагирования на быстро меняющиеся социальные реалии. Особую значимость имеет анализ кризиса легитимности представительных институтов и растущего запроса на более непосредственные формы гражданского участия.

Научная новизна исследования проявляется в предложении интегративной модели адаптивного конституционализма, где гражданское общество и прямая демократия рассматриваются как структурные элементы конституционной системы, а не внешние дополнения. Особого внимания заслуживает сравнительный анализ конституционных практик различных стран — от швейцарской модели народного законодательства до эстонских цифровых платформ участия и исландского опыта конституционного краудсорсинга. Однако автору не удалось в полной мере раскрыть специфику российской модели в контексте адаптивного конституционализма, ограничившись в основном констатацией существующих проблем без глубокого анализа потенциальных путей их решения.

Статья выдержана в академическом стиле и написана на хорошем научном языке. Однако объем текста и его плотность затрудняют восприятие, а повторение некоторых тезисов свидетельствует о необходимости более тщательной редакторской работы. Содержательная часть демонстрирует глубокую теоретическую подготовку автора и знакомство с современной зарубежной и отечественной литературой по проблеме.

Библиографический аппарат впечатляет своей репрезентативностью и включает как классические работы по теории конституционализма, так и современные исследования. Однако можно отметить некоторый дисбаланс в пользу зарубежных источников при относительной недостаточности анализа новейших отечественных исследований по проблемам конституционной адаптации.

Апелляция к оппонентам прослеживается в полемике с представителями классического конституционализма, однако критические аргументы могли бы быть представлены более системно и развернуто. Выводы статьи носят комплексный характер и предлагают перспективные направления для дальнейших исследований, включая цифровой и экологический конституционализм.

Практическая значимость работы заключается в разработке конкретных предложений по совершенствованию конституционных механизмов, таких как введение федерального закона о народной инициативе, создание института общественного омбудсмена по конституционным изменениям и развитие конституционного просвещения. Интерес для читательской аудитории журнала «Юридические исследования» очевиден, учитывая междисциплинарный характер проблематики и ее значимость для современной конституционной теории и практики. После структурной оптимизации и более четкого оформления теоретико-прикладных аспектов статья может быть рекомендована к публикации.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Поликарпова О.С. Перспективные направления совершенствования досудебного производства в российском уголовном процессе // Юридические исследования. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76640 EDN: JZNCON URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76640

Перспективные направления совершенствования досудебного производства в российском уголовном процессе

Поликарпова Ольга Сергеевна

ORCID: 0000-0002-1324-6267

кандидат юридических наук

старший преподаватель; кафедра административной деятельности ОВД; Санкт-Петербургский университет МВД России

198206, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, 1

✉ zhuravlenok_os@mail.ru

[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.11.76640

EDN:

JZNCON

Дата направления статьи в редакцию:

05-11-2025

Аннотация: Предметом исследования являются нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, напрямую или косвенно касающейся процессуального статуса фактически подвергнутого уголовному преследованию лица, в целях выявления как препятствий развития досудебного уголовного судопроизводства, так и перспективного ориентира для такого развития. В частности, проанализирован перечень процессуальных оснований наделения процессуальным статусом подозреваемого и корреляция данных оснований с другими уголовно-процессуальными институтами. Выявлены существенные препятствия для совершенствования российского уголовного судопроизводства в виде нелогичной корреляции института подозрения с институтом мер уголовно-процессуального пресечения, а равно фактическая недостаточность предусмотренных действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации оснований

наделения процессуальным статусом подозреваемого для формы предварительного следствия и неоправданная обязанность предъявления обвинения подвергнутому уголовному преследованию лицу на начальном этапе расследования преступления, в действительности не формирующего гарантию допустимости длительного уголовного преследования такого лица. В ходе исследования автором применены сравнительно-правовой метод для исследования процессуальных оснований появления в уголовном судопроизводстве процессуальной фигуры подозреваемого в двух государствах и формально-юридический метод, применением которого с учетом статического и социологического методов проведен анализ ряда норм действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации с фактическим правоприменением. Новизна исследования состоит в предложении, которое, увязываясь в концепцию развития процессуального статуса подозреваемого, позволит реформировать досудебные стадии российского уголовного судопроизводства через изменение уголовно-процессуальной модели формирования его основы и повлечет сокращение уголовно-процессуальных процедур, применяемых в отношении подвергнутого уголовному преследованию лица, до передачи уголовного дела прокурору и придания такого лица суду. По результатам исследования определены направления совершенствования досудебных стадий российского уголовного судопроизводства, положительно зарекомендовавшие себя посредством апробации положений нового Уголовно-процессуального кодекса правоприменителями Республики Казахстан. С учетом доводов ученых-процессуалистов, позволяющих соотнести аргументы автора с суждениями научного сообщества, и мнения правоприменителей, сформированного в совокупном процентном соотношении по результатам проведенного анкетирования, выдвинуты идеи, способствующие развитию российского досудебного уголовного процесса.

Ключевые слова:

уголовно-процессуальная модель, подозреваемый, институт подозрения, уголовное преследование, институт обвинения, процессуальный статус, основания наделения статусом, досудебное производство, прокурорский надзор, следственный судья

Предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации требуют предшествующего детального анализа проблем правоприменительной следственно-судебной практики и исследования нововведений, апробированных в других государствах посредством совершенствования и последующего применения норм уголовно-процессуального закона, основанного как на схожей с российским уголовно-процессуальным законодательством процессуальной модели, так и кардинально отличающейся от нее своей самобытностью.

Исследуя вопрос давно назревшей необходимости совершенствования норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в части положений, как напрямую регламентирующих порядок наделения процессуальным статусом подвергнутого уголовному преследованию лица, так и косвенно влияющих на данный процессуальный статус и процессуальный срок нахождения в нем, полагаем необходимым обратиться к опыту одного из государств постсоветского пространства в сфере уголовно-процессуального законодательства, подвергнутого изменению в середине 2014 года.

Нами обращается внимание на уголовно-процессуальное законодательство Республики

Казахстан – государства, в котором после распада СССР законодателем при разработке первого Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (УПК РК от 13.12.1997 г. № 206-1, утративший законную силу) была заложена схожая с уголовно-процессуальным законом РФ модель, рекомендуемая для стран постсоветского пространства Модельным уголовно-процессуальным кодексом (Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств, принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Независимых Государств 17.02.1996 г.). Однако в период действия первого Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, с учетом процессуальных проблем правоприменительной практики [\[1, 2\]](#) и в связи конституционной реформой 2007 года (Закон Республики Казахстан от 21.05.2007 г. № 254 «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан»), обусловленной необходимостью всестороннего развития институтов гражданского общества, гармонизации отношений между обществом и государством, а равно ввиду совершенствования международного законодательства, направленного на защиту прав и законных интересов личности, на законодательном уровне была признана необходимость кардинального изменения в том числе уголовно-процессуальной модели (Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года» (с изм. и доп. от 16.01.2024 г.)), что было достигнуто разработкой и принятием 4 июля 2014 года нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, принят 04.07.2014 г. Законом № 231-V (с изм. и доп. на 16.09.2025 г.)) (далее – УПК РК).

Результаты кардинального изменения уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан детализированы С. П. Фурлет, что позволило акцентировать внимание на перспективность выбранной законодателем Республики Казахстан уголовно-процессуальной модели, которая была заложена в основу нового уголовно-процессуального закона [\[10\]](#).

Перспективным изменение уголовно-процессуальной модели, реализованное в 2014 году законодателем Республики Казахстан, признается и нами. В частности, в ходе анализа положений УПК РК нами акцентировано внимание на процессуальном порядке появления в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан процессуальной фигуры подозреваемого и обоснованном сохранении этого статуса. Так, согласно положений ст. 64 УПК РК на момент его принятия (до внесения изменений), подозреваемым являлось лицо:

- 1) в отношении которого вынесено постановление о признании в качестве подозреваемого;
- 2) задержанное в порядке ст. 131 УПК РК (статья предусматривает порядок процессуального задержания);
- 3) в отношении которого вынесено постановление о квалификации деяния подозреваемого.
- 4) допрошенное в связи с наличием подозрения в совершении уголовного проступка.

Однако, в период применения положений анализируемой ст. 64 УПК РК до 2020 года, возникла необходимость их совершенствования повышением процессуального надзора. Это повлекло изменение положений ч.1 ст. 64 УПК РК дополнением содержания пунктов 1 и 3 (Закон РК от 19.12.2020 № 384-VI) обязанностью согласования соответствующего

постановления с прокурором, а позднее, дополнением новым пунктом 1.1., предусматривающим возможность наделения конкретного лица процессуальным статусом подозреваемого путем его допроса в данном статусе в условиях отсутствия необходимости применения к нему процессуального задержания и случаях, не терпящих отлагательства. Однако и в таком случае постановление о признании лица подозреваемым подлежит вынесению, но направляется для согласования прокурору незамедлительно после произведенного допроса подозреваемого. Отказ прокурора посредством вынесения последним мотивированного постановления об отказе в согласовании постановления о признании лица подозреваемым влечет прекращение нахождения лица в данном процессуальном статусе и признание произведенного допроса в качестве недопустимого доказательства (подробнее об этом глава 25 УПК РК). Таким образом достигнуто повышение эффективности процессуального надзора за персонифицированным уголовным преследованием подозреваемого в ходе досудебного производства по делу. Это позволило повысить эффективность досудебного производства, осуществляемого в условиях исключения необходимости вынесения и предъявления постановления о привлечении в качестве обвиняемого влекущего в ходе производства по уголовному делу наделение процессуальным статусом обвиняемого, поскольку с принятием нового УПК РФ институт предъявления обвинения был реформирован (ст. 65 УПК РК).

Подобный ориентир для совершенствования уголовно-процессуального законодательства, полагаем, следует учитывать и при разработке научных предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, в особенности, в части норм, регламентирующих процессуальный порядок уголовного преследования конкретного лица в ходе досудебного производства по делу.

Необходимость в этом вытекает из анализа положений ст.ст. 46, 47 и 100 УПК РФ. Так, согласно положениям ст. 46 УПК РФ подозреваемым признается лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления или в отношении которого: возбуждено уголовное дело, либо применена мера пресечения до предъявления обвинения, или реализовано его уведомление о подозрении в совершении преступления. Однако последнее из приведенных оснований наделения процессуальным статусом подозреваемого может быть применено исключительно при расследовании преступлений в форме дознания, ввиду корреляции с положениями ст. 223.1 УПК РФ, а иные перечисленные основания не в каждом случае правоприменительной практики могут быть фактически применимы.

В частности, процессуальное задержание в связи с подозрением в совершении преступления может быть произведено в отношении конкретного лица при наличии оснований задержания, предусмотренных ч.ч. 1 и 2 ст. 91 УПК РФ и с учетом характеристики его личности в условиях наличия мотива, фактически вытекающего из предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований применения меры пресечения. В свою очередь основание в виде избрания меры пресечения вообще не поддается логике, поскольку мера пресечения не может быть избрана в отношении лица, процессуальным статусом участника уголовного судопроизводства не наделенного, либо выступающего в качестве свидетеля по делу, что недвусмысленно вытекает из содержания ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Ее применение допустимо только в отношении подозреваемого или обвиняемого при наличии предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований и с учетом предусмотренных ст. 99 УПК РФ обстоятельств.

Кроме того, приведенный нами анализ состояния преступности в России за период с 2018 года по первое полугодие 2025 года указывает на фактическую раскрываемость

преступлений в процентном соотношении от числа зарегистрированных, не превышающую 54,63 % [\[7, с. 270\]](#) (см. таблицу 1).

Показатель	Год							I пол. 2025 [12]
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Зарегистрировано преступлений	1 991 532	2 024 337	2 044 221	2 004 404	1 966 795	1 947 161	1 911 258	1 084 036
Раскрыто преступлений (из числа находящихся в производстве в отчетном периоде уголовных дел и материалов проверки)	1 087 983	1 052 441	1 031 987	1 030 708	1 035 496	997 689	899 610	526 457
Выявлено лиц, совершивших преступления в отчетном периоде	931 107	884 661	852 506	848 320	818 986	750 465	666 260	363 988
Раскрываемость преступлений, %	54,63	51,99	50,48	51,42	52,65	51,24	47,07	48,56

Таблица 1.

Изложенное позволяет нам сформировать вывод о том, что основание наделения процессуальным статусом подозреваемого, состоящее в возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, может быть применено не чаще, чем в половине случаев регистрации преступлений. При этом следует учитывать, что раскрываемость преступлений «по горячим следам» [\[5\]](#) существенно ниже уровня общей раскрываемости преступлений за тот или иной исследуемый период. Так, на примере I полугодия 2025 года, из числа раскрытых, составляющих 526 500 преступлений, раскрыто 26 500 преступлений прошлых лет [\[12\]](#). Число фактически раскрытых преступлений в период установленного ст. 144 УПК РФ процессуального срока проверки сообщения о преступлении, официальные статистические отчеты с возможностью открытого доступа к ним не фиксируют. На редкость применения в качестве основания наделения процессуальным статусом подозреваемого предусмотренного п. 1. ч. 1 ст. 46 УПК РФ возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица исходя из сложившейся правоприменительной практики обращает внимание А. В. Щербиина [\[11, с. 113\]](#).

Таким образом следует, что при расследовании преступлений в форме предварительного следствия, в ряде случаев, единственным возможным основанием наделения конкретного лица процессуальным статусом подозреваемого может являться его

процессуальное задержание. Однако мотивы такого задержания с учетом характеристики личности и обстоятельств совершенного преступления могут не появиться.

Результаты проведенного нами анкетирования выявили факты применения следователями меры уголовно-процессуального пресечения в отношении лица, подвергнутого персонифицированному уголовному преследованию, исключительно с целью наделения этого лица процессуальным статусом подозреваемого в 31,97 % случаях из 100 % опрошенных следователей, а 42,85 % следователей для наделения процессуальным статусом подозреваемого применяют предусмотренное п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ процессуальное задержание, 1,36 % следователей с этой же целью допускают при расследовании преступлений применение уведомления о подозрении в совершенном преступлении (п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), что представляется нам недопустимым, и, особо отметим, 8,84 % следователей с аналогичной целью допускают применение меры уголовно-процессуального принуждения в виде обязательства о явке, которое вообще к основаниям наделения процессуальным статусом подозреваемого законодателем не отнесено. Не расследовали очевидных преступлений 4,08 % следователей из числа анкетированных. Кроме того, нами зафиксированы результаты ответов респондентов из числа следователей в количестве 37,41 %, которые убеждены, что если в УПК РФ предусмотреть новое, унифицированное для двух форм предварительного расследования основание наделения конкретного лица процессуальным статусом подозреваемого, представляющее собой постановление о начале уголовного преследования, с исключением всех предусмотренных действующей редакцией ч. 1 ст. 46 УПК РФ оснований наделения статусом подозреваемого, таким образом будет исключена противоречивость положений ст. 46 УПК РФ с институтом мер уголовно-процессуального принуждения и реализована возможность для формы предварительного следствия применения основания наделения конкретного лица процессуальным статусом подозреваемого, которое зависит исключительно от обоснованности подозрения, 24,49 % следователей высказаться по данному вопросу затруднились [\[7, с. 256-263\]](#). Сомнения правоприменителей вполне объяснимы. В условиях неизменного для формы предварительного следствия процессуального порядка наделения фактически подвергнутого уголовному преследованию лица процессуальным статусом подозреваемого на протяжении более двух десятилетий действия УПК РФ, правоприменителям, не изучающим опыт реализации уголовного судопроизводства в других государствах, сложно представить порядок наделения лица процессуальным статусом через вынесение постановления, еще положениями УПК РФ не предусмотренного.

Вместе с тем, предлагаемый ориентир совершенствования уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, полагаем, следует реализовывать одновременно с совершенствованием ведомственного контроля и процессуального надзора за обоснованностью уголовного преследования подозреваемого, и правоприменителями такая идея не отвергается, что нами установлено посредством проведенного анкетирования, указывающего в качестве обобщенного результата полученных данных на 48,30 % следователей, 27,27 % дознавателей и 62,5 % адвокатов, которые считают необходимым рассмотрение вопроса обоснованности уголовного преследования подозреваемого при каждом рассмотрении ходатайства о продлении срока предварительного следствия (срока дознания) в условии реформирования института предъявления обвинения [\[7, с. 265-266\]](#). Очевидно, что это институт, последний из указанных, препятствует развитию процессуального статуса подозреваемого ввиду регламентированной положениями ст. 100 УПК РФ обязанности предъявления обвинения в строго ограниченный законодателем процессуальный срок,

которого не в каждом случае достаточно для обоснованного обвинения. При этом заметим, что неисполнение этого требования (предъявления обвинения в предусмотренные ст. 100 УПК РФ сроки) влечет правовую неопределенность процессуального статуса конкретного лица, в отношении которого применена мера пресечения. Вместе с тем, выразим убеждение в том, что институт предъявления обвинения в современном уголовном процессе давно не отвечает требованиям обеспечения гарантии обоснованности уголовного преследования и фактически не обеспечивает его допустимость на длительный, свыше установленного ст. 100 УПК РФ процессуальный срок. Обоснованность предъявленным обвинением допустимости продления срока применения наиболее строгих, избираемых судом мер пресечения, не находим оправданной. Данный вывод учитывал результаты анкетирования правоприменителей, по результатам которого 47,97 % следователей, 63,63 % дознавателей и 50 % адвокатов убеждены, что предъявление обвинения ни в каждом случае правоприменительной практики позволяет, либо вообще не позволяет гарантировать допустимость длительного уголовного преследования конкретного лица и применения в его отношении меры пресечения, а 25,85 % следователей, 31,82 % дознавателей, 25 % адвокатов затруднились с ответом на вопрос о том, считают ли, что предъявление обвинения способно гарантировать законность и оправданность уголовного преследования сроком, превышающим установленные положениями ст. 100 УПК РФ [\[7, с. 264-265\]](#).

Изложенные сложности российского уголовного судопроизводства не могут быть устранены локальными преобразованиями отдельных норм УПК РФ. Это неизбежно повлечет изменение уголовно-процессуальной модели, заложенной в основу уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Но следует признать давно назревшую в этом необходимость.

Нам, в целях перспективного совершенствования досудебного российского уголовного судопроизводства, представляется необходимым предусмотреть для всех форм предварительного расследования персонифицированное постановление о возбуждении уголовного преследования, вынесение которого повлечет наделение конкретного лица процессуальным статусом подозреваемого. Это постановление, заложив в его основу критерии обоснованности подозрения, следует предусмотреть в качестве единственного основания появления в уголовном процессе процессуальной фигуры подозреваемого. Такое постановление должно содержать в себе сообщение о сущности персонифицированного обоснованного подозрения и подлежать вручению фактически подвергнутому уголовному преследованию лицу и его защитнику в виде копии. В исключительных случаях копия такого постановления должна направляться подозреваемому. Когда подозреваемый скрылся от органа предварительного расследования, для обеспечения гарантии его права на защиту, усматриваем необходимость в официальном доведении информации о вынесении персонифицированного постановления о возбуждении уголовного преследования и элементов процессуального статуса подозреваемого до сведения защитника этого лица по соглашению, либо по назначению органом предварительного расследования. Предусмотренные ч. 1 ст. 46 актуальной редакции УПК РФ процессуальные основания возникновения статуса подозреваемого полагаем необходимым исключить.

Совершенствование иных положений УПК РФ полагаем фактически должно быть ориентировано на изменение уголовно-процессуальной модели, не предусматривающей обособленную стадию возбуждения уголовного дела и институт предъявления обвинения в классической его форме, как его называет Н. Н. Ковтун [\[4\]](#), и привычной для всех

правоприменителей в силу его неизменности со времен становления советского уголовного процесса.

Такой ориентир совершенствования российского уголовного судопроизводства повлечет развитие процессуального статуса подозреваемого, позволит снизить количество фактов необоснованного уголовного преследования и процессуальных нарушений, связанных с заведомо завышенной квалификацией инкриминируемого подвергнутому уголовному преследованию лицу деяния. А такое, следует заметить, в правоприменительной практике допускается. В частности, о допускаемых правоприменителями нарушениях содержанием постановления о привлечении в качестве обвиняемого рассуждает Н. Г. Стойко [\[9\]](#), на недопустимость предъявления «пилотных» обвинений указывает С. Б. Россинский [\[8\]](#).

В то же время предлагаемые преобразования потребуют введения института следственного судьи с наделением такого нового участника уголовного процесса объемом процессуальных полномочий, как отнесенных действующей редакцией УПК РФ к полномочиям суда на досудебных стадиях процесса (ч. 2 ст. 29 УПК РФ), так и новых, предлагаемых научным сообществом [\[3; 6, с. 179, 182-183, 186-187, 197-198\]](#), включая правомочие подвергать судебному контролю обоснованность подозрения, явившуюся следствием возбуждения персонифицированного уголовного преследования. Такой участник уголовного процесса введен и законодателем Республики Казахстан в новую уголовно-процессуальную модель, сформировавшую действующий УПК РК, только его полномочия, в отличие от предлагаемых для совершенствования российского уголовного судопроизводства, расширены с учетом особенностей иных уголовно-процессуальных институтов уголовного судопроизводства Республики Казахстан (ст. 56 УПК РК). В свою очередь, проанализированные нами в ходе данного исследования положения УПК РК, признанные в качестве перспективного ориентира совершенствования уголовного судопроизводства, предусматривают реализацию контроля за обоснованностью уголовного преследования через прокурорский надзор. Полагаем, усиление ведомственного контроля и прокурорского надзора, ориентированных на проверку обоснованности подозрения должно быть реализовано в российском уголовном судопроизводстве, процессуальный порядок которого будет исследован нами обособленно от данной статьи ввиду ограничений допустимого ее объема. Однако судебный контроль посредством деятельности следственного судьи считаем наиболее значимым для разрешения вопросов обоснованности возбуждения уголовного преследования, поскольку ведомственный контроль и прокурорский надзор реализуются властными участниками уголовного процесса стороны обвинения.

Предложенное исключит ныне существующий запрет Верховного Суда Российской Федерации «предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела, в частности, делать выводы об обоснованности обвинения, оценке доказательств и о квалификации деяния» (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в ред. от 28.06.2022 г.)), поскольку следственным судьей уголовные дела по существу в предлагаемой уголовно-процессуальной модели рассматриваться не будут. Разрешение этого вопроса останется неизменной прерогативой судов общей юрисдикции и военных судов соответственно.

Предложенным будет достигнуто изменение уголовно-процессуальной модели, формирующей основу досудебного российского уголовного судопроизводства, что

повлечет повышение гарантии справедливого, обоснованного уголовного преследования и сокращения уголовно-процессуальных процедур, связанных с наделением процессуальным статусом изобличенного в причастности к преступлению лица и формированием обвинительного тезиса стороны обвинения до передачи очевидного уголовного дела прокурору в целях последующего придания суду подвернутого уголовному преследованию лица.

Библиография

1. Деришев, Ю. В., Нурмагамбетов, А. С. Реформа досудебного производства по новейшему уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 3(58). – С. 26-29. EDN: UISFBH
2. Кемали, М. С. Новый УПК Казахстана существенно повысит эффективность предварительного расследования и защиты прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 1 (61). – С. 73-77. EDN: SFDXIH
3. Кирсанов, С. В. Следственный судья: новый участник уголовного судопроизводства? // Российское правосудие. – 2019. – № 4. – С. 71-81.
4. Ковтун, Н. Н., Ковтун, И. С. Институт привлечения в качестве обвиняемого в уголовном процессе России: его "классические" и "упрощенные" формы в контексте обсуждаемых в доктрине новаций // Юрист-Правоведъ. – 2020. – № 2 (93). – С. 121-125. EDN: OMFEMR
5. Лушин, И. А. Некоторые вопросы соотношения понятий раскрытия и расследования преступлений по "горячим следам" // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10-11 июня 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – С. 661-664. EDN: SZZYSO
6. Назаров, А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. – Санкт-Петербург, 2017. – 745 с. EDN: YNVJST
7. Поликарпова, О. С. Развитие процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. – Санкт-Петербург, 2025. – 278 с.
8. Россинский, С. Б. О недопустимости "пилотных" обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 4 (95). – С. 121-128. DOI: 10.26516/2071-8136.2021.4.121. EDN: XTOPSO
9. Стойко, Н. Г. Недопустимость предъявления текстуально совпадающих обвинений по групповому делу // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: мат-лы XXIII междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 2-3 апреля 2020 г.) : в 2 ч. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. Ч. 1. – С. 162-163. DOI: 10.51980/2020_1_162. EDN: WKVLXD
10. Фурлет, С. П. О первых результатах работы по новому УПК в Казахстане // Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-pervykh-rezultatakh-raboty-po-novomu-upk-v-kazakhstane/>
11. Щербинина, А. В. К вопросу о наделении лица статусом подозреваемого при производстве предварительного следствия // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 15 ноября 2018 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С.

112-117. EDN: YULGCD

12. Состояние преступности в России за январь-июль 2025 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/68795497/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена актуальной проблеме совершенствования досудебного производства в российском уголовном процессе через призму анализа реформы уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан. Предмет исследования выступает комплексный анализ законодательных новаций Казахстана в сфере процессуального статуса подозреваемого и их потенциальная применимость для решения системных проблем российского уголовного судопроизводства. Автор последовательно раскрывает существующие в российском уголовном процессе противоречия, связанные с основаниями приобретения статуса подозреваемого, и предлагает конкретные пути их решения на основе адаптированного казахстанского опыта.

Методологическая основа исследования включает сравнительно-правовой анализ законодательства двух стран, формально-юридический метод, а также эмпирические методы – анкетирование следователей, дознавателей и адвокатов. Особую ценность представляет именно обращение к реформе уголовно-процессуального законодательства Казахстана 2014 года, где был введен институт следственного судьи и изменен порядок наделения статусом подозреваемого через вынесение постановления о возбуждении уголовного преследования. Автор проводит глубокий анализ механизмов, которые могут быть продуктивно заимствованы российской правовой системой. Однако хотелось бы на примере опыта коллег из Республики Казахстан увидеть более детальный анализ практических результатов применения казахстанской модели за десятилетний период ее существования, включая возможные трудности правоприменения.

Актуальность темы не вызывает сомнений, поскольку проблемы, связанные с процессуальным статусом подозреваемого, основаниями и порядком его приобретения, действительно являются одними из наиболее дискуссионных в уголовно-процессуальной науке. Низкие показатели раскрываемости преступлений, приведенные автором, и выявленные в ходе анкетирования случаи искусственного наделения статусом подозреваемого подтверждают необходимость реформирования существующей модели. Особенно убедительно выглядит анализ статистических данных, демонстрирующий, что основание наделения процессуальным статусом подозреваемого в виде возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица применяется менее чем в половине случаев регистрации преступлений, что свидетельствует о системном характере проблемы.

Научная новизна исследования проявляется в комплексном подходе, сочетающем анализ российских реалий с учетом реформы уголовного процесса в Казахстане. Особенно перспективной представляется идея введения единого для всех форм расследования основания наделения статусом подозреваемого – вынесения

постановления о возбуждении уголовного преследования, заимствованная из казахстанского законодательства, но адаптированная к российским правовым реалиям. Предложение о введении института следственного судьи для контроля обоснованности уголовного преследования также заслуживает внимания, хотя требует более детальной проработки его полномочий и механизма взаимодействия с другими участниками процесса, особенно с учетом существующих конституционных ограничений в российской судебной системе.

Стиль изложения в целом соответствует научным требованиям, однако наблюдается некоторая громоздкость синтаксических конструкций, затрудняющая восприятие материала. Структура статьи логична и хорошо отражает сравнительный характер исследования: анализ казахстанского опыта органично переходит в предложения по реформированию российского законодательства. Содержательно работа демонстрирует глубокое знание автором проблематики, о чем свидетельствует широкое использование современных источников, включая диссертационные исследования, данные официальной статистики и материалы правоприменительной практики обеих стран.

Список литературы включает актуальные источники по российскому и казахстанскому законодательству, хотя можно было бы расширить перечень работ, посвященных непосредственно сравнительному анализу процессуальных систем двух стран. Все ссылки оформлены корректно, что говорит о добросовестности автора в использовании научного аппарата. Особого внимания заслуживает привлечение материалов анкетирования практикующих юристов, что придает работе не только теоретическую, но и практическую значимость.

Статья определенно вызовет интерес у научного сообщества и практиков. Потенциальные оппоненты могут указать на недостаточную проработанность механизма имплементации казахстанских правовых новелл в российскую правовую систему, особенно института следственного судьи, что требует значительных изменений не только УПК РФ, но и судебной системы в целом. Также может быть подвергнута сомнению реализуемость полного отказа от стадии возбуждения уголовного дела в ближайшей перспективе. Однако сама постановка этих вопросов является стимулом для дальнейшей научной дискуссии и не умаляет ценности проведенного исследования.

Выводы, представленные в статье, логично вытекают из проведенного сравнительного анализа и обладают значительной практической ценностью. Работа будет полезна не только ученым-процессуалистам, но и практикующим юристам, законодателям, а также преподавателям юридических вузов. Учитывая актуальность темы, научную новизну, основанную на глубоком сравнительном анализе двух правовых систем, и практическую направленность исследования, статья может быть рекомендована к публикации в журнале «Юридические исследования» после незначительной стилистической правки, направленной на упрощение синтаксических конструкций и улучшение читаемости текста.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Леканова Е.Е. Специальные виды освобождения от ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности // Юридические исследования. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76930 EDN: JZOLLC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76930

Специальные виды освобождения от ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности

Леканова Екатерина Евгеньевна

ORCID: 0000-0003-4350-7955

аспирант, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

150003, Россия, Ярославская область, г. Ярославль, ул. Советская, 14

✉ lekanova.katya@yandex.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.11.76930

EDN:

JZOLLC

Дата направления статьи в редакцию:

24-11-2025

Аннотация: В данной статье представлено исследование специальных видов освобождения от ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью достижения компромисса между стремлением возместить убытки, причиненные лицом личности, обществу, государству, и стремлением привлечь к ответственности и наказанию лицо за совершенное преступление. В исследовании представлены классификации специальных видов освобождения от ответственности в нормах гл. 22 УК РФ в зависимости от метода правового регулирования, по кратности применения и по характеру условий освобождения. Классификации специальных видов освобождения от уголовной ответственности необходимы при конструировании новых видов освобождения от уголовной ответственности, способствуют единообразному формулированию видов освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений, имеющих общие признаки. В качестве методологической основы исследования использованы такие методы, как анализ, синтез, правовая индукция,

обобщение, сравнение, формально-юридический метод. В статье обосновываются недостатки конструкций некоторых специальных видов освобождения от ответственности, содержащихся в главе 22 УК РФ, а также поднимается вопрос о необходимости введения новых специальных видов освобождения от ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. В частности, для решения проблемы возвращения вывезенных культурных ценностей на территорию РФ в нарушение ст. 190 УК РФ требуется сконструировать специальный вид освобождения от ответственности возмездительного характера в примечании к ст. 190 УК РФ, например, следующим образом: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если добровольно исполнило обязанность по возврату на территорию Российской Федерации культурных ценностей, вывезенных за ее пределы, в неповрежденном состоянии».

Ключевые слова:

экономические преступления, экономическая деятельность, уголовная ответственность, освобождение от ответственности, вымогательство, невозвращение культурных ценностей, заглаживание вреда, крайняя необходимость, деятельное раскаяние, преступление

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью достижения компромисса между стремлением возместить убытки, причиненные лицом личности, обществу, государству, и стремлением привлечь к ответственности и наказанию лицо за совершенное преступление.

Предметом исследования выступают нормы уголовного законодательства, регламентирующие специальные виды освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, а также научная литература, посвященная данным видам освобождения от уголовной ответственности.

Целью исследования является комплексный анализ основных проблем регламентации и конструирования специальных видов освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности.

Для анализа основных проблем регламентации специальных видов освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности были использованы диссертационные и монографические труды российских правоведов, в частности, А.А. Коренной [\[1\]](#), Л.Л. Кругликова [\[2\]](#), А.К. Хачатряна [\[3\]](#), В.В. Власенко [\[4\]](#), а также научные статьи по уголовному праву Е.А. Лошковой [\[5\]](#), А.В. Савинского [\[6\]](#), Г.В. Пусурманова [\[7\]](#) и др. При конструировании (разработке) специального вида освобождения от ответственности за невозвращение культурных ценностей нами были учтены научные взгляды А.Ф. Манаповой [\[8\]](#), И.А. Халикова [\[9\]](#), Г.В. Пусурманова [\[7\]](#).

В качестве **методологической основы исследования** использованы такие методы, как анализ, синтез, правовая индукция, обобщение, сравнение, формально-юридический метод. Методы анализа и синтеза использовались для построения авторских умозаключений на основе норм уголовного права, разъяснений актов толкования,

научных позиций правоведов. С помощью метода правовой индукции и метода сравнения автором были разработаны классификации специальных видов освобождения от ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. Формально-юридический метод использован для анализа норм права и разъяснений актов толкования, регламентирующих специальные виды освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. Методом обобщения были сформулированы авторские выводы в заключении научного исследования.

Причины включения специальных видов освобождения от уголовной ответственности в гл. 22 УК РФ

Включение в гл. 22 УК РФ специальных видов освобождения от ответственности объясняется, во-первых, что в большинстве случаев вред, причиненный преступлением, может быть заглажен. Иными словами, ущерб как следствие совершения этих преступлений измерим в большинстве случаев в денежном эквиваленте и может быть погашен, чего нельзя сказать о многих иных группах преступлений [\[3, С. 111\]](#).

Во-вторых, включение в состав некоторых видов освобождения условий о способствовании расследованию преступления имеет целью экономию сил государства на уголовное преследование соответствующих деяний.

В-третьих, специальные виды освобождения от ответственности являются средствами дифференциации уголовной ответственности, с помощью которых происходит градация последней [\[2, С. 41; 1, С. 374\]](#). Действительно, такие основания устанавливаются законодателем, характеризуют наиболее типовые ситуации, понижающие общественную опасность совершенного преступления и личности виновного, означают депенализацию деяния, которая не выходит за рамки дифференциации уголовной ответственности, а значит, являются средством ее дифференциации [\[10, С. 104\]](#).

Гл. 22 УК РФ содержит шестнадцать составов, на которые распространяются специальные виды освобождения от уголовной ответственности. К ним относятся следующие преступные посягательства: незаконное образование юридического лица или государственная регистрация физического лица в качестве индивидуального предпринимателя (ст. 173.1); незаконное использование документов для образования юридического лица или для государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя (ст. 173.2); ограничение конкуренции (ст. 178); оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184); неправомерный оборот средств платежей (ст. 187); неправомерные действия при банкротстве (ст. 195); преднамеренное банкротство (ст. 196); налоговые преступления (ст. 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4); контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1); привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости (ст. 200.3); подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ст. 200.5); подкуп третейского судьи (ст. 200.7).

Основание специальных видов освобождения от ответственности, представленных в гл. 22 УК РФ, является субъективным. Субъективное основание заключается в том, что лицо, совершившее преступление, перестает быть общественно опасным либо степень его общественной опасности снижается до такого уровня, при котором возникает

необходимость освобождения от уголовной ответственности. В свою очередь, состав условий у каждого специального вида освобождения от уголовной ответственности в примечаниях гл. 22 УК РФ является специфичным.

Классификации специальных видов освобождения от ответственности в нормах гл. 22 УК РФ

По методу правового регулирования специальные виды освобождения от ответственности делятся на **обязательные (императивные)** – всегда применяемые при наличии оснований и условий для отказа от осуждения лица в форме обвинительного приговора – и **факультативные (диспозитивные)** – реализуемые по усмотрению правоприменителя при наличии оснований и условий для отказа от осуждения лица в форме обвинительного приговора [\[5, С. 152\]](#).

Можно заметить, что все специальные виды освобождений от ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности являются обязательными. Категоричность законодателя в гарантировании обязательного освобождения от уголовной ответственности объясняется невысокой степенью общественной опасности данных преступлений, а также необходимостью заглаживания вреда перед потерпевшими, либо стремлением обнаружить трудно раскрываемые преступления с помощью лиц, непосредственно их совершивших.

По кратности применения специальные виды освобождения от ответственности в нормах гл. 22 УК РФ можно подразделить на **однократно применяемые** (применяемые только в отношении лиц, совершивших данное преступление впервые) и на **многократно применяемые** (применяемые независимо от совершения лицом соответствующего преступления ранее). К первой группе относятся специальные виды освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 173.1, 173.2, 195, 196, 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4 УК РФ, а ко второй – в виды освобождения от уголовной ответственности, указанные в примечаниях к ст. 178, 184, 187, 200.1, 200.3, 200.5, 200.7 УК РФ.

Лицо признается впервые совершившим преступление, если оно не имеет неснятую или непогашенную судимость за преступление, предусмотренное той же статьей, от ответственности по которой оно освобождается (абз. 2 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19). В частности, к лицам, совершившим преступление впервые, относятся лица, которые ранее были освобождены от уголовной ответственности (пп. «д» абз. 1 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19). По мнению Л.Н. Пастушковой и Н.Н. Балюка, данная широкая трактовка понятия «лицо, впервые совершившее преступление» приводит в большинстве случаев к фактической безнаказанности: «Лицо, имеющее намерение совершить налоговое преступление, всегда будет иметь в виду, что в том случае, если его уклонение от уплаты налогов и (или) сборов все-таки будет выявлено, оно сможет воспользоваться легально предоставленными возможностями возмещения ущерба бюджету для освобождения от уголовной ответственности» [\[11, С. 343\]](#). С другой стороны, криминализуются именно те деяния, которые наносят вред гражданам, обществу и государству, и если лицо в состоянии оперативно возместить такой вред, причиненный преступлением, то решение законодателя воспользоваться такой возможностью для восстановления имущественного положения потерпевшего является вполне целесообразным.

По характеру условий специальные виды освобождения от ответственности в нормах

гл. 22 УК РФ можно подразделить на освобождения от ответственности следственного характера, освобождения от ответственности возместительного характера и освобождения от ответственности следственно-возместительного характера.

Специальные виды освобождения от ответственности **следственного характера** в нормах гл. 22 УК РФ содержат одно или несколько из следующих условий: 1) активное способствование раскрытию или расследованию преступления (ст. 173.1, 173.2, 184, 187, 195, 196, 200.5, 200.7 УК РФ); 2) добровольное сообщение о совершенном преступлении (ст. 184, 200.5, 200.7 УК РФ); 3) добровольное сообщение о лицах, совершивших другие преступления с использованием предоставленного ему оператором по переводу денежных средств электронного средства платежа (ст. 187 УК РФ); 4) добровольное сообщение о лицах, извлекавших выгоду из незаконного или недобросовестного поведения должника и раскрытие информации об имуществе указанных лиц, объем которого обеспечил реальное возмещение причиненного преступлением ущерба (ст. 195, 196 УК РФ); 5) добровольная сдача предметов преступления (ст. 200.1 УК РФ).

Крайне нетипичное обязательное условие следственного характера для освобождения от ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности упомянуто в прим. 4 ст. 187 УК РФ. Речь идет о добровольном сообщении о лицах, совершивших другие преступления с использованием предоставленного ему оператором по переводу денежных средств электронного средства платежа (в дополнение к условию об активном способствовании раскрытию или расследованию совершенного преступления). В прим. 4 ст. 187 УК РФ предоставляется возможность освободиться от уголовной ответственности за следующие деяния: 1) передача из корыстной заинтересованности электронного средства платежа или доступа к нему другому лицу для осуществления таким лицом неправомερных операций; 2) осуществление из корыстной заинтересованности неправомερных операций с использованием электронного средства платежа по указанию или в интересах другого лица.

Анализируемое условие является нетипичным, так как не упоминается в других нормах гл. 22 УК РФ. Проблемы его выполнения заключаются в следующем. Во-первых, лицо, передавшее другим лицам свое электронное средство платежа, может не знать о том, какие преступления посредством его электронного средства платежа были совершены другими лицами. Во-вторых, другие лица могут не успеть совершить преступления с использованием чужого электронного средства платежа. В таких случаях лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности в соответствии с прим. 4 ст. 187 УК РФ, даже если обладает информацией о личности приобретателей его средства электронного средства платежа или способно подействовать с установлением личности таких приобретателей. Вместе с тем лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 3 или ч. 4 ст. 187 УК РФ может попробовать воспользоваться основаниями освобождения от ответственности, указанными в гл. 11 УК РФ. Основной причиной, по которой законодатель предусмотрел в прим. 4 ст. 187 УК РФ в качестве обязательного условия «добровольное сообщение о лицах, совершивших другие преступления с использованием предоставленного ему оператором по переводу денежных средств электронного средства платежа», выступает то, что общественная опасность неправомερного оборота средств платежей заключается именно в том, что с помощью чужих электронных средств платежей преступники могут совершать анонимно и дистанционно кражи, мошенничество и т.п.

В свою очередь, специальные виды освобождения от ответственности **возместительного характера** в предписаниях гл. 22 УК РФ содержат одно или

несколько из следующих условий: 1) уплата сумм недоимки, пеней и штрафа (ст. 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4 УК РФ); 2) возмещение незаконно привлеченных денежных средств (ст. 200.3 УК РФ); 3) принятие мер по введению в эксплуатацию объекта недвижимости, для строительства которого привлекались чужие денежные средства (ст. 200.3 УК РФ).

Кроме того, уголовный закон допускает освобождение от ответственности за большое количество преступлений в сфере экономической деятельности в связи с возмещением вреда в соответствии со ст. 76.1 УК РФ, но согласно позиции большинства ученых (в частности, Н.И. Кузнецовой [\[12, С. 28\]](#), В.Н. Боркова, С.В. Суверова [\[13, С. 164\]](#), В.В. Власенко [\[4, С. 13\]](#)) указанный вид освобождения от ответственности является общим, так как регламентирован в Общей части УК РФ. В то же время А.А. Коренная предлагает отнести освобождение от ответственности, предусмотренное ст. 76.1 УК РФ, к специальным видам освобождения от уголовной ответственности [\[1, С. 362\]](#) по следующим причинам. Во-первых, в ст. 76.1 УК РФ конкретизированы статьи Особенной части УК РФ (в том числе, ст. 198 – 199.1, 199.3, 199.4 УК РФ), на которые распространяется возможность освобождения уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. Во-вторых, в ст. 76.1 УК РФ дана детальная регламентация способов возмещения вреда в отношении конкретных составов преступления.

На наш взгляд, де-юре освобождение от ответственности, предусмотренное ст. 76.1 УК РФ, относится к общим видам освобождения от уголовной ответственности в силу своего нахождения в Общей части УК РФ, но де-факто тяготеет к специальным видам освобождения от уголовной ответственности. Иными словами, законодатель неправильно расположил законодательный материал, содержащийся в ст. 76.1 УК РФ. Предписание ч. 1 ст. 76.1 УК РФ является совершенно лишним, так как в УК РФ содержатся примечания к ст. 198 – 199.1, 199.3, 199.4 УК РФ, которые его дублируют. Норму ч. 2 ст. 76.1 УК РФ следует распределить между гл. 19, гл. 21 и гл. 22 Особенной части УК РФ. При этом целесообразно в гл. 22 УК РФ ввести отдельную ст. 168.1 УК РФ, в которой помимо прочего перенести из ч. 2 ст. 76.1 УК РФ положения об освобождении от ответственности за конкретные виды преступлений в сфере экономической деятельности в связи с возмещением ущерба (незаконного дохода, неосновательных сбережений) в «трехкратном размере» [\[1, С. 362\]](#) (аналогичный прием законодатель использовал при создании гл. 33 «Преступления против военной службы» в ст. 331 УК РФ). И после указанных правотворческих операций виды освобождения от ответственности за конкретные виды преступлений в сфере экономической деятельности в связи с возмещением ущерба (незаконного дохода, неосновательных сбережений) де-юре станут считаться специальными.

К специальным видам освобождения от ответственности **следственно-возместительного характера** в нормах гл. 22 УК РФ относится освобождение от уголовной ответственности, предусмотренное в прим. 4 ст. 178 УК РФ и содержащее три обязательных условия для его применения: 1) добровольное сообщение о совершенном преступлении; 2) активное способствование раскрытию или расследованию преступления; 3) заглаживание причиненного преступлением вреда.

Таким образом, специальные виды освобождения от ответственности в нормах гл. 22 УК РФ могут быть классифицированы по методу правового регулирования, по кратности применения и по характеру условий освобождения.

Вымогательство как условие освобождения от уголовной ответственности за

совершение преступлений коррупционной направленности в гл. 22 УК РФ

Совершение вымогательства другими лицами в отношении субъекта преступлений коррупционной направленности в гл. 22 УК РФ возведено законодателем в ранг условия освобождения от ответственности за совершение указанных преступлений. У данного правотворческого решения есть ряд недостатков.

Во-первых, данное условие не относится к поведению субъекта преступления.

Во-вторых, вымогательство имеет место до совершения преступления, а другие условия освобождения от уголовной ответственности, содержащиеся в УК РФ, характеризуют посткриминальное поведение субъекта преступления, а не обстоятельства, при которых или вследствие которых субъект преступления совершил деяние, запрещенное уголовным законом.

В-третьих, по своей правовой природе совершение вымогательства другими лицами больше тяготеет к обстоятельствам, исключающим преступность деяния.

Под вымогательством взятки (п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ) или предмета коммерческого подкупа (п. «б» ч. 7 ст. 204 УК РФ) следует понимать не только требование должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, дать взятку либо передать незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих охраняемых законом интересов (п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»).

В научной литературе вымогательство предмета подкупа (взятки и т.п.) квалифицируют как пример крайней необходимости при совершении лицом, являющимся жертвой вымогательства, преступлений, предусмотренных ч. 1, ч. 2 и ч. 5 ст. 184, ч. 1 – 3 ст. 200.5, ч. 1 – 4 ст. 200.7, ч. 1 – 4 ст. 204, ст. 204.2, ст. 291, ст. 291.2 УК РФ [\[21, С. 110; 15, С. 161\]](#).

Крайняя необходимость представляет собой обстоятельство причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства и которая не могла быть устранена иными средствами (ч. 1 ст. 39 УК РФ).

Из этого следует, что совершение вымогательства другими лицами в отношении субъекта преступления не должно использоваться в качестве условия освобождения от уголовной ответственности, его необходимо исключить из прим. 2 к ст. 184 УК РФ, прим. 2 к ст. 200.5 УК РФ, прим. 2 к ст. 200.7 УК РФ, прим. 2 к ст. 204 УК РФ, прим. 2 к ст. 204.2 УК РФ, прим. к ст. 291 УК РФ, прим. к ст. 291.2 УК РФ.

А.В. Савинский указывает, что существуют не только общие, но и специальные виды обстоятельств, исключающих преступность деяния: «Лица, действующие в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния, совершают деяния, формально обладающие всеми признаками преступления. И лишь в силу специальных указаний закона, при наличии определенных дозволительных факторов или условий, названных в ст. 37 – 42 УК РФ (а также в примечаниях к ст. 151, 308, 316, 322 Особой части УК

РФ), эти деяния утрачивают уголовную противоправность, декриминализируются, становятся правомерными [\[6, С. 135\]](#).

Общие виды обстоятельств, исключающих преступность деяния, указаны в гл. 8 УК РФ и могут быть применены при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности за совершение любого деяния, формально обладающего признаками преступления, а специальные виды обстоятельств, исключающих преступность деяния, размещены в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ и касаются конкретных составов преступления.

Полагаем, что необходимо добавить новые примечания к ст. 184, 200.5, 200.7, 204, 204.2, 291, 291.2 УК РФ о том, что лицо не подлежит уголовной ответственности за деяния, предусмотренные ч. 1, ч. 2 и ч. 5 ст. 184, ч. 1 – 3 ст. 200.5, ч. 1 – 4 ст. 200.7, ч. 1 – 4 ст. 204, ст. 204.2, ст. 291, ст. 291.2 УК РФ, если в отношении него имело место вымогательство.

Необходимость конструирования специального вида освобождения от ответственности за невозвращение культурных ценностей

Культурные ценности играют огромную роль в формировании и сохранении национальной и общественной идентичности, являются основой для развития мира искусства, науки, культуры и многих других сфер [\[8, С. 48, 16, С. 132\]](#). Уважение культурных ценностей своего и других народов способствует укреплению межкультурного взаимодействия, а также минимизации преступлений в данной области [\[8, С. 48; 9, С. 353; 17, С. 191\]](#).

Предписанием ст. 190 УК РФ устанавливается ответственность за невозвращение в установленный срок на территорию РФ культурных ценностей, вывезенных за ее пределы, если такое возвращение является обязательным в соответствии с законодательством РФ.

Субъектом невозвращения культурных ценностей может быть только лицо, получившее разрешительный документ на временный вывоз и обязанное осуществить возврат культурных ценностей на территорию РФ [\[7, С. 89\]](#). Г.В. Пусурманов отмечает, что по смыслу ст. 35.1 Закона РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» субъектом преступления, предусмотренного ст. 190 УК РФ, не может быть автор созданных культурных ценностей [\[7, С. 89\]](#).

Привлечение лица к ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 190 УК РФ, не решает проблемы возвращения культурных ценностей на территорию РФ, в связи с чем законодатель должен простимулировать лицо, совершившее анализируемое преступление, исполнить свою обязанность, пусть и с небольшим опозданием.

В данной ситуации является невозможным при возвращении в Россию культурных ценностей освобождение лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) или в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), так как максимальное наказание за совершение преступления, предусмотренного ст. 190 УК РФ, составляет восемь лет лишения свободы, то есть речь идет о тяжком преступлении, а положения ст. 75 и ст. 76 УК РФ допускают освобождение от ответственности за преступления небольшой и средней тяжести.

В связи с этим требуется сконструировать специальный вид освобождения от ответственности возмездительного характера в примечании к ст. 190 УК РФ, например,

следующим образом: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если добровольно исполнило обязанность по возврату на территорию Российской Федерации культурных ценностей, вывезенных за ее пределы, в неповрежденном состоянии».

Заключение

Специальные виды освобождения от ответственности являются средствами дифференциации уголовной ответственности, с помощью которых происходит градация последней. Включение в гл. 22 УК РФ специальных видов освобождения необходимо для стимулирования лица, совершившего преступление, к заглаживанию причиненного вреда, а также для экономии сил государства на уголовное преследование лиц, совершивших соответствующие деяния.

Гл. 22 УК РФ содержит шестнадцать статей, на которые распространяются специальные виды освобождения от уголовной ответственности. Субъективное основание освобождения от ответственности заключается в том, что лицо, совершившее преступление, перестает быть общественно опасным либо степень его общественной опасности снижается до такого уровня, при котором возникает необходимость освобождения от уголовной ответственности.

Набор условий у каждого специального вида освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности обладает своей спецификой. Нельзя выделить единого условия, характерного для каждого особенного вида освобождения от ответственности, содержащегося в гл. 22 УК РФ. Сомнение вызывает включение в состав условий освобождения, указанных в прим. 2 к ст. 184 УК РФ, прим. 2 к ст. 200.5 УК РФ, прим. 2 к ст. 200.7 УК РФ, прим. 2 к ст. 204 УК РФ, прим. 2 к ст. 204.2 УК РФ, прим. к ст. 291 УК РФ, прим. к ст. 291.2 УК РФ, наличия факта вымогательства в отношении лица, совершившего соответствующее преступление. При решении вопроса о привлечении к ответственности в таких случаях лучше обратиться к нормам о крайней необходимости, а условие о вымогательстве изъять из указанных норм как не характеризующее посткриминальное поведение лица. Полагаем, что необходимо добавить новые примечания к ст. 184, 200.5, 200.7, 204, 204.2, 291, 291.2 УК РФ о том, что лицо не подлежит уголовной ответственности за деяния, предусмотренные ч. 1, ч. 2 и ч. 5 ст. 184, ч. 1 – 3 ст. 200.5, ч. 1 – 4 ст. 200.7, ч. 1 – 4 ст. 204, ст. 204.2, ст. 291, ст. 291.2 УК РФ, если в отношении него имело место вымогательство.

Специальные виды освобождения от ответственности в нормах гл. 22 УК РФ могут быть классифицированы по методу правового регулирования, по кратности применения и по характеру условий освобождения. Классификации специальных видов освобождения от уголовной ответственности необходимы при конструировании новых видов освобождения от уголовной ответственности, способствуют единообразному формулированию видов освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений, имеющих общие признаки.

Для решения проблемы возвращения вывезенных культурных ценностей на территорию РФ в нарушение ст. 190 УК РФ требуется сконструировать специальный вид освобождения от ответственности возмездительного характера в примечании к ст. 190 УК РФ, например, следующим образом: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если добровольно исполнило обязанность по возврату на территорию Российской Федерации культурных ценностей, вывезенных за ее пределы, в неповрежденном состоянии».

Библиография

1. Коренная А.А. Теоретическая модель уголовно-правовой охраны экономической деятельности: дис. ... док. юрид. наук / Коренная Анна Анатольевна. Барнаул, 2025. 553 с.
2. Основные проблемы реформирования уголовно-правовых норм об экономических преступлениях и практики их применения на современном этапе развития России: монография / Л.Л. Кругликов, А.В. Иванчин, О.Ю. Комарова и др.; Ярославль: ЯрГУ, 2012. 372 с.
3. Хачатрян А.К. Освобождение от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Хачатрян Артур Камович. Москва, 2015. 29 с.
4. Власенко В.В. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Власенко Владислав Владимирович. Москва, 2014. 23 с.
5. Лошкова Е.А. Общая характеристика института освобождения от уголовной ответственности и наказания // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 2. С. 151-157.
6. Савинский А.В. О юридической природе обстоятельств, исключающих преступность деяния // Правоведение. 2015. № 4. С. 124-136.
7. Пусурманов Г.В. Вопросы квалификации преступления, предусмотренного статьей 190 УК РФ "Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей" // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 4. С. 86-91.
8. Манапова А.Ф. Понятие культурных ценностей народов в Российской Федерации // Юрислингвистика. 2025. № 36. С. 45-49.
9. Халиков И.А. Основы уголовно-правовой охраны исторического и культурного наследия в контексте уголовно-правовой политики // Объект преступления и уголовно-правовой охраны: историко-правовой, аксиологический, методологический и формально-юридический аспекты: материалы международной научно-практической конференции. Екатеринбург: УГЮУ, 2023. С. 352-362.
10. Хорошилов С.А. О средствах дифференциации уголовной ответственности за налоговые преступления // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 4. С. 103-106.
11. Пастушкова Л.Н., Балюк Н.Н. К вопросу о последствиях введения примечаний к ст. 198 и 199 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2013. № 4. С. 341-345.
12. Кузнецова Н.И. Общие и специальные виды освобождения от уголовной ответственности за совершение экологических преступлений: опыт теоретического моделирования // Российский следователь. 2025. № 3. С. 28-31.
13. Борков В.Н., Суверов С.В. Общие и специальные виды освобождения от уголовной ответственности: назначение, цели, особенности конструирования // Правоприменение. 2022. № 1. С. 162-173.
14. Акопян А.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности взяткодателя, если имело место вымогательство взятки // Право: история, теория, практика: материалы III Международной научной конференции. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2015. С. 108-111.
15. Яни П.С. Вымогательство взятки как признак крайней необходимости, исключающей ответственность за дачу взятки // Законность. 2012. № 5. С. 16-19.
16. Zhao L. Manifestation of cultural values in educational advertising // Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology. 2023. № 6. Pp. 131-139.
17. Agafonova T.S., Dmitrienko N.A. The peculiarity of female crime // Trends in the

development of science and education. 2024. № 106-6. Pp. 190-192.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Специальные виды освобождения от ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности»

Представленная статья посвящена анализу актуальной и практически значимой проблематике – применению специальных норм, позволяющих освободить лицо от уголовной ответственности за преступления, совершенные в сфере экономической деятельности. Тема затрагивает вопросы баланса между карательной функцией уголовного права и целями реинтеграции субъектов предпринимательства.

Актуальность темы не вызывает сомнений. В условиях динамичного развития рыночных отношений и постоянного совершенствования законодательства о предпринимательской деятельности, вопросы освобождения от ответственности (например, в связи с возмещением ущерба, примечанием к статьям или применением иных институтов уголовно-правового характера) приобретают особую значимость.

Предметом исследования статьи выступают нормы уголовного законодательства, регламентирующие специальные виды освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, а также научная литература, посвященная данным видам освобождения от уголовной ответственности.

Для достижения цели автор использует следующие методы: «анализ, синтез, правовая индукция, обобщение, сравнение, формально-юридический метод. Методы анализа и синтеза использовались для построения авторских умозаключений на основе норм уголовного права, разъяснений актов толкования, научных позиций правоведов. С помощью метода правовой индукции и метода сравнения автором были разработаны классификации специальных видов освобождения от ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. Формально-юридический метод использован для анализа норм права и разъяснений актов толкования, регламентирующих специальные виды освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. Методом обобщения были сформулированы авторские выводы в заключении научного исследования».

Научная новизна статьи будет заключаться в выводах о том, что специальные виды освобождения от ответственности являются средствами дифференциации уголовной ответственности; классификации специальных видов освобождения от уголовной ответственности необходимы при конструировании новых видов освобождения от уголовной ответственности, способствуют единообразному формулированию видов освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений, имеющих общие признаки.

Структурная организация текста соответствует научным стандартам, изложение ясно и доступно. С положительной точки зрения можно отметить, что работа разделена на разделы «Введение», «Причины включения специальных видов освобождения от уголовной ответственности в гл. 22 УК РФ», «Классификации специальных видов

освобождения от ответственности в нормах гл. 22 УК РФ», «Вымогательство как условие освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений коррупционной направленности в гл. 22 УК РФ», «Необходимость конструирования специального вида освобождения от ответственности за невозвращение культурных ценностей», «Заключение», что способствует легкому восприятию материала читателями различной профессиональной направленности.

Библиография исследования отражает современное состояние научной дискуссии и содержит в себе 17 научных трудов, что подтверждает глубину исследования и высокий уровень подготовки автора. Список литературы включает фундаментальные работы по рассматриваемой проблематике. Вместе с тем, автор ссылается на мнения других исследователей (А.А. Коренная, Л.Л. Кругликов, А.В. Иванчин, О.Ю. Комарова, А.К. Хачатрян, П.С. Яни и др.), демонстрируя осведомленность о дискуссиях в научной среде, а также активно вступает с ними в научную дискуссию.

На основании проведенного анализа считаю, что статья «Специальные виды освобождения от ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности» является самостоятельным, завершенным научным исследованием, вносящим вклад в развитие уголовно-правовых наук. Автор демонстрирует хорошее понимание темы и способность к системному анализу.

Статья рекомендуется к опубликованию.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Авакьян М.В., Балановский В.В. Оценка потенциала амитологии в качестве метода профилактики скулшутинга // Юридические исследования. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76816 EDN: JZWFZS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76816

Оценка потенциала амитологии в качестве метода профилактики скулшутинга

Авакьян Михаил Владимирович

кандидат юридических наук

доцент; высшая школа Высшая школа права; ФГАОУ ВО "Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта"

236010, Россия, Калининградская обл., г. Калининград, Центральный р-н, ул. Белинского, д. 6А, кв. 13

✉ avakyan1992@gmail.com

Балановский Валентин Валентинович

кандидат философских наук

доцент; высшая школа Высшая школа философии, истории и гуманитарных наук; ФГАОУ ВО "Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта"

236006, Россия, Калининградская обл., г. Калининград, Ленинградский р-н, ул. А. Невского, д. 14

✉ v.v.balanovskiy@yandex.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.11.76816

EDN:

JZWFZS

Дата направления статьи в редакцию:

17-11-2025

Аннотация: Предмет исследования составили вопросы организации профилактики скулшутинга и иных форм девиантного поведения в образовательной среде. Проанализированы подходы к пониманию, сущности и правовому статусу скулшутинга. Обоснована необходимость проведения системной профилактической работы в образовательной среде на разных уровнях: от идеологической до индивидуальной в отношении потенциальных скулшутеров. Сформулировано авторское представление о

сложившейся концепции профилактической работы, основные направления которой нацелены на разъяснение молодежи деструктивной сущности различных видов девиантного поведения, формирование представления о неотвратимости наказания за совершение подобных действий, информирование об ужесточении мер уголовной ответственности. Также, была предпринята попытка исследования гипотезы о том, что целенаправленное развитие социальных навыков и создание сплоченной атмосферы в коллективе способно снизить риски социального исключения и агрессивного поведения учащихся. Методологическую базу исследования наряду с совокупностью общенаучных методов (наблюдение, сравнение, анализ, синтез, обобщение, дедукция) составили также метод сравнительно-правовых исследования, а также наработки в области интегрализма. Исследование осуществлено на материале специальной криминологической литературы и социально-философских трудов одного из основателей современной социологии П.А. Сорокина. В работе впервые даётся оценка применимости амитологии П.А. Сорокина к профилактике противоправного поведения молодёжи, в частности, скулшутинга. При этом обосновывается тезис о том, что система образования обладает рядом существенных преимуществ перед семьёй, друзьями, церковью в качестве среды формирования устойчивой способности проявлять созидательный альтруизм. По результатам исследования был сделан вывод о том, что наработки П.А. Сорокина в области амитологии обладают значительным потенциалом для организации профилактики различных форм девиантного поведения в молодежной среде. В частности, концепция «альтруистической любви» как основы социальной гармонии и солидарности предлагает альтернативу репрессивным и чисто рациональным подходам к организации профилактики различных форм девиантного поведения в образовательной среде.

Ключевые слова:

скулшутинг, колумбайн, терроризм, девиантное поведение, молодежь, образование, профилактика, альтруизм, интегрализм, амитология

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00704, <https://rscf.ru/project/25-28-00704/>

Введение

Проблема противодействия угрозам и вызовам общественной и идеологической безопасности [1, 2] является социально значимой как для органов публичной власти, так и для институтов гражданского общества, поскольку культивация идеологии насилия направлена на размывание ценностных ориентиров граждан, что в последующем приводит к росту противоправных деяний и причинению вреда физическому и психическому здоровью неограниченного круга лиц [3, с.12] и, в конечном итоге, к деструкции общественных отношений. При этом профилактические меры, направленные против указанных угроз, должны состоять не только из точечных воздействий, но и общих подходах к организации профилактики, призванных объединить и направить отдельные локальные усилия.

Одной из таких глобальных угроз, нуждающийся в постоянной систематической профилактике, является скулшутинг, концептуально представляющий собой вооруженное

посягательство учащегося или стороннего человека на жизнь и здоровье учащихся или иных лиц, находящихся на территории образовательного учреждения [\[4, 5, 6\]](#). Как будет показано ниже, в качестве общего основания для выработки комплекса конкретных мер по нивелированию факторов, провоцирующих скулшутинг, могут быть привлечены идеи одной из самых мощных российских школ философии права – русского правового реализма, основоположником которого является выдающийся социолог и правовед Л.И. Петражицкий.

Прежде чем перейти к основной части статьи, следует отметить, что скулшутинг как криминальный феномен не образует самостоятельного состава преступления, а выступает в качестве научной категории в отсутствии единого унифицированного определения [\[7, с. 63\]](#), [\[8\]](#). Синонимом данного понятия является также часто встречающийся на страницах специальной юридической литературы термин – «колумбайн» (**запрещенная в России террористическая организация*), образованный от названия школы Колумбайн в штате Колорадо (США), где 20 апреля 1999 года два ученика убили 12 учащихся и преподавателя, а также ранили в общей сложности 23 человека. Наименование образовательного учреждения стало нарицательным по отношению к схожим случаям массовых расстрелов в образовательной среде, и в настоящее время термины «скулшутинг» и «колумбайн» используются как синонимичные [\[9\]](#). В силу тренда на всеотраслевую глобализацию феномен скулшутинга после распространения в США сперва перекинулся на страны Западной Европы, а затем и на территории субъектов Российской Федерации [\[10, 11\]](#).

В научной литературе встречаются различные подходы к определению природы, сущности и содержания скулшутинга. Одним из наиболее универсальных представляется определение Ю.В. Суходольской, которая предлагает понимать под скулшутингом «убийство двух или более лиц, совершенное одновременно либо на протяжении небольшого промежутка времени в образовательной организации, без периодов эмоционального охлаждения, сопряженное с опасностью для неопределенного количества лиц, характеризующееся единым преступным намерением при отсутствии террористических либо корыстных мотивов» [\[12\]](#).

Между тем, наличие широкой научной дискуссии относительно категориально-понятийного аппарата не позволяет сделать однозначных выводов о количестве случаев скулшутинга, имевших место на территории Российской Федерации. Некоторые исследователи отмечают, что, начиная с первого случая скулшутинга в 2014 году и по состоянию на 2018 год, в России было совершено более 15-ти нападений, которые можно охарактеризовать как скулшутинг [\[13, с. 22\]](#). Другие ученые, опираясь на данные информационного агентства ТАСС, в своих исследованиях описывают 22 случая скулшутинга [\[14, с. 300\]](#).

Вместе с тем, целесообразным представляется обратиться к криминалистическому анализу представителей научной школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта, осуществленному в 2023 году. Примененный ими метод ситуационного анализа, позволил выделить пятнадцать случаев скулшутинга на территории Российской Федерации по состоянию на октябрь 2022 года [\[15\]](#). При этом если в 2014 году акт скулшутинга был единичным событием, то на текущий момент в России фиксируется не менее двух случаев скулшутинга ежегодно. Еще большее количество актов скулшутинга пресекается сотрудниками правоохранительных органов на этапе подготовки злоумышленника к совершению преступления.

Повышенная общественная и идеологическая опасность скулшутинга осознается и учитывается субъектами правоприменения. Так, в начале февраля 2022 года на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации была опубликована новость о принятом Верховным Судом Российской Федерации решении о признании «колумбайна» террористической организацией [\[16\]](#). Мотивировочная часть вышеуказанного решения недоступна для ознакомления, поскольку материалы дела содержали государственную тайну, а административное исковое заявление Генерального прокурора Российской Федерации рассматривалось в закрытом режиме [\[17\]](#).

Данное решение вызвало широкий общественный резонанс, поскольку любая «террористическая организация» имеет декларируемые цели, организационную структуру и определенных лидеров. Однако конкретная информация об этом отсутствует в силу закрытого рассмотрения дела. Между тем, сам факт наличия такого судебного акта свидетельствует о стремлении законодателя к ужесточению юридической ответственности не только за совершение скулшутинга, но и за призывы к его осуществлению и за подготовку к нему. Это в полной мере соответствует общей парадигме профилактической работы [\[18\]](#), основные направления которой нацелены на разъяснение молодежи деструктивной сущности различных видов девиантного поведения, формирование представления о неотвратимости наказания за совершение подобных действий, информирование об ужесточении мер уголовной ответственности.

Подобный вектор профилактической работы, несомненно, имеет право на существование, и во многом обусловлен объективными факторами, в том числе, участвовавшими за последние десять лет случаями стрельбы в образовательных учреждениях. Однако профилактика деструктивного поведения должна строиться не только на устрашении неотвратимостью уголовного наказания, но и на формировании у подростков и молодежи высоких духовно-нравственных идеалов, предполагающих безусловное признание ценности человеческой жизни и безучастное отношение к ближнему.

Система образования как оптимальный транслятор ценности альтруизма.

Продвижение в молодежной среде идей равенства, взаимовыручки, сострадания и милосердия к ближнему как принципов права может привнести в профилактическую работу позитивную компоненту, тем самым повысив общий уровень гражданского правосознания. Однако, когда речь заходит о формировании крепких устоев, возникает необходимость избегания ситуативных практик, которые не дают долгосрочного эффекта. В частности, к таким практикам можно отнести некритический трансфер зарубежных образовательных технологий, не учитывающих особенностей русского менталитета. Отсюда возникает задача поиска возвращенной на почву отечественной интеллектуальной культуры теоретической базы осуществления профилактической просветительской деятельности в молодежной среде. В качестве такой основы могут послужить наработки одного из родоначальников современной социологии, представителя Петербургской школы философии права, социолога и философа права П.А. Сорокина.

Вслед за своим учителем Л.И. Петражицким [\[19, с. 468, 477\]](#), [\[20, с. 3\]](#) П.А. Сорокин много внимания в своих исследованиях уделил альтруистической любви как основе правовой и социальной реальности, сформулировал собственную доктрину – амитологию [\[21, с. 277-279\]](#), под которой он понимал прикладную науку, целью которой является развитие способностей человека к дружбе, любви, к сотрудничеству. Причем акцент Сорокин

делал на то, что амитология максимально ориентирована на практику, что альтруистическая любовь должна стать частью нашей повседневности [\[22, с. 118\]](#).

Важно отметить, что апелляция к альтруистической любви как универсальному средству против социальных «язв» в российском психологическом и социально-философском дискурсе укоренена достаточно глубоко. В частности, интегрирующей силой наделял любовь и Ф.М. Достоевский, считавший ее универсальным средством преодоления человеческого несовершенства в контексте совершения тяжких преступлений. Так, тема любви как спасительной и исцеляющей силы получила свое наибольшее развитие в романе «Братья Карамазовы», где в речи старца Зосимы содержится призыв к всеобъемлющей альтруистической любви: «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие божеской любви и есть верх любви на земле. Любите все создание божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч божий любите. <...> И полюбишь, наконец, весь мир уже всецелою, всемирною любовью» [\[23, с. 341\]](#). Более того, Зосима практически дает универсальную формулу профилактики правонарушений: «Пред иною мыслью станешь в недоумении, особенно видя грех людей, и спросишь себя: "Взять ли силой, али смиренною любовью?" Всегда решай: "Возьму смиренною любовью". Решишь так раз навсегда и весь мир покорить можешь» [\[23, с. 342\]](#).

Амитология при всем присущей ей идеализме, является не просто утопической идеологической конструкцией, направленной на эфемерную задачу смягчить людские нравы, а выступает в качестве «прикладного аспекта интегрализма» [\[24, с. 42\]](#). В данном случае под интегрализмом понимается процесс преобразования относительно самостоятельных и не связанных между собой тесными связями объектов (таких как индивиды, социальные группы, страты, классы, государства) в единое, целостное образование [\[25, с. 39\]](#).

По задумке П.А. Сорокина, амитология должна стать новой прикладной областью знания, разрабатывающей практические рецепты по возвращению альтруистической любви в общественные отношения. Свое внимание амитология концентрирует на создании действенных методов по развитию способностей индивидов к бескорыстному взаимодействию и сотрудничеству, дружбе и взаимопомощи [\[25, с. 42-43\]](#).

Несмотря на то, что чувство любви легко проецируется на конкретные объекты и отношения, формирование любви к ближнему как универсальной ценности, требующей развития навыков абстрактного мышления, представляет собой непростую социально-педагогическую задачу. В первую очередь, вопрос заключается в том, какая социальная группа или институт должен прививать эту ценность?

Обращаясь к данному вопросу, П.А. Сорокин указывал на то, что значительная роль в способах производства, воспроизводства и ретрансляции любви принадлежит различным институтам социальной среды таким как семья, школа, церковь, государство, профессиональные группы [\[26, с. 440\]](#). При этом ученый отмечал, что большинство этих социальных институтов производит «относительно слабый, нечистый, недолговечный, неэкстенсивный и неадекватный поток любви» [\[27, с. 552\]](#). При первом приближении наиболее устойчивыми средами производства любви, обладающими возможностью перманентного воздействия на личность конкретного индивидуума, являются семья и друзья.

Однако дружба как регулятор поведенческих установок с точки зрения права имеет ряд

недостатков. Ключевым является то, что обязательства, возникающие в силу дружбы между людьми, могут не совпадать с действующими нормами права, а в некоторых случаях и прямо их нарушать. Например, под предлогом дружбы могут совершаться противоправные деяния, связанные с укрывательством (ст. 316 УК РФ) и несообщением о преступлении (ст. 205.6 УК РФ).

Аналогично, семейные узы предполагают приоритет интересов членов семьи над общественными или государственными интересами. Данное обстоятельство нашло свое отражение и в рамках действующего законодательства. Так, статьей 51 Конституции Российской Федерации каждому гарантировано право не свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников.

При этом П.А. Сорокин также отмечал ограниченный потенциал института семьи в вопросах производства любви. Он отмечал, что «подобно мастерской, производящей для местного рынка, семейное производство любви было также ограниченным для членов семьи. Только косвенно и изредка семья производила любовь, которая распространялась за ее пределы для человеческого «мирового рынка» [\[28, с. 152\]](#).

Еще одним проводником любви может выступать религия. Как отмечает А.Ю. Долгов, исследуя творчество Ф.М. Достоевского, П.А. Сорокин признавал правомерным вывод писателя о том, что один из главных путей решения общественных проблем – это «путь религиозно-нравственной деятельной любви человека ко всем людям, ко всему живому, ко всему миру, любви безусловной и постоянной» [\[29, с. 4\]](#).

Более того традиционное восприятие христианской этики поощряет такие качества как доброта, смирение, гуманизм и сострадание, что в полной мере согласуется с методологическим аппаратом амитологии. Любовь не только к близким, но и к врагам – вот путь, идя по которому можно приблизиться к Богу: «Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?» [\[30, с. 8\]](#).

Между тем, интеграционные возможности религии ограничиваются количеством паствы в пределах конкретного религиозного течения. Так, лицо, прямо отождествляющее себя с христианскими символом веры, разделяющее все постулируемые Библией догмы, едва ли сможет воспринимать как равного себе буддиста или приверженца иного религиозного течения. В лучшем случае речь может идти, если можно так выразиться, о «сострадании к заблудшей душе», в худшем – о конфликте на религиозной почве. Так, мировая история знает множество примеров, когда открытое насилие, сопряженное с уничтожением городов и государств, лишением жизни невинных жертв и завладением чужими материальными ценностями, обуславливалось глубокой взаимной неприязнью представителей разных конфессий.

При этом следует отметить, что в Средние века религиозная власть не была отделена от государства. Более того, институты Церкви были глубоко интегрированы в систему светского управления. Хотя их границы не всегда строго совпадали с границами формирующихся национальных государств, это, безусловно, отражалось на том, что конфликты на религиозной почве практически неизбежно приводили к военным действиям между различными государствами. Между тем приверженность к конкретному вероучению позволяла сформировать гражданскую идентичность внутри каждого государства.

В настоящее время большинство национальных государств мира в своих высших нормативно-правовых актах декларируют принцип секуляризма в части невмешательства

религиозных институций в вопросы государственного управления. При том, что под влиянием насаждаемой в течение последних двух десятилетий концепции глобализации в административно-территориальных границах каждого национального государства могут проживать люди совершенно разных религиозных предпочтений. Это, безусловно, несколько нивелирует риск возникновения межгосударственных конфликтов на религиозной почве, однако, несомненно, затрудняет формирование единой гражданской идентичности [\[31-33\]](#).

Помимо этого, неуклонно растет доля людей, которые идентифицируют себя в качестве атеистов, что, соответственно, делает их невосприимчивыми к контенту религиозного характера. Согласно исследованию ВЦИОМ, в 2021 году доля атеистов составила 14%, что в два раза больше, чем в 2017 году (7%) [\[34\]](#). По данным НИУ ВШЭ, в 2024 году 31% граждан не считают себя религиозными, а 25%, веря в высшую силу, не принадлежат при этом к какой-либо конфессии [\[35\]](#). Здесь следует сделать оговорку, что одно из последних исследований зафиксировало обратную тенденцию роста числа верующих [\[36\]](#). Однако насколько это устойчивая тенденция судить пока рано, да и речь пока идет незначительных изменений.

В таких обстоятельствах религия, как инструмент профилактики посредством формирования ценности альтуристической любви у максимально широкого круга индивидов имеет ряд недостатков: фрагментарный охват; ограниченное распространение (в силу рамок определенной конфессии или учения); отсутствие предсказуемого результата.

В свою очередь система образования как проводники любви во многом лишена недостатков вышеописанных социальных институтов. Так, образование в Российской Федерации является всеобъемлющим, иными словами сопровождает каждого гражданина в возрасте от трех до восемнадцати лет вне зависимости от происхождения, национальности, религиозных предпочтений или имущественного положения.

Образовательные институты осуществляют свою деятельность системно, на основе единых образовательных стандартов, определенных органами государственной исполнительной власти. Данное обстоятельство позволяет получить предсказуемый и единообразный результат, невзирая на широкую географию страны и богатство традиций народов России. Выстроенная система и централизованное управление также позволяют эффективно распространять информацию, доводя ее до учащихся и персонала образовательных учреждений.

Следует также отметить, что образовательная среда представляет собой жизнь в миниатюре. В этой жизни есть место для дружбы и любви, для радости побед и горечи неудач. При этом каждого учащегося можно представить как гражданина условного государства, ограниченного естественными границами – образовательным учреждением. В свою очередь администрация образовательного учреждения представляет собой публичную власть, разъясняющую гражданам принципы поведения, а также осуществляющую контроль за их соблюдением. При таком намеренном упрощении становится очевидным, что профессорско-преподавательский и административно-управленческий состав образовательного учреждения обладает практически неисчерпаемым ресурсом для реализации воспитательной функции в образовательной среде, и, как следствие, для формирования социально-ответственного гражданина.

Технологии формирования альтруизма по П.А. Сорокину

Следует отметить, что П.А. Сорокин неоднократно в своих трудах декларировал цели по реконструкции (реформации) общества посредством реализации воспитательной функции и созданию человека нового типа. Свой первый фундаментальный труд он заканчивает тезисом о том, что «сверхчеловек, стоящий выше современного добра и зла, права и нравственности, не знающий извне навязываемого "долга" и полный действенной любви к сочеловекам, – вот предел, к которому ведет история человечества» [\[37, с. 380\]](#). Несколько ницшеанский запал П.А. Сорокина обусловлен беспокойным временем создания «Преступления и кары...», обстоятельствами – первоначальный эмпирический материал монографии собирался во время непродолжительного заключения в тюрьме, политическими революционными пристрастиями автора. Все эти моменты важно учитывать при обращении к идеям Сорокина, особенно артикулированным в ранних произведениях.

Наиболее подробно своими гипотезами по вопросам формирования «сверхчеловека» П.А. Сорокин поделился на страницах своих научно-фантастических произведений, например, в «Прачной душ человеческих». Это роман-утопия, действие которого разворачивается вокруг новой системы воспитания и обучения. Для этих целей молодые ученые создали мифический препарат «умород», который улучшает память, внимание и другие функциональные характеристики головного мозга. По сюжету романа ученым удалось изучить основные законы человеческого сознания и поведения, а также провести ряд удачных экспериментов по интенсивному обучению и исправлению девиантного поведения. Герои представили итог своих исследований научному сообществу, после чего по их системе во всей стране стали открываться новые школы, доступные всем слоям населения, и «лаборатории по исправлению преступников». Все шло хорошо, пока некая преступная организация, завладев технологиями программирования людей, стала формировать противоправное поведение у ранее законопослушных граждан.

Так, роман-утопия Сорокина стал методологическим прототипом его дальнейших поисков путей перестройки общества, одним из которых стала попытка вывести «формулу человеческого поведения», и на ее основе изменить жизнь людей к лучшему. При этом в тексте своего художественного произведения словами лирического героя П.А. Сорокин изложил свое представление относительно развития общества: «Моя программа исчерпывается одним лозунгом – знание. Знание раскрывает законы необходимости, раскрывая их, оно дает в руки средства управлять мировыми силами и человеком. Только равенство интеллектуальное повлечет остальные виды равенства, только знание – может переделать человека-эгоиста в альтруиста, только оно же приведет нас к новой эпохе и к новым людям – сильным, действенным, здоровым и любящим друг друга. А все остальное – либо простое следствие, либо идола уставшего и ленивого ума, создавшего себе утопии» [\[37, с. 229\]](#).

В этой связи вслед за А.Ю. Долговым можно сделать вывод, что П.А. Сорокин усматривал зависимость развития общества от уровня общественного сознания, которое во многом формируется посредством образования. Альтруистические ценности, по мнению П.А. Сорокина, должны стать основой нового типа общества. Среди конкретных методов альтруизации П.А. Сорокин предложил следующие: альтруизация на основе выработки условных рефлексов; альтруизация через общественное мнение; героический моральный пример; рациональное убеждение; искусство; творческая деятельность; медитация и самоанализ и др. [\[39, с. 275-276\]](#).

Все эти методы гармонично могут быть встроены в реализуемую в образовательной

среде деятельность по профилактике различных форм девиантного поведения. Так, предложенная П.А. Сорокиным альтруизация представляет собой способ формирования устойчивых паттернов поведения, на закрепление которых во многом направлены положения Указа Президента от 09.11.2022г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Альтруизация через воздействие общественного мнения происходит в Российских школах и колледжах посредством цикла внеурочных занятий под общим названием «Разговоры о важном», которые помогают школьникам ориентироваться в современном информационном поле, разбираться в сложных вопросах и событиях. В свою очередь, героический моральный пример и рациональное убеждение раскрываются через интерактивные лекции, а также встречи молодежи с интересными людьми. На сегодняшний день подобные практики реализуются в рамках широкой палитры проектов, среди которых на системной основе можно выделить образовательные мероприятия, организуемые Российским обществом «Знание», а также мероприятия в рамках дискуссионной площадки «Открытый диалог», реализуемые практически во всех вузах Российской Федерации. Творческая деятельность также может рассматриваться как инструмент вовлечения молодежи из группы риска в созидательную деятельность, и на сегодняшний день молодежным инициативам в области искусства и творчества оказывается всесторонняя поддержка. Так, формируются различные арт-кластеры для молодых деятелей культуры, искусства и креативных индустрий, одним из таких является «Таврида.АРТ» — главная творческая площадка России для молодых людей, которая сочетает в себе образовательную программу, возможности для карьерного роста и грандиозный фестиваль, где рождаются новые творческие проекты и сообщества. Другим элементом поддержки является предоставление субсидий и грантовых возможностей. Активную работу в этом направлении ведет Федеральное агентство по делам молодежи («Росмолодежь»), выступая одним из основных операторов государственной поддержки.

Заключение

С учетом всего вышеизложенного можно сделать вывод, что наработки П.А. Сорокина в области амитологии обладают значительным потенциалом для организации профилактики различных форм девиантного поведения в молодежной среде. Его концепция «альтруистической любви» как основы социальной гармонии и солидарности предлагает альтернативу репрессивным и чисто рациональным подходам к девиантологии. Несмотря на трансформацию своих взглядов в разные периоды жизни, П.А. Сорокин последовательно отстаивал позицию о том, что культивирование взаимопомощи, эмпатии и созидательных ценностей способно снижать уровень агрессии и насилия, проявлений экстремизма и терроризма, а также иных форм девиантного поведения в молодежной среде. Внедрение его идей в профилактические мероприятия, реализуемые с молодежью в рамках образовательного процесса, может способствовать:

- формированию у молодых людей общероссийской гражданской идентичности;
- укреплению социальных связей;
- укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
- снижению влияния деструктивных субкультур.

В связи с этим справедливым представляется тезис П.А. Сорокина, приведенный в художественном произведении «Прачечная человеческих душ»: «Всякое воспитание сводится к двум вещам: 1) к тому, чтобы запечатлеть в ум воспитываемого то или иное

правило поведения: например, «не убий», «не укради», «не будь обидчиком», 2) к тому, чтобы это правило оставалось не только правилом, но и обладало силой подчинять себе поведение человека, иначе говоря, чтобы оно вошло в плоть и кровь человека, стало настолько действенным, что против него человек может поступить или нарушить его лишь при совершенно исключительных обстоятельствах» [\[38, с. 192\]](#).

И если первая задача потенциально может быть решена за счет использования традиционного профилактического инструментария (консультирование, предупреждение, разъяснение норм действующего законодательства), то регулирование поведения человека требует гораздо более сложного инструментария, в состав которого должны войти идеи альтруизма и всеобъемлющей любви.

Библиография

1. Килимник Е. В. Идеологическая безопасность в России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2023. № 6-1. С. 175-178.
2. Рожкова А.К. К вопросу выделения новых видов национальной безопасности: идеологическая безопасность (потенциал церкви) // Теория государства и права. 2020. № 3 (19). С. 157-169. DOI: 10.25839/MATGIP.2020.19.3.013 EDN: COAEFW
3. Авакьян М.В., Осипова Е.В. Криминалистические особенности личности скулшутера в Российской Федерации // В сборнике: Исследовательская трансформация педагогического образования: традиции как основа для инноваций. Сборник научных трудов X Международного форума по педагогическому образованию. Казань, 2024. С. 12-19. EDN: YZRHZY
4. Гончаров Л.А. "Колумбайн" и скулшутинг в структуре молодежного экстремизма и терроризма / Л.А. Гончаров // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2019. № 2. С. 29-31. EDN: BNGYVL
5. Давыдов Д.Г. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика / Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов. DOI: 10.11621/nprj.2018.0406 // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 62-76. EDN: VUSFIW
6. Rowhani-Rahbar A., Moe C. School Shootings in the U.S.: What Is the State of Evidence? // Journal of Adolescent Health. 2019. № 64 (6). pp. 683-684.
7. Никишин В. Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex russica. 2021. Т. 74. № 11. С. 62-76. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.062-076 EDN: GUZXTL
8. Тыщенко Е.А. Скулшутинг: современная причина страхов учащихся // Инновационное развитие науки образования: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и просвещение, 2019. С. 300-302. EDN: IRWTGJ
9. Волкова Т.А. Формирование культуры "колумбайнеров" в американских учебных заведениях и ее влияние на молодежную среду в современной России // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 4(12). С. 79-87. DOI: 10.25730/VSU.2070.18.059 EDN: YLOPER
10. Мамонтова Э.А. Возникновение и динамика развития феномена скулшутинга в России // Право: история и современность. 2023. Т. 7. № 1. С. 71-81. DOI: 10.17277/pravo.2023.01.pp.071-081 EDN: ORJFVA
11. Карпова А.Ю., Максимова Н.Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 93-108. DOI: 10.31171/vlast.v29i1.7920 EDN: QLQYTP
12. Суходольская Ю.В. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3 (77). С. 117-120. EDN: CPENAT

13. Бирюкова А.А. Анализ проблем вооруженного нападения учащихся в образовательных организациях // Актуальные проблемы безопасности жизнедеятельности и физической культуры: сб. науч. статей факультета физической культуры и безопасности жизнедеятельности / под редакцией Л.В. Кашицыной. Саратов, 2018. С. 21-25.
14. Тыщенко Е.А. Скулшутинг: современная причина страхов учащихся // Инновационное развитие науки и образования: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. 2019. С. 300-302. EDN: IRWTGJ
15. Осипова Е.В., Авакьян М.В. Криминалистический анализ скулшутинга в России и за рубежом // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 1. С. 128-137. DOI: 10.31085/2310-8681-2023-1-204-128-137 EDN: AVTDYO
16. Верховный Суд Российской Федерации признал "Колумбайн" террористической организацией // Официальный портал Генеральной прокуратуры Российской Федерации // Электронный режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news-item=70034347> (дата обращения: 12.09.2025).
17. Верховный суд признал движение "Колумбайн" террористическим // Информационное агентство ТАСС // Электронный режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/13595009> (дата обращения: 15.09.2025).
18. Методические рекомендации по организации профилактической работы в образовательных организациях высшего образования, реализуемых в рамках учебного процесса, а также общеобразовательных, патриотических и досуговых мероприятий / под общ. ред. Чурилова С. А. Москва, Ростов-на-Дону, 2022. С. 30. // Электронный режим доступа: <https://docs.edu.gov.ru/document/e3353f8d61bee06c88bb8c5076b9f956/> (дата обращения: 15.09.2025).
19. Petrazyski, L. Die Lehre vom Einkommen vom Standpunkt des gemeinen Civilrechts. Berlin: Verlag von H. W. Müller, 1893. S. 468, 477.
20. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1908. С. 3.
21. Sorokin P.A. Amitology as an Applied Science of Amity and Unselfish Love // Specht K.G. (hrsg.). Soziologische Forschung in Unserer Zeit. Köln: Springer Fachmedien Wiesbaden, 1951. S. 277-279.
22. Головки Ю.В. Есть ли будущее у альтруизма и амитологии? // Вестник Московского государственного университета леса-Лесной вестник. 2006. № 7. С. 117-122. EDN: JKGUXB
23. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: Роман в четырех частях. М.: Художественная литература, 1972. С. 341.
24. Weinstein J. Giving altruism its due: A possible world or possibly no world at all // J. of applied social science. Thousand Oaks (CA), 2008. Vol. 2, N 2. pp. 20-70.
25. Головки Ю.В. Альтруизм и амитология как факторы интеграции общества: историко-философский анализ // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10. № 4 (25). С. 39-43. EDN: IIRMZJ
26. Сорокин П.А. Популярны очерки социальной педагогики и политики // Сорокин П.А. Популярны очерки теории права, социологии и социальной педагогики / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО "Анбур", 2019. 592 с.
27. Pitirim A. Sorokin. The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation // Pp. xiv, 552. Boston: Beacon Press, 1954.
28. Сорокин П.А. Таинственная энергия любви // СоцИс. М., 1991. № 9. С. 121-159.
29. П.А. Заветы Достоевского // Артельное дело. Пг., 1921. № 17-20. С. 4-7.
30. Библия. Современный русский перевод // М.: Российское Библейское Общество, 2020. 3-е изд., перераб. 1408 с.

31. Иванова С.И. Глобализация и конфликты идентичности // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2025. № 3 (55). С. 25-30. EDN: XRKZAE
32. Манжула И.А., Пефтиев О.В. Влияние глобализации на этническую идентичность // В книге: Человек в пространстве современной культуры. Сборник материалов VI Республиканской студенческой научной конференции. Донецк, 2025. С. 169-172. EDN: FYNPVU
33. Беляева М.В. География в условиях глобализации и проблема формирования национальной идентичности // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 5. С. 42-46. EDN: RNNQYR
34. В России за четыре года вдвое выросло число атеистов // Информационное агентство "РБК". 23.03.2021. Электронный режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/23/03/2021/6059a2fd9a7947c314aab9c4> (дата обращения: 05.08.2025).
35. ВШЭ: большинство россиян называют себя верующими // Сетевое издание Ведомости (Vedomosti). 21.05.2024. Электронный режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/05/21/1038381-vshe-bolshinstvo-rossiyan-nazivayut-sebya-veruyuschimi> (дата обращения: 06.08.2025).
36. ВЦИОМ зафиксировал рост интереса к религии среди молодежи // Информационное агентство "ФедералПресс". 24.07.2025. Электронный режим доступа: <https://fedpress.ru/news/77/society/3391517> (дата обращения: 06.08.2025).
37. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. М: Астрель, 2006. 618 с.
38. Сорокин П. А. Прачечная человеческих душ: Художественные произведения. 1907–1923 / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова и М.В. Ломоносовой. Сыктывкар: ООО "Анбур", 2017. С. 109-269. EDN: YRNOHD
39. Долгов А.Ю. Генезис теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина: социально-исторический и методологический аспекты // Социологический ежегодник. 2013. № 1. С. 267-279. EDN: RAMSCZ

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемой научной статьи выступает выявление и оценка потенциала амитологии, как одного из методов профилактики скулшутинга. По тексту научной статьи автором соблюдены заявленные границы научного исследования.

Методология исследования в тексте научной статьи не отражена. С учетом заявленной темы научной статьи автору рекомендуется обратить внимание на использование, в том числе философских методов научного познания.

Актуальность темы исследования представляется весьма высокой по ряду причин. Во-первых, это высокая общественная опасность скулшутинга, связанная с целенаправленным насилием, зачастую сопровождающегося применением оружия в отношении группы лиц, чаще всего несовершеннолетнего возраста, в результате которого может быть причинен (и в большинстве случаев причиняется) вред их жизни и здоровью. Во-вторых, это растущие количественные показатели рассматриваемого негативного социального явления. Автор статьи говорит о том, что за последние 10 лет

в научной литературе отмечено 22 случая скулшутинга. Далее как справедливо им отмечается в обосновании актуальности заявленной темы «... если в 2014 году акт скулшутинга был единичным событием, то на текущий момент в России фиксируется не менее двух случаев скулшутинга ежегодно. Еще большее количество актов скулшутинга пресекается сотрудниками правоохранительных органов на этапе подготовки злоумышленника к совершению преступления». Актуальность рассматриваемой тематики также обусловлена тем, что скулшутинг имеет идеологическое основание происхождения и относится к виду экстремистских проявлений. В связи с изложенным необходима выработка эффективных и действенных мер в борьбе с изучаемой идеологией, в том числе таких которые до настоящего времени не находили широкого применения. К одной из таких мер практически безусловно можно отнести амитологию, как прикладную науку о любви, дружбе и альтруизму, разработанную П.А. Сорокиным. Новизна представленной на рецензирование статьи заключается в обращении к проблеме которая не получила достаточного освещения в научной мысли. На сегодняшний день в литературе широко исследуются вопросы предупреждения экстремизма, и в том числе скулшутинга, однако использование теории и достижений амитологии в указанном процессе предлагается практически впервые. В качестве одного из критериев научной новизны можно указать выделенные автором статьи положительные эффекты от внедрения принципов амитологии в современный образовательный процесс, среди которых особое место занимают: формирование у молодых людей общероссийской гражданской идентичности, укрепление социальных связей, а также традиционных российских духовно-нравственных ценностей и наконец, снижение влияния деструктивных субкультур к которым в том числе относится скулшутинг.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения материала в статье можно охарактеризовать как научный, с той лишь оговоркой, что в ней также излагаются некоторые философские теории, идеи и аспекты. Все это накладывает определенный отпечаток на стилистику текста. Структура рецензируемой научной статьи предусматривает рекомендуемое разделение на отдельные (самостоятельные) разделы. Помимо этого автор раскрывает отдельные аспекты заявленной темы в следующих частях научной статьи: система образования как оптимальный транслятор ценности альтруизма; технологии формирования альтруизма по П.А. Сорокину. Содержание научной статьи соответствует заявленной теме. Представленный объем научной статьи в печатных знаках также соответствует рекомендуемым требованиям.

Библиография исследования представлена анализом 39 источников, что по нашему мнению является положительным моментом. Большинство изученных автором статьи источников являются фундаментальными по рассматриваемой тематике. Ряд источников приводятся на иностранном языке.

Апелляция к оппонентам в статье прослеживается. В основном текст научной статьи построен на анализе профилактического потенциала теории амитологии и подходов ученых к указанной проблематике. Автор статьи ссылается по тексту на мнения и позиции ученых, анализирует их, вступает в научную дискуссию.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование научной статье может быть проявлен как со стороны ученых-криминологов, так и со стороны широкой аудитории ученых, занимающихся проблемами предупреждения скулшутинга, экстремизма в целом, а также исследователей в области амитологии и иных смежных научных воззрений.

Вывод. Рецензируемая научная статья может быть рекомендована к опубликованию в журнале «Юридические исследования».

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Чекулаев Д.П. Освобождение обвиняемых – участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего // Юридические исследования. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76770 EDN: KDRZOQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76770

Освобождение обвиняемых – участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего

Чекулаев Дмитрий Петрович

ORCID: 0009-0008-2532-4497

кандидат юридических наук

доцент; кафедра уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова" (МГУ имени М.В. Ломоносова)

119071, Россия, г. Москва, Ленинский пр-кт, д. 31 к. 1 стр. 13

✉ dm_ch@inbox.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.11.76770

EDN:

KDRZOQ

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2025

Аннотация: В статье анализируются отдельные проблемы доктринального и практического характера, возникшие в результате закрепления в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, законодательстве о воинской обязанности и военной службе, мобилизационном законодательстве, порядка заключения контракта о прохождении военной службы с обвиняемыми в период мобилизации, военного положения и военное время. Исследуется новая, ранее неизвестная российскому законодательству процедура депенализации, в основе которой лежат публичные интересы – расширение круга лиц, привлекаемых на добровольной (квазидобровольной) основе к участию в боевых действиях в составе Вооруженных Сил России. Этот порядок имеет существенные отличия от общих подходов к основаниям и процедуре принятия решений об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности в мирное время. Данный феномен (процедура освобождения обвиняемого от уголовной ответственности в

особые периоды или время) требует глубокого научного осмысления. Через призму прав потерпевшего исследуются правоотношения, возникающие в связи с применением нового порядка освобождения от уголовной ответственности обвиняемых, возможный конфликт между публичными и частными интересами (интересами потерпевшего), в результате применения этого порядка. Высказывается мнение о необходимости дальнейшего комплексного, межотраслевого (уголовного, уголовно-процессуального, криминологического) изучения феномена освобождения от уголовной ответственности широкого круга обвиняемых, особенно в совершении тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья, против собственности, без учета мнения потерпевших от таких преступлений. Предлагается ограничить допустимость применения такого порядка в отношении подозреваемых и обвиняемых, сохранив его только для осуждённых с возможностью применения уголовно-правового института отсрочки от исполнения наказания в случае заключения соответствующего контракта о прохождении военной службы. Также предлагается расширить перечень преступлений, обвиняемые в совершении которых не могут заключить соответствующий контракт с командованием воинской части. В качестве дополнительной гарантии обеспечения предусмотренного ст. 52 Конституции РФ права потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба предлагается создание фонда помощи потерпевшим от преступлений, расследование которых приостановлено в публичных интересах, обусловленных заключением контракта о прохождении военной службы с обвиняемым в особые периоды или время.

Ключевые слова:

потерпевший, реализация конституционных прав, фонд помощи потерпевшим, обвиняемый, прекращение уголовного дела, уголовная ответственность, нереабилитирующее основание, военное положение, специальная военная операция, особый период

Введение. Постановка проблемы

Возможность прекращения уголовного дела по так называемым «нереабилитирующим» основаниям в современном уголовном процессе, несмотря на имеющиеся дискуссии 1970-2000-х г.г. [\[1, с. 30-36\]](#), не вызывает обширной научной критики. Высказывания учёных о совершенствовании применимой в рамках этой процедуры терминологии [\[2, с. 41-51; 3, с. 395-442; 4, с. 27-30\]](#), о необходимости исключительно судебного порядка принятия таких решений [\[2, с. 431, 442; 5, с. 59; 6, с. 42\]](#), не ставят под сомнение целесообразность существования данного института.

Прекращение уголовного дела современными учёными – специалистами в области уголовного права и уголовного процесса рассматривается не только «как правовой механизм реализации принципа экономии уголовной репрессии, но и как правовая основа для допустимого компромисса в борьбе с отдельными видами преступлений» [\[7, с. 7-8\]](#). Такое решение имеет важное значение для достижения целей уголовного судопроизводства, дифференцируя и индивидуализируя уголовную ответственность лиц, обоснованно подвергнутых уголовному преследованию, допускает упрощение правосудия в отношении них [\[8, с. 487\]](#). По мнению авторов проблемного Курса уголовного права Российской Федерации, нравственную и криминологическую основу

института освобождения от уголовной ответственности составляют возможность социального восстановления поведения уголовного правонарушителя в рамках должного правопорядка без реализации уголовной ответственности и применения мер, её выражающих [\[9, с. 334\]](#).

При этом обязательная «вовлеченность» потерпевшего в процессуальный механизм прекращения уголовного дела (преследования) в связи с примирением сторон согласно ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, при наличии предусмотренного п. 18 ч. 2 ст. 42 УПК РФ права потерпевшего на обжалование принятого на стадии предварительного расследования решения о прекращении уголовного дела по любым иным основаниям, на современном этапе развития нашего государства можно признать удовлетворительной.

Однако вскоре после объявления 24 февраля 2022 г. Президентом России о начале специальной военной операции (СВО) начались поиски механизма привлечения осуждённых, а затем и подозреваемых, обвиняемых, к участию в боевых действиях с последующим освобождением их от уголовной ответственности. Определяясь в терминологии уточняем, что в настоящей статье (если прямо не оговорено иное) под обвиняемым – участником СВО, понимаются подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, осуждённые (до вступления приговора в законную силу), призванные на военную службу либо заключившие в период действия особых правовых режимов или время контракт о прохождении военной службы в случаях и порядке, предусмотренных ст. 78¹ УК РФ. При этом термин СВО используется с учетом текущего военно-политического состояния нашего государства, хотя в действующем уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве обоснованно используются более универсальные формулировки – период мобилизации, военного положения или военное время (в настоящей статье – особые периоды или время).

Представляется, что итогом новелл последних лет относительно привлечения обвиняемых к участию в СВО является депенализация в её классическом понимании [\[10, с. 534–539\]](#). При этом депенализация чрезвычайно широкая – возможна в отношении любого преступления, за исключением указанных в ч. 1 ст. 78¹ УК РФ. Отличительной чертой также является её распространение только на тех обвиняемых (в широком смысле этого термина, применяемого настоящей статье), которые заключили в особые периоды или время контракт о прохождении военной службы, без анализа мотивов заключения контракта, наличия раскаяния, действий по возмещению вреда, иного положительного постпреступного поведения, указывающего на возможное снижение общественной опасности таких лиц.

Данные решения принимаются не только без учета криминологических последствий, но и гарантированных на конституционном уровне (ст. 52 Конституции РФ) прав потерпевших. Игнорируются и рекомендации авторитетных актов международного права об обязательном предоставлении потерпевшему права на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством, в том числе принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 года Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью. Кроме того, можно поставить вопрос о достижении в таком случае целей наказания (ст. 43 УК РФ), как социальный результат, к которому стремится государство, устанавливая и применяя уголовное наказание к лицам, виновным в совершении преступления [\[9, с. 130\]](#).

Авторитетный российский учёный профессор Л. В. Головкин отмечает, что идет речь о

столкновении двух разнонаправленных векторов публичного интереса: один из них ориентирован на обеспечение интересов расследования и правосудия при совершении общественно опасного деяния, а другой – на достижение стоящих перед Вооруженными Силами РФ задач по защите суверенитета и территориальной целостности государства (задач СВО) [\[11, с. 10\]](#). Представляется, что в современном уголовном процессе начинает формироваться новый особый порядок производства по уголовным делам, связанным с заключением контракта о прохождении военной службы в особые периоды или время. И этот порядок имеет существенные отличия от общих подходов к основаниям и процедуре принятия решений об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности в мирное время. Данный феномен требует глубокого научного осмысления.

Привлечение осуждённых к участию в боевых действиях на первоначальном этапе СВО

В начале лета 2022 г. без какого-либо четкого законодательного регулирования получило распространение привлечение граждан к участию в военных действиях в рамках частных военных компаний, в основном ЧВК «Вагнер», в рамках некоего «Проекта К». В случае, если контракты с ЧВК заключались осуждёнными, они направлялись из мест лишения свободы в боевые подразделения ЧВК и, по истечении срока контракта (обычно – 6 месяцев), имели право на помилование Президентом России. По данным Д.С. Гребенского, через данную программу прошли примерно 78 000 бойцов, из них примерно 49 000 человек из числа осуждённых, отбывавших наказания в местах лишения свободы [\[12, с. 21\]](#).

Отношение потерпевшего к подобного рода изменению приговора суда во внесудебном порядке не учитывалось вовсе. Потерпевшие также не получали информацию о месте нахождения осуждённого и изменении его статуса в порядке, предусмотренном п. 21¹ ч. 2 ст. 42 УПК РФ. Так, автором опрошено 12 потерпевших по 9 уголовным делам, 14 осуждённых по которым (как стало известно в последующем) заключили контракты с ЧВК в 2022 г. – начале 2023 г. Ни один из опрошенных потерпевших о перемещении осуждённого из места лишения свободы, о временном освобождении из места лишения свободы, о помиловании осуждённого как факте завершения уголовно-исполнительной деятельности, информации не получил.

Акты о помиловании участников СВО не публиковались и количество лиц, которые были помилованы Президентом России в указанном порядке неизвестно. Но в любом случае, даже без «призмы интересов потерпевшего», применение конституционного института президентской власти – помилования в отношении лиц «по списку», в отсутствие необходимой в таких случаях индивидуализации, является нонсенсом.

В связи с явными пробелами правового регулирования процедуры привлечения к участию в военных действиях лиц, имеющих конфликт с уголовным законом, более чем через год после начала СВО принят Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», который без внесения изменений в иное законодательство, в том числе уголовное и уголовно-процессуальное, предусмотрел ряд особенностей и условия для освобождения от уголовной ответственности некоторых категорий подозреваемых, обвиняемых и осуждённых, привлекаемых к участию в СВО. Принятие этого закона вызвало широкое обсуждение и справедливую критику со стороны значительной части специалистов в области уголовного и уголовно-процессуального права [\[13, с. 102-105; 14, с. 26-28; 15, с. 70-72\]](#). К сожалению, критика

научного сообщества была направлена, в основном, на применение законодателем весьма странного «формата» регулирования вопросов уголовной ответственности отдельным законом без одновременного внесения необходимых в таком случае изменений в специальные кодифицированные правовые акты (УК и УПК соответственно), а не в связи с отсутствием упоминания в нём о каких-либо прав потерпевших. Однако данная критика не являлась препятствием для научного определения предлагаемых федеральным законом № 270-ФЗ механизмов как одного из специальных видов освобождения от уголовной ответственности [\[9, с. 352\]](#). При этом отметим, что по данным редакции журнала «Уголовный процесс», на дату подписания в печать номера 11 за ноябрь 2023 г. «удалось найти два судебных решения, в которых упоминается Закон № 270-ФЗ» [\[16, с. 23\]](#). То есть практика его применения не была массовой, в том числе в силу означенных выше причин доктринального и нормативного характера.

Действующее правовое регулирование привлечения обвиняемых к участию в боевых действиях

Практика применения автономного от УК РФ и УПК РФ Федерального закона № 270-ФЗ была явно неудачной, в связи с чем процедура привлечения к участию в СВО подозреваемых, обвиняемых, а затем и осуждённых, вновь подверглась изменениям на законодательном уровне. С учетом высказанной научным сообществом критики действующего с июня 2023 г. механизма освобождения от уголовной ответственности в порядке, установленном автономным Федеральным законом № 270-ФЗ, приняты соответствующие Федеральные законы от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ и от 02 октября 2024 г. № 340-ФЗ, которыми внесены масштабные изменения и дополнения в уголовный (ст. 78¹, ст. 80², ч. 3¹ ст. 86) и уголовно-процессуальный (ст. 28², ч. 1 и 2 ст. 110, ч. 1¹ ст. 119, п. 3¹ ч. 1 и ч. 9 ст. 208, п. 5 ч. 1 и ч. 4 ст. 238, ч. 1 и 4 ст. 239, ч. 3¹ ст. 253, п. 3 ч. 1 ст. 254, ст. 389⁷, ч. 5 ст. 389¹¹, ч. 2¹ ст. 389¹³, ч. 2¹ ст. 389²⁶) кодексы. Также принят Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 61-ФЗ, которым внесены согласованные с Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ изменения в Федеральный закон от 26 февраля 1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» с одновременным признанием утратившим силу Федерального закона № 270-ФЗ.

Однако «гладко стало на бумаге», и то только на первый взгляд. Удалось ли законодателю обойти острые доктринальные и правовые, а также социальные «овраги», связанные с приостановлением, а затем и возможным отказом государства от права уголовного преследования некоторых категорий граждан, заключивших контракт о прохождении военной службы в период действия особых правовых режимов или время? Представляется, что нет. И одним из препятствий является абсолютное игнорирование при принятии таких решений интересов весьма многочисленной группы граждан – потерпевших.

Современные правопорядки отрицают право потерпевшего на месть, наказание – публично-правовая функция, право на наказание и обязанность доказать преступление остаётся за государством, а не за потерпевшим [\[17, с. 36\]](#). В свою очередь государство должно обеспечить доступ такого лица к правосудию, которое в широком смысле в уголовном процессе включает в себя не только деятельность суда, но и деятельность органов предварительного расследования, а также прокурора, к которым потерпевший вправе (а скорее всего с учетом публичности уголовного процесса) и должен обратиться для защиты и восстановления своих прав и интересов, нарушенных преступлением.

Данное понятие включает в себя также право потерпевшего изложить свою позицию по вопросам уголовного преследования и требовать от компетентных должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда, учитывать эту позицию при принятии итоговых и иных решений по уголовному делу на соответствующих стадиях уголовного процесса [\[18, с. 263; 19, с. 114\]](#).

К сожалению, в случае заключения обвиняемым контракта с органом военного управления о прохождении военной службы в указанные в ст. 78¹ УК РФ особые периоды или время, потерпевший и de jure и de facto такого права лишен. При этом решение о заключении контракта принимается не только без учета мнения потерпевшего, но и без всякого участия дознавателя, следователя, прокурора, суда.

Отметим, что порядок взаимодействия командования воинских частей (учреждений) и органов расследования, судов по вопросам прекращения уголовного дела или уголовного преследования подозреваемых, обвиняемых и подсудимых соответственно, регулируется подзаконными актами, что предусмотрено ч. 4 ст. 28², ч. 9 ст. 208УПК РФ, ст. 21¹ Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», п. 5³ ст. 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». Таким образом, хотя и в ограниченной части, процессуальная деятельность регулируется неопубликованными подзаконными актами, к тому же имеющими гриф «для служебного пользования» (например – приказом Министерства обороны РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17 октября 2024 г. № 622дсп/233дсп). Соответственно этот порядок неизвестен потерпевшему, но на него *ссылаются суды* (выделено мною – Д. Ч.) при вынесении соответствующих решений.

Более того – органы предварительного расследования или суд (в зависимости от стадии уголовного процесса) по поступлении ходатайства командования воинской части вправе проверить только его формальную сторону и, при соответствии закону, приостановить производство по уголовному делу. Именно таким путём идет и судебная практика.

Например, Первым апелляционным судом общей юрисдикции вынесено апелляционное постановление от 25 июля 2025 г. № 55-1205/2025 (УИД 50OS0000-01-2025-000541-14), которым суд апелляционной инстанции отменил постановление Московского областного суда от 21 мая 2025 г. об отказе в удовлетворении ходатайства начальника пункта отбора на военную службу по контракту о приостановлении производства по уголовному делу и отмене меры пресечения в отношении подсудимого, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 317, п. «в» ч. 3 ст. 222, п. «в» ч. 3 ст. 222¹ УК РФ. Мотивируя отказ в удовлетворении ходатайства органа комплектования войск Московский областной суд сослался на заключение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы о наличии у обвиняемого параноидного расстройства личности, не исключающего вменяемости, и сделал вывод, что это расстройство может повлиять на его поведение в условиях стрессовых ситуаций, в связи с чем контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах России для участия в специальной военной операции с ним заключен быть не может. Не соглашаясь с выводом суда первой инстанции апелляционный суд указал, что вместо проверки наличия или отсутствия формальных препятствий для удовлетворения ходатайства (относятся ли преступления к исключениям, предусмотренным ст. 78¹ УК РФ, подписано ли ходатайство уполномоченным должностным лицом, *приложены ли к нему необходимые документы в соответствии с совместным приказом Минобороны РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ №№ 622/233 от 17 октября 2024 г.* (выделено мною – Д. Ч.)) судья

вышел за предмет рассмотрения ходатайства, дал оценку и разрешил вопрос о целесообразности заключения с подсудимым контракта о прохождении военной службы, что относится к компетенции комиссии военного комиссариата. Суд апелляционной инстанции посчитал возможным устранить эти нарушения в апелляционном порядке с вынесением нового судебного решения, которым постановление Московского областного суда отменил, производство по уголовному делу в отношении обвиняемого приостановил на основании п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ, меру пресечения отменил.

Как обоснованно отмечает А. Ю. Чекотков, созданием одинаковых условий для приостановления производства по делу в отношении всех желающих участвовать в СВО (обвиняемые в досудебном производстве, подсудимые, осуждённые до вступления приговора в силу) безусловно достигается цель скорейшего попадания последних в войска, «однако рациональность такого подхода вызывает сомнение, особенно если речь идет о рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции, которое, как правило, занимает одно или два судебных заседания» [\[20, с. 95\]](#)

Органы расследования и даже суд превращаются фактически в «регистратора» составленного органом военного командования «по форме» ходатайства с вынесением единственно возможного решения по результатам его рассмотрения. Как отмечается в литературе, «из смысла закона следует, что предметом рассматриваемого судом вопроса при разрешении ходатайства командования воинской части (учреждения) являются только формальные требования» [\[21, с. 27\]](#). Такой подход законодателя, не в полной мере отвечающий положению суда как независимого органа власти с собственной компетенцией в системе разделения властей, поддерживается Пленумом Верховного Суда РФ, некоторыми известными российскими учёными-процессуалистами.

Так, согласно изложенным в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39 рекомендациям следует, что положения п. 3¹ ч. 1 ст. 208 УПК РФ закрепляют гарантии обязательного приостановления уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования при наличии соответствующих оснований и не допускают в этих случаях составления следователем, дознавателем обвинительного документа. Предварительное расследование приостанавливается на основании соответствующего ходатайства командования воинской части (учреждения), если отсутствуют предусмотренные законом препятствия для его удовлетворения.

Как отмечает заместитель Председателя Верховного Суда РФ – председатель судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ В. А. Давыдов, предметом производства является лишь проверка полномочий лица, обратившегося с ходатайством, и проверка постатейного запрета, исключающего возможность применения предусмотренных ст. 78¹ УК РФ положений. В удовлетворении ходатайства не может быть отказано по мотивам тяжести, общественной опасности преступления, запланированного с участием подсудимого большого объема судебных действий и тому подобное [\[22, с. 28\]](#).

Комментируя изложенную в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. рекомендацию профессор Л. В. Головкин отмечает: «Другими словами, при поступлении ходатайства командования воинской части уголовное дело подлежат *обязательному* (выделено автором цитируемого текста – Л. Г.) приостановлению, иное должно расцениваться как нарушение уголовно-процессуального закона и повлечь возвращение судом уголовного дела (если оно туда передано) прокурору» [\[11, с. 10\]](#). В выделении уголовного дела в отношении обвиняемого, заключившего контракт о

прохождении военной службы в особые периоды, нет ничего неординарного и специфического, в таком случае должен применяться обычный, как и по другим предусмотренным законом основаниям, порядок выделения и последующего приостановления уголовного дела, когда, например, один из обвиняемых скрывается или находится за границей [\[17, с. 37\]](#).

Полагаю, что обоснованность таких подходов вызывает сомнение, если посмотреть на текущее правовое регулирование через призму интересов установления истины по делу (интересов правосудия), интересов потерпевших, а также значительной части общества, опасющегося рецидива преступности и её роста. И так ли проста проблема выделения и последующего приостановления (причем срочного, оперативного) уголовного дела в отношении указанных категорий обвиняемых? Когда обвиняемый скрылся и производство следственных действий с его участием невозможно, решение о выделении уголовного дела принимается следователем по собственному усмотрению исходя из избранной им тактики расследования. В случае же выделения уголовного дела после его приостановления по предусмотренному п. 3¹ ч. 1 ст. 208 УПК РФ основанию, орган расследования *de facto* отказывается от собирания некоторых доказательств (например, с участием обвиняемого после заключения им контракта) при очевидной наличии такой возможности. Как отмечается в литературе, «в большинстве случаев на практике такое раздельное расследование уголовных дел сопровождается сложностями в доказывании роли каждого из соучастников, пользуясь ситуацией некоторые из которых пытаются переложить наиболее активную роль на участника СВО» [\[23, с. 47-48\]](#).

Возникает вопрос, на который можно ответить лишь риторически: какова природа таких решений, когда властный участник уголовного процесса (дознатель, следователь), и даже суд (выделено мною – Д. Ч.) не имеет возможности отказать в удовлетворении ходатайства командования воинской части по иным, кроме как формальным мотивам? И в данном случае какие приоритеты определил законодатель: правильное разрешение уголовного дела или интерес военного ведомства в пополнении личного состава вооруженных сил? К сожалению, ответы очевидны. Но несмотря на их очевидность, хотелось бы усомниться в правильности предложенного законодателем механизма пополнения личного состава боевых подразделений вооруженных сил за счет соответствующей категории обвиняемых, поставив «на стоп» процессуальную деятельность по выяснению всех обстоятельств, имеющих значение для дела.

Правовые и возможные криминологические проблемы, связанные с реализацией действующего порядка привлечения обвиняемых к участию в СВО

Во-первых, вызывает сомнение допустимость с точки зрения интересов правосудия заключения контракта с подозреваемым и обвиняемым на стадии предварительного расследования или с подсудимыми на судебных стадиях уголовного процесса. Впервые в российской истории решения о приостановлении производства по делу принимаются в столь массовом порядке в отношении лиц, в силу закрепленной в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ и ч. 1 ст. 14 УПК РФ презумпции считающихся невиновными. Отметим, что ссылки в таком случае на опыт Великой Отечественной войны вряд ли применим, так как решения о направлении в действующую армию принимались в основном в отношении осуждённых, правовой статус которых как виновных в совершении преступления был уже определен приговором суда [о законодательстве этого периода см.: 12, с. 18–20; 24, с. 100–103; 25, с. 15–16].

Именно так с правовой стороны вопроса вспоминали прошедшие события их очевидцы,

например, известный советский адвокат С. Л. Ария. Будучи старшим сержантом, механиком-водителем танка, зимой 1942–1943 г.г. он был осуждён приговором военного трибунала (заседание длилось пятнадцать минут) за якобы халатное обращение с боевой машиной к семи годам исправительно-трудовых лагерей, с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий, направлен для дальнейшего прохождения службы в штрафную роту. После трех недель его участия в боях в составе штрафного подразделения (за это время погибла треть личного состава штрафного взвода, в отношении троих из оставшихся в живых наиболее отличившихся в боях военнослужащих командованием было подано представление о снятии судимости), «За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с фашистскими оккупантами», определением военного трибунала с осуждённого С. Л. Ария судимость была снята [\[26, с. 353–377\]](#).

Не касаясь полноты расследования, законности и обоснованности приговора, в описанном случае правовым основанием для направления в боевые части *осуждённого* (выделено мною – Д. Ч.) старшего сержанта С. Л. Ария для прохождения военной службы в штрафном подразделении являлось примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР 1926 г., согласно которому: Приговор, присуждающий в военное время военнослужащего к лишению свободы без поражения прав, может быть по определению суда, вынесшего приговор, отсрочен исполнением до окончания военных действий с тем, что осуждённый направляется в действующую армию. В отношении указанных в первой части настоящего примечания военнослужащих, проявивших себя в составе действующей армии стойкими защитниками Союза С.С.Р., допускается по ходатайству соответствующего военного начальства освобождение от назначенной ранее меры социальной защиты либо замена ее более мягкой мерой социальной защиты по определению суда, вынесшего приговор.

К сожалению, современный законодатель существенно расширил круг лиц, в отношении которых «в перспективе», по предусмотренным п. «а», «б» ч. 1 ст. 78¹ УК РФ основаниям возможно применение нового порядка освобождения от уголовной ответственности, распространив его на подозреваемых и обвиняемых. Вероятно, по этой причине заключение контракта о прохождении военной службы в особые правовые периоды или время в качестве основания для применения института отсрочки от отбывания наказания (которое для подозреваемого, обвиняемого не может быть определено) в действующем уголовном законе (ст. 82 УК РФ) отсутствует.

Во-вторых, предусмотренный ч. 1 ст. 78¹ УК РФ список исключения из общего перечня тех преступлений, обвиняемые в совершении которых могут не быть освобождены от уголовной ответственности, представляется не проработанным с криминологической точки зрения. Возможные причины роста преступности в период и, особенно, по окончании СВО, в том числе вследствие неизбирательного характера освобождения от уголовной ответственности обвиняемых и имевшего место широкого помилования осуждённых, подробно рассмотрены А. В. Масловым [\[24, с. 103–116\]](#). К сожалению, в Пояснительной записке к законопроекту № 569651-8, ставшему в последующем Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ, о таких исследованиях ничего не сказано. Пояснительная записка, с содержанием которой можно ознакомиться на официальном сайте Государственной Думы ФС РФ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/569651-8>, весьма лапидарна (общим объемом около 1,5 тыс. знаков или около 1 листа текста формата А4), не содержит какого-либо научного и/или иного обоснования необходимости принятия законопроекта, кроме указания, что он не потребует дополнительных расходов федерального бюджета. В любом случае, обоснованность не включения в этот «исключающий перечень» большинства особо тяжких преступлений против жизни и здоровья (например, ч. 3 и 4 ст. 111, а также ч. 1 и 2 ст. 105 и

специальных видов этого преступления – ст. 295, ст. 317 УК РФ), против собственности (например, ч. 3 и 4 ст. 162, ч. 3 ст. 163 УК РФ), то есть по которым потерпевший или лицо, к которому перешли права потерпевшего в порядке ч. 8 ст. 42 УПК РФ, не могут отсутствовать в уголовном деле, вызывает сомнение.

Возможно, такие сомнения смогут быть опровергнуты сочетанием двух факторов: с одной стороны, показателями эффективности применения в зоне боевых действий осуждённых в совершении тяжких насильственных преступлений и, с другой, низким уровнем повторного совершения ими преступлений по окончании особого периода и увольнения с военной службы. При оценке эффективности участия обвиняемых в современных вооруженных конфликтах профессиональных армий, что требует адекватного уровня физической, психологической, военно-технической подготовки и слаженности действий военнослужащих, вероятно необходимо будет учитывать очевидные сложности поддержания воинской дисциплины в соответствующих подразделениях и осуществления иного контроля за поведением этой категории военнослужащих командованием воинской части согласно требованиям ч. 2 ст. 78² УК РФ. Очевидно, что необходимость такого контроля требует привлечения дополнительных людских и материально-технических ресурсов со стороны командования. В настоящее время по понятным военно-политическим причинам, необходимости сохранения в тайне сведений об участниках СВО, объективные и претендующие на полноту выборки исследования такого рода провести вряд ли возможно.

Однако отметим, что примеры повторного совершения преступлений участниками СВО широко освещаются не только в средствах массовой информации (журналистов еще можно подозревать в ангажированности или погоне за сенсацией), но и заслуживающей внимания специальной литературе [см., напр.: 27, с. 40–41]. В такой ситуации потерпевшему, конечно, безразлично – будет ли обвиняемый освобождён от наказания, хотя бы и после наступления установленных законом (п. «а» и «б» ч. 1 ст. 78¹ УК РФ) обстоятельств. В любом случае потерпевший должен извещаться об изменении процессуального статуса лица, причинившего ему вред, привлечение которого к уголовной ответственности было начато, но затем приостановлено, а в последующем возможно будет и прекращено.

В-третьих, не предусмотрено дополнительное, в том числе с необходимым государственным участием, регулирование вопросов возмещения вреда потерпевшим, которое в случае заключения обвиняемым контракта о прохождении военной службы в военное время по смыслу действующего законодательства зависит исключительно от последующей процессуальной активности потерпевшего и в силу ряда причин «откладывается» на неопределенный период. Так, все вопросы, связанные с возмещением вреда, законодатель предлагает потерпевшему решать в порядке гражданского судопроизводства, да еще и в пределах общего срока давности, который установлен гражданским законом.

Как правомерно отмечается в литературе, правовое значение гражданского иска трудно переоценить, поскольку он представляет собой важнейший и наиболее эффективный способ восстановления нарушенных преступлением свобод, позволяющий пострадавшему получить скорейший доступ к правосудию [28, с. 147]. Право на предъявление гражданского иска следует рассматривать как безусловную льготу или своего рода локальную компенсацию потерпевшему, которого государство не смогло защитить от преступления. Уголовно-процессуальная форма защиты прав потерпевшего несомненно предпочтительнее гражданской процессуальной формы [18, с. 312]. Такой иск

некоторыми авторами именуется привилегированным, так как «возможность заявления исковых требований непосредственно в рамках уголовного судопроизводства, безусловно, является значимой гарантией для потерпевшего, поскольку упрощает для него доступ к правосудию, тем самым избавляя лицо от необходимости повторного участия в гражданском процессе» [\[29, с. 295\]](#).

Однако в формирующемся новом особом порядке производства по уголовным делам, связанным с заключением контракта о прохождении военной службы в военное время, потерпевший в большинстве случаев остаётся без тех дополнительных гарантий, на которые он вправе рассчитывать при рассмотрении гражданского иска совместно с уголовным делом в общем порядке уголовного судопроизводства, к которым можно отнести: отсутствие строгих формальных требований к исковому заявлению и срока давности для удовлетворения судом таких требований (в случае подачи гражданского иска в уголовное дело в установленные ч. 2 ст. 44 УПК РФ порядке и сроки); отсутствие обязанности по уплате государственной пошлины как за подачу гражданского иска, так и при обжаловании решений суда; возможность наложения ареста на имущество обвиняемого и принятие других мер для обеспечения заявленного в уголовном деле гражданского иска; использование в доказывании по иску доказательств, собранных дознавателем, следователем в ходе предварительного расследования; иные льготные для потерпевшего особенности участия гражданского истца в уголовном деле и, особенно, в судебном разбирательстве в суде первой инстанции, имеющего возможность воспользоваться процессуальной поддержкой профессионального участника со стороны обвинения – государственного обвинителя. В случае же предъявления потерпевшим иска в суд общей юрисдикции по правилам гражданского процесса, он не сможет опираться на установленные приговором суда (в связи отсутствием такового) преюдициальные обстоятельства, а также воспользоваться некоторыми специфичными именно для уголовного процесса правами, предоставленными гражданскому истцу согласно ч. 4 ст. 44 УПК РФ. Отсутствует в таком деле и прокурор, который при обычном течении уголовного процесса вправе как самостоятельно предъявить гражданский иск, так и поддержать гражданский иск потерпевшего (ч. 6 ст. 246 УПК РФ). Кроме того, производство по такому автономному от уголовного гражданскому делу будет скорее всего приостановлено в соответствии с абз. четвертым ст. 215 ГПК РФ, согласно которому суд обязан приостановить производство по делу в случае участия гражданина (в нашем случае ответчика) в боевых действиях в составе Вооруженных Сил РФ.

Профессор Л. В. Головкин видит подмену тезиса в случаях, когда идет речь о правах потерпевшего на возмещение вреда: «на самом деле потерпевший здесь ничего не теряет. Более того у потерпевшего остаётся право подавать иск в порядке гражданского судопроизводства, взыскать ущерб и вред с осуждённого, который в случае отправки его на линию боестолкновения, если останется жив, получит доход значительно выше, нежели осуждённый в колонии. ... Сейчас, когда какая-то часть нашего населения вообще оказалась в оккупации, мы продолжаем обсуждать, как фундаментальную, проблему прав потерпевших, которые недополучили какие-то компенсации?» [\[17, с. 36\]](#).

По мнению почетного адвоката России А. А. Куприянова, положения об освобождении участника СВО от обязанности понести наказание за совершенное преступление, а также от обязанности возместить вред другому лицу или погасить долг справедливы, так как «причинитель вреда – участник СВО – повседневно рискует своей жизнью и здоровьем ... реально отдает и то и другое за Россию, а значит за каждого из её граждан, в том числе за своих кредиторов» [\[30, с. 8\]](#).

Позволю себе не согласиться с высказанными точками зрения. Возможно, вопрос о возмещении вреда потерпевшему не может являться единственным условием для принятия решения о заключении контракта с обвиняемым в военное время. Но, так как решение о заключении контракта принимается в интересах государства и всех его граждан (некоторые из которых являются потерпевшими от конкретного преступления), необходим механизм «облегченной компенсации» вреда таким потерпевшими. В противном случае, следуя логике профессора Л. В. Головки, мы качаем «маятник фундаментальных ценностей» уже в другую сторону и игнорируем интересы части граждан России, которые только гипотетически (если и когда судом будет удовлетворен иск к обвиняемому, если обвиняемый останется жив, и тому подобное) могут рассчитывать на гарантированное Конституцией РФ возмещение вреда в неопределенном по времени «будущем».

Представляется, что и не все потерпевшие – граждане России будут согласны с приведённым утверждением адвоката А. А. Куприянова. Тем более что в ходе нового особого порядка производства по соответствующей категории уголовных дел мнение потерпевшего не выясняется ни на одном из этапов принятия вначале служебно-военных (заключение обвиняемого контракта с органом военного управления), а затем и процессуальных решений. Не вполне понятно, считают ли справедливым такой подход и потерпевшие от преступления на территории нашей страны граждане (подданные) других государств, даже если допустить что обвиняемый воюет за всех граждан России и опосредованно «погашает» обязательства из причинения вреда преступлением конкретному гражданину России – потерпевшему от совершенного этим обвиняемым преступления.

Полагаю, что необходима разработка правового механизма, в соответствии с которым в случае приостановления уголовного дела по предусмотренным п. 3¹ ч. 1 ст. 208, п. 5 ч. 1, ч. 4 ст. 238 УПК РФ основаниям, потерпевший вправе рассчитывать на возмещение (возможно – частичное) причиненного преступлением вреда за счет иных, нежели средства обвиняемого, источников. Например, возможно создание фонда помощи потерпевшим, формирование которого может осуществляться за счёт части денежного содержания военнослужащих, которые будучи в статусе обвиняемых заключили контракт о прохождении военной службы в обозначенные в законе особые периоды. Возможно и формирование судебной практики, согласно которой добровольные крупные пожертвования в такой фонд со стороны обвиняемых (особенно в совершении преступлений, где нет потерпевших), производство в отношении которых ведется в общем порядке, будут учитываться как обязательное смягчающее наказание обстоятельство. В таком случае потерпевшие без обращения в суд в порядке гражданского судопроизводства смогут рассчитывать на скорое возмещение причиненного преступлением вреда, так как задержка в рассмотрении и вероятном удовлетворении его материальных претензий к обвиняемому возникла в связи с решением публичных задач.

Обоснованными выглядят также высказываемые в литературе предложения о необходимости учёта при принятии решения об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности характера и степени общественной опасности совершённого преступления, обстоятельств его совершения, факта возмещения (частичного или полного) ущерба потерпевшему. Исключение может быть сделано только для лиц, награжденных государственной наградой или получивших ранение, делающим его негодным к военной службе [\[26, с. 17\]](#).

Однако сводить все вопросы участия потерпевшего только к возмещению вреда в современных условиях неправильно. Как правильно отмечал Конституционный Суд РФ в постановлении от 08 декабря 2003 г. № 18-П, интересы потерпевшего в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объёме, применении уголовного закона и назначении наказания. По указанной причине необходимо скорректировать действующий механизм освобождения от уголовной ответственности обвиняемых, заключивших контракт о прохождении военной службы в особые правовые периоды или время, в том числе предусмотреть возможность отказа следователя или суда в удовлетворении соответствующего ходатайства командования воинской части о приостановлении предварительного расследования или производства по уголовному делу на судебных стадиях и продолжить расследование (рассмотрение) дела до вступления приговора в законную силу по мотивам необходимости, в том числе, доступа потерпевшего к правосудию.

Выводы и предложения

Анализ действующих уголовного и уголовно-процессуального кодексов (в редакции Федеральных законов от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ и от 02 октября 2024 г. № 340-ФЗ) позволяет сделать вывод, что формируется некий новый особый порядок производства по уголовным делам, который может применяться только в военное время. При этом термин «особый» используется в контексте части Четвертой УПК РФ, в которой предусмотрены несколько особых порядков производства по делам определенных категорий, в том числе, например, о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности (глава 51¹).

Так, если смотреть на уголовный процесс через призму прав потерпевшего, то в настоящее время явно видны два порядка производства по уголовным делам: так называемый «общий», при котором у потерпевшего имеется возможность реализовать основанные на конституционном положении (ст. 52 Конституции РФ) о доступе к правосудию и компенсации причинённого ущерба права, а также реализовать иные предусмотренные ч. 2 ст. 42 УПК РФ права. Второй порядок – особый, который применяется в случае заключения обвиняемым контракта о прохождении военной службы в соответствующий особый период или время. В ходе такого производства решение следователя, дознавателя, суда о приостановлении, а затем и возможном прекращении уголовного преследования, принимается без какого-либо участия (учёта мнения) потерпевшего.

Отмеченные в статье проблемы, возможно, связаны с вынужденным поспешным внесением изменений в такие важнейшие для любого суверенного государства законы как уголовный и уголовно-процессуальный без предварительной разработки научно обоснованной концепции развития законодательства особых периодов. Для разработки такой концепции необходим также глубокий анализ статистических и иных данных (в том числе данных об общей динамике преступности; о количестве потерпевших и в процентном отношении возмещении им причиненного преступлением вреда по сравнению с предыдущими периодами; о количестве лиц, заключивших контракт о прохождении военной службы в предусмотренном законодательством особом порядке; о категориях преступлений, в совершении которых обвинялись эти лица; о лицах указанных категорий, уголовное преследование в отношении которых прекращено в предусмотренном ст. 28² УПК РФ порядке; рецидиве преступности среди этих лиц и тому подобное). Доступ к этим сведениям широкому кругу исследователей в настоящее время ограничен. В том числе, не подлежат распространению как общедоступные

статистические данные о количестве преступлений, уголовные дела о которых приостановлены по п. 3¹ ч. 1 ст. 208 УПК РФ (п. 3 приказа Генпрокурора России от 25 декабря 2024 г. № 946). Полные сведения о состоянии преступности в России, о количестве приостановленных с июня 2023 г. производств по уголовным делам по предусмотренным п. 3¹ ч. 1 ст. 208, п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ основаниям, категориям этих уголовных дел применительно к тяжести преступлений и конкретизации составов преступлений, станут возможными для анализа, а также публичной и объективной оценки его результатов вероятно только по окончании СВО.

Признавая необходимость наличия особенностей применения законодательства в период действия особых правовых режимов, к которым также относятся указанные в ч. 1 ст. 78¹ УК РФ периоды и время, представляется целесообразным существенная коррекция данного порядка, в том числе в объёме, необходимом для обеспечения прав потерпевшего. В настоящее же время необходимо вынести на широкое научно-практическое обсуждение следующие (но не исключительно) вопросы, связанные с привлечением обвиняемых к участию в СВО:

1 . Допустимость применения особого порядка в отношении подозреваемых и обвиняемых, изъявивших желание принять участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил России, либо же такой порядок предусмотреть только для осуждённых, с возможностью применения уголовно-правового института отсрочки от исполнения наказания в случае заключения ими соответствующего контракта о прохождении военной службы.

2. Перечень преступлений, подозреваемые, обвиняемые или осуждённые за совершение которых не могут заключить соответствующий контракт с командованием воинской части и, соответственно, воспользоваться правом на особый порядок.

3 . Возможный процессуальный механизм учёта мнения потерпевшего относительно применения особого порядка, необходимость извещения его о принимаемых по уголовному делу в рамках этого порядка решений и возможность их обжалования потерпевшим.

4 . Целесообразность предъявления иска прокурором в интересах потерпевшего от преступления в гражданском судопроизводстве (при наличии заявления последнего), либо вступление в дело прокурора для дачи заключения по таким делам в случаях, когда обвиняемый заключил контракт для прохождения военной службы в соответствующие периоды или время, производство по уголовному делу приостановлено и, по указанной причине, совместное рассмотрение гражданского иска с уголовным делом невозможно.

5. Необходимость создания фонда помощи потерпевшим в случаях, когда их доступ к правосудию ограничивается в публичных интересах, например, в связи с приостановлением производства по уголовному делу по инициативе государственного органа.

Представляется, что результат обсуждения этих вопросов позволит совершенствовать российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, обеспечить универсальность его применения без ограничения важнейших процессуальных прав потерпевших в случае введения военного положения или иного особого правового режима.

Библиография

1. Химичева Г. П., Мичурина О. В., Химичева О. В. Окончание предварительного расследования прекращением уголовного дела: монография. Рязань : Узорочье, 2001. EDN: WCROPJ.
2. Головки Л. В. Освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного преследования: соотношение понятий // Государство и право. 2000. № 6. С. 41–51.
3. Трусов А. И. Возбуждение и прекращение уголовного преследования: традиции и современность. В кн.: Ученые-юристы МГУ о современном праве / под ред. М. К. Треушников. М. : Городец, 2005.
4. Сверчков В. В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики. СПб. : Юридический центр, 2008. EDN: RYRVZF.
5. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России: часть II. М. : Проспект, 2005.
6. Калугин А. Г. К вопросу о совершенствовании процессуального механизма освобождения от уголовной ответственности // Правовые проблемы российской государственности: Сб. статей. – Ч. 30 / под ред. М. К. Свиридова. Томск : Изд. Томск. университета, 2006. С. 37–42. EDN: VSRYFJ.
7. Аликперов Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности. М. : МПСИ; ИПК РК Генпрокуратуры РФ; Воронеж : НПО "МОДЭК", 2001.
8. Уголовный процесс: проблемы теории и практики / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. М. : Юнити-Дана, 2019.
9. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов : в 3 т. Т. 2 Книга 2 / под общ. ред. А. Н. Савенкова; науч. ред. и рук авт. кол. А. И. Чучаев. М. : Проспект, 2024.
10. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов : в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. А. Н. Савенкова; науч. ред. и рук авт. кол. А. И. Чучаев. М. : Проспект, 2024.
11. Головки Л. В. Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31. № 1 (96). С. 5–10. – DOI 10.24412/1999-625X-2025-196-5-10. EDN: DWBZQI.
12. Гребенский Д. С. История и развитие правового регулирования отношений, связанных с привлечением граждан, имеющих судимость, к участию в боевых действиях // Военное право. 2024. № 5 (87). С. 18–24. EDN: XGHZFL.
13. Загвоздкин Н. Н., Коршикова Е. О. Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ "Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции": заметки на полях // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 4. С. 101–106. – DOI 10.24412/2073-3305-2023-4-101-106. EDN: EOSRJB.
14. Головки Л. В. Применение закона об освобождении от уголовной ответственности участников СВО: законодательные вопросы // Уголовный процесс. 2023. № 11. С. 26–28. EDN: UZLBDA.
15. Лопашенко Н. А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2023 г. // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 1. С. 69–81. – DOI 10.34076/2410-2709-2024-139-1-69-81. EDN: NQBBYR.
16. Прекращение уголовного преследования в отношении участника СВО // Уголовный процесс. 2023. № 11. С. 22–25. EDN: WNXUIB.
17. Ответы на вопросы главного редактора журнала "Уголовный процесс" И.

Рамазанова, заведующего кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора юридических наук, профессора Л. В. Головки // Уголовный процесс. 2025. № 2. С. 34–41. EDN: ICZHCH.

18. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 4-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2025.

19. Чекулаев Д. П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба. М. : Юрлитинформ, 2006. EDN: QWYQDD.

20. Чекотков А. Ю. Возможность уйти на СВО, не дожидаясь приговора: устранение пробела или изменение логики законодателя? // Закон. 2024. № 10. С. 93–96.

21. Кудрявцева А. И., Русман Г. С. Освобождение от уголовной ответственности участников СВО в суде по ходатайству командования воинской части // Уголовный процесс. 2025. № 3. С. 24–33. EDN: GBTNLW.

22. Ответы на вопросы главного редактора журнала "Уголовный процесс" И. Рамазанова, заместителя Председателя Верховного Суда РФ – председателя судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ В. А. Давыдова // Уголовный процесс. 2025. № 2. С. 24–33. EDN: QKMDOW.

23. Юнусов А. А., Черемисина Т. В. Приостановление следствия в отношении участника СВО: вопросы практики // Уголовный процесс. 2025. № 3. С. 46–50. EDN: CMYVKY.

24. Маслов В. А. Влияние специальной военной операции на преступность в России // Lex Russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 98–119. – DOI 10.17803/1729-5920.2025.220.3.098-119. EDN: ZHDDKY.

25. Галактионов С. А., Кулаков А. В., Афанасьевский В. Л. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу (ст. 781 УК РФ) // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. 2024. № 5 (61). С. 14–18. – DOI 10.37523/SUI.2024.61.5.002. EDN: FKXUJT.

26. Ария С. Л. Штрафники. В кн.: Жизнь адвоката. Тула : Автограф, 2003.

27. Кибальник А. Г. "Военные" виды освобождения от уголовной ответственности и наказания: первые выводы из практики // Уголовный процесс. 2025. № 3. С. 38–45. EDN: RCJIZY.

28. Зайцев О. А., Севостьянова А. В. Актуальные проблемы развития института гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Союз криминалистов и кримиологов. 2025. № 3. С. 146–151.

29. Комлева Ю. В. "Привилегированный иск" в головном деле: основания и порядок применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при его рассмотрении // Гражданское и арбитражное судопроизводство: история и современность: Сб. материалов научно-практической конференции, посвященной выдающемуся процессуалисту М. К. Треушникову (Москва, 7 ноября 2024 г.) / науч. ред. и сост. М. В. Маматов, Е. В. Кремнева, И. А. Маслов. М. : Городец, 2025. С. 293–299.

30. Куприянов А. А. Справедливость освобождения участников СВО от возмещения ущерба потерпевшему // Уголовный процесс. 2025. № 3. С. 8. EDN: TMYAMV.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Освобождение обвиняемых – участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего»

Тема является крайне актуальной, так как законодательство в этой области появилось недавно (Федеральные законы 270-ФЗ от 24 июня 2023 г. и последующие изменения в марте 2024 г.) и вызывает широкие дискуссии в юридическом сообществе. Автор подробно рассматривает вопрос освобождения обвиняемых участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего.

Предметом исследования является освобождение обвиняемых участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего. Ключевой тезис автора заключается в том, что, несмотря на прошлые дискуссии и существующие предложения по совершенствованию (например, изменение терминологии или введение исключительно судебного порядка), сам факт существования института прекращения уголовного дела без вынесения приговора не подвергается сомнению в современном научном сообществе.

Автор считает, что действующее законодательство (статьи 76 УК РФ, 25 УПК РФ и статья 42 УПК РФ) адекватно регулирует участие потерпевшего в процедуре прекращения уголовного дела по примирению сторон и обеспечивает его право обжаловать решения о прекращении дела. Эта часть системы признается удовлетворительной. Автор критикует текущий подход за его поспешность, подчеркивая, что механизм привлечения обвиняемых к СВО в его нынешнем виде нарушает фундаментальные принципы уголовного права и права потерпевших на доступ к правосудию и компенсацию ущерба. Актуальность темы не вызывает сомнений, поскольку затронутые нормы активно применяются на практике и вызывают широкую дискуссию в юридическом сообществе. В исследовании подчеркивается, что сложившаяся правоприменительная практика, поддержанная Верховным Судом, минимизирует дискрецию (свободу выбора решения) органов правосудия и следствия, отдавая приоритет военному интересу над процессуальными гарантиями и правами потерпевших.

Автор выражает сомнение в допустимости заключения контрактов с подозреваемыми и обвиняемыми на стадиях до вынесения приговора. Это противоречит фундаментальному конституционному принципу презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ), поскольку решения о приостановлении дела принимаются в отношении лиц, формально считающихся невиновными. Оспариваются ссылки на опыт Великой Отечественной войны для оправдания текущей практики. Автор утверждает, что во время ВОВ решения о направлении на фронт (часто в штрафные подразделения) принимались в основном в отношении уже осужденных лиц, чей статус виновных был установлен приговором суда. Также подчеркивается принципиальное правовое отличие между современной практикой (работа с предполагаемыми преступниками) и практикой военного времени (работа с уже осужденными), критикуя текущий подход как подрывающий основы правосудия и презумпцию невиновности.

Автор считает, что список исключений, предусмотренный частью 1 статьи 78¹ УК РФ, является неполным и не проработанным с криминологической точки зрения. Стоит отметить, что законодатель не принял во внимание серьезные риски для общественной безопасности и не обеспечил защиту прав потерпевших по особо тяжким преступлениям, допуская освобождение от ответственности лиц, совершивших такие деяния. Также отмечается, что, перекладывая обязанность по возмещению вреда в гражданский процесс, законодатель лишает потерпевшего эффективного и быстрого механизма восстановления его прав, гарантированного уголовно-процессуальным законодательством.

Научная новизна, основная гипотеза автора заключается в том, что отмеченные ранее правовые коллизии (в частности, дисбаланс прав потерпевших) – это следствие вынужденного и поспешного внесения изменений в фундаментальные законы без предварительной и всесторонней научной проработки. Автор статьи подчеркивает, что обсуждение вопросов освобождения обвиняемых участников СВО от уголовной ответственности необходимо для совершенствования российского законодательства и обеспечения баланса между публичными интересами государства (проведение СВО) и защитой фундаментальных процессуальных прав граждан, пострадавших от преступлений.

Структура статьи логична и последовательна. Язык изложения доступен и понятен, что облегчает восприятие материала.

Список литературы обширен и разнообразен, включая в себя научные публикации процессуалистов, что подтверждает глубину исследования и высокий уровень подготовки автора.

Текст подкреплен ссылками на научные источники, что свидетельствует о его научной обоснованности и принадлежности к академическому дискурсу в области уголовного права и процесса. Однако в представленной статье выявлены существенные недочеты в оформлении и содержании ссылок на источники. Отмечается несоответствие между цитируемыми источниками в тексте и приведенным списком литературы. Так, например «По мнению авторов проблемного Курса уголовного права Российской Федерации, нравственную и криминологическую основу института освобождения от уголовной ответственности составляют возможность социального восстановления поведения уголовного правонарушителя в рамках должного правопорядка без реализации уголовной ответственности и применения мер, её выражающих [9, с. 334].» дается не верная ссылка, необходимо исправить, на «Хомич, В. М. Освобождение от уголовной ответственности как правовой институт уголовно-правового воздействия или форма реализации уголовной ответственности // Уголовно-правовое воздействие, его востребованность и реализация в механизме противодействия преступности и обеспечения национальной безопасности : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Тольятти, 25 ноября 2022 года. – Тольятти: Общество с ограниченной ответственностью "САМАРАМА", 2022. – С. 130». Рекомендуется провести тщательную сверку всех внутритекстовых ссылок с оригинальными источниками.

Основным достоинством текста является четкая и лаконичная постановка проблемы дисбаланса между публичными интересами (стимулирование участия в СВО) и частными интересами граждан, пострадавших от преступлений. Автор точно определяет уязвимое место нового законодательства: отсутствие эффективных механизмов защиты прав потерпевших в этом «особом» порядке. Фактически, право на возмещение вреда и доступ к правосудию для потерпевшего ставится в зависимость от статуса обвиняемого (участник СВО), что может нарушать принцип равенства всех перед законом и судом.

Таким образом, статья «Освобождение обвиняемых – участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего» затрагивает важную и актуальную проблему, соблюдается предмет исследования. Автор демонстрирует хорошее понимание темы и способность к системному анализу. Вместе с тем, статья требует доработки в части: доработки ссылок и литературы; углубить анализ конституционно-правовых основ защиты прав потерпевших и предложить конкретные пути решения обозначенной проблемы

Статья рекомендуется к доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Освобождение обвиняемых – участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего»

Рецензируемая статья представляет собой комплексное исследование актуальных проблем, возникающих в связи с применением института освобождения обвиняемых, участвующих в специальной военной операции (далее по тексту – СВО). Исследование направлено на выявление недостатков существующей нормативно-правовой базы и формулирование предложений по ее совершенствованию.

Исходя из содержания статьи, можем предположить, что предмет исследования охватывает взаимосвязанные области уголовного права и процесса, направленные на оптимизацию механизма освобождения от уголовной ответственности обвиняемых-участников СВО и защиту законных интересов потерпевших сторон.

Актуальность исследования представлена выявленными автором проблемами и предложениями по их устранению. Так, автор исследования справедливо отмечает, что «формируется некий новый особый порядок производства по уголовным делам, который может применяться только в военное время».

Научная новизна статьи заключается в попытке комплексного рассмотрения взаимодействия двух институциональных элементов – освобождения обвиняемых от уголовной ответственности и прав потерпевших, а также выявления возможных путей оптимизации законодательства. Кроме того, научная новизна заключается в предложениях автора о проведении определенной модификации положений законодательства в целях обеспечения прав потерпевшего. В настоящее же время, по мнению автора настоящей статьи, необходимо вынести на широкое научно-практическое обсуждение пять основных (но не исключительно) вопросов, связанных с привлечением обвиняемых к участию в СВО. Автор убежден, что результат обсуждения этих вопросов позволит совершенствовать российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, обеспечить универсальность его применения без ограничения важнейших процессуальных прав потерпевших в случае введения военного положения или иного особого правового режима.

Структура статьи логична и последовательна. Язык изложения доступен и понятен, что облегчает восприятие материала. Автор справедливо разделяет текст статьи на такие разделы, как: «Введение. Постановка проблемы», «Привлечение осуждённых к участию в боевых действиях на первоначальном этапе СВО», «Действующее правовое регулирование привлечения обвиняемых к участию в боевых действиях», «Правовые и возможные криминологические проблемы, связанные с реализацией действующего порядка привлечения обвиняемых к участию в СВО», «Выводы и предложения». Данное разделение позволяет последовательно и структурированно рассмотреть проблему привлечения осужденных к участию в СВО; помогает читателю лучше понять правовой механизм реализации данной практики, выявить существующие проблемы и рассмотреть

пути их решения. Такая структура способствует глубокому осмыслению материала и облегчает восприятие сложной юридической тематики.

Список литературы отличается широтой и многообразием, включая значительное количество публикаций специалистов в области процессуального права, что свидетельствует о глубине исследования и высоком уровне подготовки автора. В список включены фундаментальные работы, относящиеся к заявленной теме. Всего библиографический список насчитывает более трёх десятков научных трудов, что подчёркивает основательность выполненного исследования.

Автор настоящей статьи апеллирует к трудам А.В. Ендольцевой, О.В. Химичевой, Л.В. Головки, Д.С. Гребенского и др. (например: «Как обоснованно отмечает А. Ю. Чекотков, созданием одинаковых условий для приостановления производства по делу в отношении всех желающих участвовать в СВО (обвиняемые в досудебном производстве, подсудимые, осуждённые до вступления приговора в силу) безусловно достигается цель скорейшего попадания последних в войска, «однако рациональность такого подхода вызывает сомнение, особенно если речь идет о рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции, которое, как правило, занимает одно или два судебных заседания» [20, с. 95]», «Комментируя изложенную в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. рекомендацию профессор Л. В. Головки отмечает: «Другими словами, при поступлении ходатайства командования воинской части уголовное дело подлежат обязательному (выделено автором цитируемого текста – Л. Г.) приостановлению, иное должно расцениваться как нарушение уголовно-процессуального закона и повлечь возвращение судом уголовного дела (если оно туда передано) прокурору» [11, с. 10]. В выделении уголовного дела в отношении обвиняемого, заключившего контракт о прохождении военной службы в особые периоды, нет ничего неординарного и специфического, в таком случае должен применяться обычный, как и по другим предусмотренным законом основаниям, порядок выделения и последующего приостановления уголовного дела, когда, например, один из обвиняемых скрывается или находится за границей [17, с. 37]» и т.д.).

Выводы статьи в целом отражают содержание работы и представляют интерес для научного сообщества, преподавателей юридических вузов и практических сотрудников органов предварительного расследования. В заключении автор предлагает «вынести на широкое научно-практическое обсуждение следующие (но не исключительно) вопросы, связанные с привлечением обвиняемых к участию в СВО: 1. Допустимость применения особого порядка в отношении подозреваемых и обвиняемых, изъявивших желание принять участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил России, либо же такой порядок предусмотреть только для осуждённых, с возможностью применения уголовно-правового института отсрочки от исполнения наказания в случае заключения ими соответствующего контракта о прохождении военной службы. 2. Перечень преступлений, подозреваемые, обвиняемые или осуждённые за совершение которых не могут заключить соответствующий контракт с командованием воинской части и, соответственно, воспользоваться правом на особый порядок. 3. Возможный процессуальный механизм учёта мнения потерпевшего относительно применения особого порядка, необходимость извещения его о принимаемых по уголовному делу в рамках этого порядка решений и возможность их обжалования потерпевшим. 4. Целесообразность предъявления иска прокурором в интересах потерпевшего от преступления в гражданском судопроизводстве (при наличии заявления последнего), либо вступление в дело прокурора для дачи заключения по таким делам в случаях, когда обвиняемый заключил контракт для прохождения военной службы в соответствующие периоды или время, производство по уголовному делу приостановлено и, по указанной причине, совместное рассмотрение гражданского иска с уголовным

делом невозможно. 5. Необходимость создания фонда помощи потерпевшим в случаях, когда их доступ к правосудию ограничивается в публичных интересах, например, в связи с приостановлением производства по уголовному делу по инициативе государственного органа».

Таким образом, статья «Освобождение обвиняемых – участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего» рассматривает важнейшую и злободневную тему, учитывая современную ситуацию. Автор показывает глубокое знание предмета и умение проводить системный анализ. В заключение обозначаются современные и важные вопросы, частично нуждающиеся в немедленном исследовании и решении в научно-практическом плане.

Статья рекомендуется к опубликованию.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Скулаков Р.М. О проблемных вопросах призвания к международно-правовой ответственности военно-политических союзов органами международного правосудия // Юридические исследования. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76158 EDN: KCLZUP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76158

О проблемных вопросах призвания к международно-правовой ответственности военно-политических союзов органами международного правосудия

Скулаков Роман Михайлович

кандидат юридических наук

ученый консультант, Вневедомственный научно-исследовательский институт изучения безопасности и сыска (ВНИИ ИБИС) г. Москва

143083, Россия, Московская обл., г. Одинцово, поселок Барвиха, д. 26

✉ romans231078@gmail.com

[Статья из рубрики "Международное право"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.11.76158

EDN:

KCLZUP

Дата направления статьи в редакцию:

06-10-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу правовых барьеров, препятствующих призванию военно-политических союзов к международной ответственности. Автор исследует ограничения юрисдикции Международного Суда ООН, связанные с отсутствием у международных организаций статуса *locus standi*, и рассматривает арбитраж как альтернативный механизм урегулирования споров. На примерах практики Международного Суда ООН, Постоянной палаты третейского суда и региональных арбитражей демонстрируется противоречие между нормативными декларациями и фактическим правоприменением международных актов. Проведен анализ решений Международного Суда ООН в вопросах ответственности международных организаций. Особое внимание уделено необходимости внесения поправок в Статут Международного Суда ООН и разработки универсальных процедур арбитража. В заключении обоснованы предложения по реформированию международно-правовой системы для обеспечения ответственности военно-политических союзов. В исследовании использован комплекс

общенаучных и частнонаучных методов исследования с опорой на общефилософские принципы объективности, всесторонности, всеобщей связи и развития. Автором применялся системный и функциональный подход. Особое место в исследовании отведено формально-юридическому методу. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе правовых барьеров, препятствующих реализации ответственности ВПС, и предложении альтернативных механизмов урегулирования споров. Основные результаты исследования заключаются в выявленных существенных ограничениях юрисдикции Международного суда ООН в отношении международных организаций, в анализе практики Международного суда ООН, Постоянной палаты третейского суда и региональных арбитражей, обосновании необходимости внесения поправок в Статут Международного суда ООН для расширения возможностей привлечения военно-политических союзов к ответственности, в предложенной концепции использования арбитража как альтернативного механизма урегулирования споров, разработанных рекомендациях по реформированию международно-правовой системы, в выявленных противоречиях между нормативными декларациями и фактическим правоприменением в контексте ответственности военно-политических союзов. Исследование доказывает необходимость совершенствования механизмов привлечения военно-политических союзов к международной ответственности через реформирование существующих правовых институтов и развитие альтернативных способов разрешения споров.

Ключевые слова:

военно-политический союз, Международный Суд ООН, арбитраж, юрисдикция, международные споры, международное правосудие, консультативное заключение, международная организация, правовой механизм, правоприменение

В современной системе международного права вопрос призвания к ответственности военно-политических союзов (ВПС) имеет высокую актуальность, являясь в текущей геополитической ситуации одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем. Ее рассмотрением в международном и военном праве занимались такие ученые как О.Г. Безбабнов, В. М. Корякин, А. В. Кудашкин А. Н. Савенкова, К.Л. Сазонова, И.В. Холиков и др. [\[1, с. 105-114\]](#), [\[2, с. 54-61\]](#), [\[3, с. 102-111\]](#).

Несмотря на значимую роль в формировании миропорядка, правовые механизмы реализации ответственности военных альянсов существенно ограничены такими институциональными барьерами, как юрисдикция Международного Суда ООН (далее – МС) в отношении международных организаций, а также отсутствием универсальных процедур призвания к ответственности данных субъектов международного права.

В частности, МС не вправе рассматривать споры с участием международных организаций по существу. Компетенция МС ограничена разбирательством дел, в которых сторонами являются государства.

Данный орган международного правосудия может только «давать консультативные заключения по любому юридическому вопросу по запросу любого учреждения, уполномоченного делать такие запросы самим Уставом Объединенных Наций или согласно этому Уставу», тем самым реагировать на запросы международных организаций, которые являются специализированными учреждениями Организации Объединенных Наций, и лишь в пределах полномочий данных субъектов международного

права.

В качестве подтверждения возможно привести запрос, который был сделан 14 мая 1993 г. Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в МС по поводу консультативного заключения о последствиях воздействия ядерного оружия (ЯО) на окружающую среду и здоровье человека и о соответствии использования такого оружия государством в ходе войны или другого вооруженного конфликта нормам международного права. Международный судебный орган отказался вынести такое заключение, признав отсутствие у ВОЗ каких-либо полномочий в отношении предмета запроса, в частности, допустимости применения данного типа оружия массового поражения. Однако МС положительно отреагировал на запрос, представленный Генеральной Ассамблеей (ГА) ООН, о вынесении консультативного заключения об угрозе или применении ядерного оружия. Поскольку ГА ООН наделена универсальными компетенциями, суд принял к рассмотрению запрос от данной международной организации как уполномоченного учреждения с последующим вынесением консультативного заключения о том, что «как в обычном, так и в международном договорном праве отсутствует санкционирование угрозы или применения ядерного оружия. При этом угроза или применение силы противоречит пункту 4 статьи 2 Устава ООН и нарушает требования статьи 51 ее Устава» [\[4\]](#).

Вместе с тем МС наделен полномочиями «запрашивать у публичных международных организаций информацию, относящуюся к делам, находящимся на его рассмотрении, а также получать подобную информацию, представляемую указанными организациями по их собственной инициативе». В случаях «когда по делу, разбираемому Судом, ему надлежит дать толкование учредительному документу какой-либо публичной международной организации...» «...Секретарь Суда уведомляет данную публичную международную организацию и препровождает ей копии всего письменного производства».

Кроме того, закрепленная в пункте 1 статьи 65 Статута возможность МС прибегать к процедуре межгосударственного разбирательства косвенно позволяет осуществлять призывание международных организаций и, соответственно, военно-политических союзов к ответственности.

В частности, МС в консультативном заключении от 11 апреля 1949 г. в деле «О возмещении ущерба, понесенного на службе ООН» подтвердил право международной организации, наряду с государством, предъявлять требования «в отношении ущерба, причиненного... потерпевшему или правомочным лицам через него». Данная позиция подтверждает наличие косвенного механизма реализации ответственности, в том числе применительно к военно-политическим союзам в рамках МС [\[5, с. 319-423\]](#); [\[6\]](#); [\[7\]](#); [\[8, с. 178-187\]](#).

В практике МС имеются случаи рассмотрения вопросов, касательно международно-правовой ответственности различных субъектов международного права, в том числе международных организаций. Например, консультативное заключение о противоправности акта международной организации выносились по делу «О формировании Комитета по безопасности на море Межправительственной морской консультативной организации» 1960 года. В Консультативном заключении МС от 8 июня 1960 г. «О формировании Комитета по безопасности на море Межправительственной морской консультативной организации» универсальный международный судебный орган признал факт злоупотребления дискреционными полномочиями.

Другим характерным примером является Консультативное заключение МС «Определенные расходы ООН» 1962 года, в котором МС затронул проблему *ultra vires*. В своем постановлении Суд отметил, что «когда Организация предпринимает действие, оправдывающее утверждение о том, что оно необходимо для достижения одной из заявленных целей, предполагается, что такое действие не выходит за рамки компетенции Организации, не является *ultra vires*».

Призвание международных организаций к ответственности посредством процедуры межгосударственного разбирательства в МС предусматривает право заявителя – потерпевшего субъекта международного права, в ходе представления аргументов выступить с заявлением о том, что международные организации в своих актах либо нарушают нормы международного права, либо данные документы по тем или иным причинам являются недействительными. Обращение к данному праву содержится в том числе в Решении МС от 18 августа 1972 г. «Дело, касающееся опротестования юрисдикции Совета ИКАО» (Индия против Пакистана), а также в постановлении МС о «Вопросах толкования и применения Монреальской конвенции 1971 года, возникших в связи с воздушным инцидентом в Локерби» [\[9, p. 105\]](#).

В целом предоставление международным организациям и, в частности, военно-политическим союзам права *locus standi* в МС полагается одним из наиболее актуальных направлений расширения роли МС [\[10, p. 239\]](#); [\[11, p. 4-9\]](#). С учетом этого можно полагать обоснованной инициативу о внесении соответствующей поправки в пункт 1 статьи 34 Статута МС, которая предполагает наделение международные организации статусом быть стороной в МС, то есть правоспособностью выступать в качестве истца или ответчика.

Статут МС в статьях 69 и 70 главы V «Поправки» предусматривает возможность внесения изменений в содержание документа: «Поправки к настоящему Статуту вводятся тем же порядком, какой предусмотрен Уставом Объединенных Наций для поправок к этому Уставу, при соблюдении, однако, всех правил, какие могут быть установлены Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности относительно участия государств, не состоящих Членами Объединенных Наций, но являющихся участниками Статута». Процедура аналогична внесению поправок в Устав ООН.

Впервые данный вопрос был поднят еще в 1945 году в Комитете юристов накануне конференции в г. Сан-Франциско, на которой состоялось учреждение Организации Объединенных Наций. Данная идея в последующем получила значительную поддержку в международно-правовой доктрине.

Президент Российской Ассоциации международного права А. Я. Капустин, принимая во внимание международные конвенции и соглашения, участниками которых помимо государств являются и международные организации, положения которых предполагают обращение в МС для разрешения возникших разногласий, соглашается с утверждением, что «допустимо расширительное толкование соответствующих положений таких конвенций, предполагающее предоставление возможности обращения в МС не только государствам, но и международным организациям». «Сохранение существующего положения вещей, будет противоречить принципу равноправия сторон одного и того же международного договора» [\[12, с. 239\]](#).

Вместе с тем, несмотря на одобрение экспертным сообществом в целом идеи присвоения международным организациям статуса *locus standi*, изменений в доктрине до настоящего времени так и не произошло.

Объяснение ситуации, по оценке ведущих юристов-международников, заключается в отсутствии у государств политической воли, а также в нежелании ряда стран, прежде всего членов НАТО, накладывать рамочные ограничения правового характера на деятельность военно-политического союзов [\[13, p. 632-633\]](#); [\[14, p. 25\]](#); [\[15, с. 138\]](#); [\[16, с. 224\]](#); [\[17, с. 125-134\]](#).

В условиях отсутствия юрисдикции МС над военно-политическими союзами приобретает особую актуальность возможность использования арбитражного разбирательства в вопросах урегулирования международных споров и ситуаций [\[18, с. 76-92\]](#).

Характерно, что именно расширение практики международных арбитражей оказало позитивное влияние на процесс становления международно-правовой ответственности в современной системе международного права [\[19, p. 82\]](#). В частности, на начальном этапе развития данной отрасли в условиях отсутствия общепризнанных норм об ответственности государств в практике субъектов международного права широко применялись отдельные соглашения, регулировавшие их отношения по возникающим спорам и ситуациям по каждому конкретному случаю отдельно. В качестве примера одного из первых подобных соглашений можно привести Вашингтонский договор между США и Великобританией 1871 года. В соответствии с его положениями был учрежден арбитраж по делу о крейсере «Алабама», на рассмотрение которого был вынесен иск о нарушении Лондоном нейтралитета в период гражданской войны в Соединенных Штатах. Данное разбирательство продемонстрировало международному сообществу, что арбитражный механизм является эффективным средством разрешения международного спора любого масштаба и тем самым послужило основой для последующего формирования практики международно-правовой ответственности государств. Впоследствии данная форма нашла широкое применение в договорной практике международных организаций.

В Конвенции о создании Европейского космического агентства от 30 мая 1975 г. установлено, что «любой спор между двумя или более государствами-членами, или между любым из них и Агентством относительно толкования или применения настоящей Конвенции или Приложений к ней, как и любой спор, о котором идет речь в статье XXVI Приложения I, не разрешенный Советом или благодаря Совету, по требованию любой из Сторон спора передается на рассмотрение арбитража». Конвенция о международной организации морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) от 3 сентября 1976 г. в статье 31 предусматривает возможность передачи на рассмотрение арбитража споров, которые «в течение разумного периода времени не могут быть разрешены переговорным путем». Помимо этого, к процедуре арбитража обращается в статье 66 Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 марта 1986 г.

МС также подтвердил наличие у субъектов международного права возможности обращения к арбитражным механизмам урегулирования споров. Так, в консультативном заключении от 26 апреля 1988 г. по делу «Применимость обязательства приступить к процедуре арбитража в соответствии с разделом 21 Соглашения по вопросу о месторасположении Центральных учреждений ООН от 26 июня 1947 г.» МС ООН признал, что арбитражные оговорки являются «единственным правовым средством по разрешению спора».

Арбитражи, создаваемые для решения конкретного дела (арбитраж *ad hoc*), в качестве правовой основы своего функционирования используют компромисс, которым является

соглашение сторон в споре. Для постоянно действующих (институционных) арбитражей таким документом является статут.

Третейский суд *ad hoc* создается исключительно для каждого отдельного случая или известного ряда споров, существующих в данное время между сторонами, и точно ограничен его пределами. Важнейшим документом, регламентирующим деятельность арбитражей *ad hoc*, является Арбитражный регламент Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). Регламент ЮНСИТРАЛ используется в коммерческих и инвестиционных спорах чаще, чем любые отдельно взятые правила институционального арбитража [20–23]. Несмотря на тот факт, что Регламент изначально предназначался для коммерческого арбитража, его положения также гарантируют справедливую и эффективную процедуру мирного разрешения споров с участием организаций и государств [24, с. 76–92].

Согласно Регламенту, соглашение об арбитражном разбирательстве является добровольным актом самих заинтересованных в разрешении спора сторон. Тем самым эффективность арбитража как средства привлечения ВПС к ответственности существенно ограничена его добровольным характером: для его инициирования требуется согласие самого ВПС, которое маловероятно в случаях серьезных нарушений. Дополнительными препятствиями выступают иммунитет ВПС от юрисдикции (обычно закрепленный в их учредительных документах, как, например, Оттавское соглашение о статусе Организации Североатлантического договора, государств-представителей и международного персонала), который должен быть явно снят (*waived*), и сложности определения применимого права в отсутствие универсальной конвенции об ответственности международных организаций.

Универсальным постоянным арбитражным учреждением при условии наличия согласия сторон по использованию подобного механизма урегулирования споров выступает Постоянная палата третейского суда (ППТС) в Гааге (Permanent Court of Arbitration). ППТС является международной межправительственной организацией, которая обеспечивает международному сообществу возможность урегулирования споров международного характера путем предоставления различных услуг в данной сфере. Заявленной целью функционирования Постоянной палаты выступает облегчение доступа к процедуре разбирательства третейского суда при невозможности урегулирования разногласий дипломатическим путем. В компетенцию ППТС входят практически все случаи третейского разбирательства при условии, что стороны разногласий достигнут соглашения о выборе данного судебного органа.

Правовую основу деятельности Постоянной палаты третейского суда составляют Факультативные правила арбитражного рассмотрения споров между международными организациями и государствами 1996 года и Арбитражным регламентом ППТС 2012 года. Решения ППТС признаются обязательными для сторон спора (статья 34 Регламента).

Не являясь постоянно действующим судебным органом, Постоянная палата третейского суда вместе с тем предоставляет необходимые условия и площадку для выбора процедур урегулирования споров, в том числе установление фактов возникших разногласий, примирение и арбитраж. Согласно нормативным документам обращения в ППТС могут подавать государства, международные организации, юридические и физические лица. В своей деятельности палата применяет: международные конвенции, как общие, так и специальные; устанавливающие правила, определенно признанные спорящими сторонами; международный обычай как доказательство всеобщей практики, принятой в качестве правовой нормы; общие принципы права, одобренные цивилизованными

нациями; судебные и арбитражные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов различных стран в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм. Наряду с этим не исключается право арбитражного органа урегулировать спор посредством *ex aequo et bono* (т.е. исходя из соображений справедливости и блага), что предполагает достижение обоюдного согласия на это участвующих сторон [\[25, с. 28-43\]](#).

Как было отмечено выше, на арбитражное рассмотрение ППТС может быть вынесен обширный перечень проблемных вопросов, касающихся различных отраслей права. В то же время, выполняя по умолчанию функцию назначения компетентного органа по Регламенту ЮНСИТРАЛ, Постоянная палата в большинстве дел рассматривает споры инвестиционного характера [\[26\]](#).

Институционный арбитраж признан международным юридическим сообществом в качестве современного правового института, устойчивая тенденция развития арбитражной договорной практики подтверждает данное утверждение. Расширение сфер применения данного вида арбитража в урегулировании разногласий на международном уровне постепенно оттесняет идею арбитража *ad hoc*.

Целый ряд многосторонних соглашений международных организаций или договоров с их участием содержит положения об обязательном обращении к арбитражу в случае возникновения спорных ситуаций. Среди них Всемирная почтовая конвенция 1964 года, Устав ЮНЕСКО, Международная конвенция электросвязи 1965 года, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года, Конвенция ООН по морскому праву 1982 года и др. Наряду с этим наметилась устойчивая тенденция в специализации и регионализации арбитражей (например, в рамках Африканского союза, Лиги арабских государств, Организации американских государств, Организации Североатлантического договора, Совета Европы и пр.).

Вместе с тем международные организации могут вступить в международные арбитражные разбирательства как на региональном, так и на универсальном уровнях. Одной из площадок разрешения подобных споров является Международный трибунал по морскому праву (МТП).

Конвенция по морскому праву применяет положения об ответственности в части *XV mutatis mutandis* к спорам участниц данной Конвенции, одна или более из которых являются международными организациями (пункт 2 статьи 7 Приложения IX к Конвенции ООН по морскому праву). Документ сохраняет открытой возможность присоединения к нему и других межгосударственных организаций. При этом в статье 20 Статута МТП декларируется открытость Трибунала «для субъектов, не являющихся государствами-участниками, в любом деле, прямо предусмотренном в части XI, или в любом деле, переданном на рассмотрение Трибунала в соответствии с любым другим соглашением, предусматривающим компетенцию Трибунала, на что дали согласие все стороны в этом деле». В то же время юрисдикция МТП носит ограниченный компетенцией Конвенции характер, то есть распространяется только на отдельную категорию международных разногласий – морские споры [\[27, с. 147-158\]](#); [\[28, с. 431-459\]](#).

В свою очередь Европейский Союз (ЕС) является участником Конвенции по морскому праву как международная организация и соответственно наделен правом выступать стороной споров в рамках юрисдикции Международного трибунала по морскому праву, а также стороной дела в арбитражных разбирательствах, образуемых в соответствии со статьей 287 Конвенции [\[29, с. 45-68\]](#).

Участие ЕС в Конвенции способствовало расширению компетенции Евросоюза и увеличению объема его законодательной базы. Обогащение прецедентной практики Суда ЕС обеспечило формирование данным органом правосудия «общих принципов права», в том числе в контексте применения арбитражных правил. Профессор А. Я. Капустин на основе анализа деятельности Европейского Суда пришел к выводу, что эти принципы являются полноценным источником права ЕС [\[30, с. 119–128\]](#); [\[31\]](#). С учетом данного обоснования можно утверждать, что процедура арбитражного разрешения спора с участием международных организаций получила научное закрепление в международной судебной практике.

Применительно к военно-политическим союзам спорные вопросы между их членами могут быть разрешены через судебные и арбитражные механизмы, предусмотренные в двусторонних или многосторонних соглашениях [\[8, с. 178–187\]](#). Для НАТО такими документами являются Соглашение между странами-участницами Североатлантического договора о статусе их вооруженных сил (Лондон, 19 июня 1951 г.) и Конвенция о статусе Организации Североатлантического договора, национальных представителей и международного персонала (Оттава, 20 сентября 1951 г.). В интересах решения спорных ситуаций внутри организации в 2013 году в Североатлантическом альянсе был учрежден административный трибунал НАТО. В сферу его компетенции входят «решения по индивидуальным спорам, инициированных действующим или отставным членом международного персонала НАТО или его законным преемником, который затронут решением, предположительно не соответствующим положениям о гражданском персонале или условиям его назначения в организацию».

В отдельных случаях иски против членов военно-политических союзов может рассматривать МС. Вместе с тем это касается исключительно конкретных действий государств, как членов ВПС, сами же военные объединения остаются вне сферы юрисдикции международного правосудия [\[32, с. 5–14\]](#); [\[33, с. 100–116\]](#).

В целом международный арбитраж представляет собой один из наиболее процессуально и политически нейтральных способов рассмотрения и разрешения споров с участием таких субъектов международного права как международные организации. В условиях ограниченной юрисдикции МС в части, касающейся обращения к военно-политическим союзам по спорным делам, и, соответственно, при отсутствии другого компетентного органа международного правосудия призвания к ответственности ВПС за совершенные деликты, полагается целесообразным в данных международно-правовых вопросах задействовать весомый потенциал арбитражных процедур в рамках Постоянной палаты третейского суда. ППТС обладает правом рассматривать дела с участием международных организаций и принимать, что важно, обязательные для сторон спора решения. Обоснованное подтверждение данного тезиса имеется в работах Е. А. Шибоевой, которая полагает, что «оптимальной процедурой для урегулирования споров, возникающих в связи с глобальными проблемами, должен быть международный арбитраж, обладающий свойством принимать решения, обязательные для спорящих сторон» [\[34\]](#).

Можно констатировать, что в рамках универсальных, межрегиональных и региональных международных организаций созданы различные достаточно эффективные арбитражные механизмы рассмотрения внутренних споров. Однако наиболее явно прослеживается потребность в реализации ответственности ВПС внешними судебными или арбитражными механизмами. Получившее закрепление в современном международном праве понятие

иммунитета международных организаций от юрисдикции национальных судов, наряду с отсутствием других органов международного правосудия, существенно ограничивает в настоящее время варианты рассмотрения споров и ситуаций с участием военно-политических союзов в рамках национальных и универсальных судебных систем.

Таким образом, действующие механизмы привлечения ВПС к ответственности обладают существенными пробелами. МС, ограниченный юрисдикцией *ratione personae*, не может рассматривать иски к организациям, что создает правовой вакуум в случаях нарушений со стороны ВПС. Альтернативой выступает арбитраж, чья гибкость и нейтральность позволяют разрешать споры с участием международных организаций, включая военные союзы. Однако добровольный характер арбитражных процедур и отсутствие обязательной юрисдикции ППТС снижают их эффективность. В качестве решения проблемы полагается необходимым реализацию следующих мер: внести поправки в Статут МС, предоставляющих организациям право *locus standi*; разработать универсальную конвенцию, регулирующую арбитражные процедуры с участием военно-политических союзов: усилить роль региональных арбитражных институтов (например, в рамках НАТО, ОДКБ, ЕС и др.).

Дальнейшее игнорирование данной проблемы подрывает принцип верховенства права в международных отношениях и способствует уклонению ВПС, прежде всего Организации Североатлантического договора, от ответственности. Арбитраж остается оптимальным инструментом, однако его потенциал может быть реализован лишь при условии политической воли всех субъектов международного права и дальнейшего реформирования международно-правовой системы.

Библиография

1. Холиков И. В. Борьба за мир (о нарушениях норм международного права Североатлантическим альянсом) // Государство и право. 2025. № 5. DOI 10.31857/S1026945225020109.
2. Баймышев В. Г. О проблеме регулирования международно-правовой ответственности военно-политических союзов // Российское общество и социально-правовые аспекты его безопасности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, 25-26 апреля 2024 года. – М.: Университет прокуратуры РФ, 2024. – EDN DDILOE.
3. Сазонова К. Л., Холиков И. В. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297).
4. International Court of Justice. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons: Advisory opinion of 8 July 1996.
5. Eagleton C. International Organization and the Law of Responsibility // RdC. 1950. Vol. 76.
6. Лукашук И. И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2005.
7. Гуласарян А. С. Международно-правовая имплементация норм об ответственности

международных организаций. – М.: Статут, 2015. – EDN UWIAWH.

8. Баймышев В. Г. О проблемных вопросах имплементации международно-правовой ответственности военно-политических союзов // Военное право. 2025. № 2 (90).

9. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда: 1992–1996 годы. – Нью-Йорк: ООН, 1998.

10. Cassese A. The International Court of Justice: It is High Time to Restyle the Respected Old Lady // Cassese A. Realizing Utopia: The Future Role of International Law. – Oxford, 2012.

11. Thirlway H. W. Advisory Opinions of International Courts // Bernhardt R. (ed.). Encyclopedia of Public International Law. – Amsterdam, 1981. Vol. 1.

12. Капустин А. Я. Международные организации в глобализирующемся мире. – М.: РУДН, 2010. – EDN QRYIQD.

13. Rosenne Sh. The Law and Practice of the International Court 1920–2005. – Martinus Nijhoff Publishers, 2006. Vol. II. – EDN QXGEXH.

14. Jessup Ph. A Modern Law of Nations: An Introduction. – New York, 1948.

15. Шибаетаева Е. А. Правовой статус межправительственных организаций. – М.: Юридическая литература, 1972.

16. Нешатаева Т. Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. – М., 1998.

17. Баймышев В. Г. К вопросу о международно-правовых нормах регулирования ответственности военно-политических союзов // Военное право. 2025. № 1(89).

18. Катехизис нормативности: синкретические размышления о философских основаниях военного права / И. В. Холиков, А. В. Дахин, А. Д. Куманьков [и др.] // Государство и право. 2024. № 6. DOI 10.31857/S1026945224060067. – EDN JPARLN.

19. Brownlie I. The Rule of Law in International Affairs. – The Hague, 1998.

20. Лучшие против лучших: крупнейшие процессы в международном торговом арбитраже, действующие лица и исполнители // Третейский суд. 2006. № 6.

21. Лучшие против лучших: крупнейшие процессы в международном торговом арбитраже, действующие лица и исполнители // Третейский суд. 2007. № 1, 2.

22. Никифоров И. В. Хроники международного арбитража. Лучшие против лучших: раунд второй // Третейский суд. 2008. № 4-6.

23. Goldhaber M. D. Arbitration Scorecard // American Lawyer Focus Europe. 2009. July 01.

24. Permanent Court of Arbitration Optional Rules for Arbitration involving International Organizations and States, 1996.

25. Гуласарян А. Международные организации и разрешение споров: некоторые проблемы, тенденции и перспективы развития // Международное правосудие. 2018. № 2 (26).

26. Доклад Комиссии ООН по праву международной торговли. A/CN.9/665: п. 47-50 / [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: <https://uncitral.un.org/ru/commission> (дата обращения: 15.09.2025).

27. Холиков И. В. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире / И. В. Холиков, В. А. Окоца // Журнал российского права. 2020. № 12. DOI 10.12737/jrl.2020.154. – EDN UPVTVB.

28. Холиков И. В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность / И. В. Холиков // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Институт государства и права РАН. – М.: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юнити-Дана"", 2020. – EDN DUQIOJ.

29. Исполинов А. С. Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. 2017. № 1 (21).

30. Капустин А. Я. Общие принципы права как источник права Европейского Союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2000. № 1. С. 119-128. – EDN IIQOVH.
31. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / А. Я. Капустин, В. Р. Авхадеев, Г. М. Азнагулова [и др.]. – Москва: Издательский дом "Инфра-М", 2023. DOI 10.12737/1926386. – EDN EKYHRA.
32. Холиков И. В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам безопасности // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права". – Оренбург: ООО "Первая типография", 2017. – EDN QSCSGC.
33. Холиков И. В. Трансляция знаний и критерии научности: концепты современной теории военного права / И. В. Холиков, П. Ю. Наумов // Государство и право. 2024. № 1. DOI 10.31857/S1026945224010101. – EDN LQLFNW.
34. Шибеева Е. А. Право международных организаций: Вопросы теории. – М.: Междунар. отношения, 1986.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Краткое содержание работы. В статье рассматриваются проблемные вопросы призвания к международно-правовой ответственности военно-политических союзов органами международного правосудия в текущей геополитической ситуации. Исследуется статус Международного Суда ООН (далее – МС) в отношении международных организаций, а также вопрос наличия/отсутствия универсальных процедур призвания к ответственности военных альянсов – субъектов международного права. Автор указывает на отсутствие юрисдикции МС над военно-политическими союзами, которая приобретает особую актуальность возможность использования арбитражного разбирательства в вопросах урегулирования международных споров и ситуаций. В связи с этим весь уклон исследования акцентирован на арбитраже.

Актуальность темы. Исследование весьма актуально, т.к. геополитическая ситуация в мире крайне нестабильна, что вынуждает исследователей и практиков обращать внимание всего сообщества на необходимость урегулирования возникающих вопросов, касающихся призвания к международно-правовой ответственности военно-политических союзов органами международного правосудия.

Предмет исследования. Четко не выражен.

Методологическая основа. Четко не выражена.

Научная новизна. Новизна исследования выражена ввиду того, что автором выявлен факт прослеживания потребности в реализации ответственности военными-политическими союзами внешними судебными или арбитражными механизмами. Получившее закрепление в современном международном праве понятие иммунитета международных организаций от юрисдикции национальных судов, наряду с отсутствием других органов международного правосудия, существенно ограничивает в настоящее время варианты рассмотрения споров и ситуаций с участием военно-политических союзов в рамках национальных и универсальных судебных систем.

Структура работы. Работа структурирована. Содержит в себе все необходимые части

научной статьи, а именно аннотацию, введение, цель исследования, результаты и их обсуждение. Завершается библиографическим список в количестве 34 источников, что говорит о серьезной проработке данного вопроса.

Достоинства работы. Достоинствами работы являются выводы, к которым пришел автор в ходе исследования:

«Таким образом, действующие механизмы привлечения ВПС к ответственности обладают существенными пробелами. МС, ограниченный юрисдикцией *ratione personae*, не может рассматривать иски к организациям, что создает правовой вакуум в случаях нарушений со стороны ВПС. Альтернативой выступает арбитраж, чья гибкость и нейтральность позволяют разрешать споры с участием международных организаций, включая военные союзы. Однако добровольный характер арбитражных процедур и отсутствие обязательной юрисдикции ППТС снижают их эффективность. В качестве решения проблемы полагается необходимостью реализацию следующих мер: внести поправки в Статут МС, предоставляющих организациям право *locus standi*; разработать универсальную конвенцию, регулирующую арбитражные процедуры с участием военно-политических союзов: усилить роль региональных арбитражных институтов (например, в рамках НАТО, ОДКБ, ЕС и др.).

Дальнейшее игнорирование данной проблемы подрывает принцип верховенства права в международных отношениях и способствует уклонению ВПС, прежде всего Организации Североатлантического договора, от ответственности. Арбитраж остается оптимальным инструментом, однако его потенциал может быть реализован лишь при условии политической воли всех субъектов международного права и дальнейшего реформирования международно-правовой системы».

Недостатки работы. В процессе рецензирования не было выявлено серьезных недостатков, которые могут повлиять на опубликование статьи. Единственный момент, на который необходимо обратить внимание, это отсутствие четко определенного предмета и методологии исследования.

Выводы. Достоинства, актуальность данной работы действительно показывают необходимость рассказать всему сообществу о проделанном исследовании.

Научная статья написана с соблюдением основных требований, предъявляемых к данному виду работ. Может быть рекомендована к публикации при устранении недочета.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Двойнова Е.А., Литвинова С.Ф. Международно-правовые основы регулирования изменения климата и пути повышения эффективности международного сотрудничества // Юридические исследования. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76510 EDN: KBNJVC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76510

Международно-правовые основы регулирования изменения климата и пути повышения эффективности международного сотрудничества

Двойнова Елизавета Алексеевна

ORCID: 0009-0006-2738-7809

независимый исследователь

690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, Ленинский р-н, ул. Гоголя, д. 41

✉ dnfsach@yandex.ru

Литвинова Светлана Федоровна

ORCID: 0000-0002-4079-3901

кандидат юридических наук

доцент, институт права; Владивостокский государственный университет

690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, Ленинский р-н, ул. Гоголя, д. 41

✉ svetlana.litvinova@vwsu.ru

[Статья из рубрики "Международное право"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.11.76510

EDN:

KBNJVC

Дата направления статьи в редакцию:

29-10-2025

Аннотация: Предмет исследования – международно-правовые механизмы регулирования изменения климата и их взаимодействие с национальными правовыми режимами, в частности правовой практикой Российской Федерации. Проведён системный анализ международного климатического права и выявлены ключевые пробелы: фрагментарность механизмов исполнения и ответственности, сложности справедливого

распределения бремени между развитыми и развивающимися странами, недостаточная согласованность международных и национальных правовых режимов, ограниченная доступность процедур возмещения трансграничного климатического ущерба и трудности доказывания причинно-следственных связей в климатических спорах. На примере Российской Федерации отмечены достижения в ведомственных и стратегических актах (стратегии, «дорожная карта» по Парижскому соглашению, методики учёта углерода), но выявлена недостаточная координация, отсутствие единого климатического законодательства и не всегда эффективная интеграция «жёсткого» и «мягкого» права. Применён синтетический междисциплинарный подход, объединяющий системно-правовой, сравнительно-правовой и доктринальный анализы, институциональный и функционально-правовой подходы с элементами климатологии, политологии и экономики. Используются методы анализа договорной базы, мониторинга и финансовых механизмов, сопоставления национальной практики (Россия, ЕС: Германия, Франция) и изучения судебных прецедентов. Работа объединяет комплексный правовой и институциональный анализ международных климатических норм с детальной оценкой практики их имплементации в России и сопоставимых юрисдикциях, предлагает унифицированные подходы к стандартизации доказательной базы в климатических спорах и формулирует конкретные механизмы трансляции элементов «мягкого» права в национальное законодательство. Выделены новые практико-правовые инструменты: централизованные научно-правовые комиссии для унификации экспертиз, методологические стандарты установления причинно-следственной связи и модели гибридного финансирования адаптационных мер. На основе проведённого исследования предлагаются 8 приоритетных мер, направленных на повышение эффективности климатического регулирования: от создания национальных климатических советов и формализации стандартов «мягкого права» до разработки единых стандартов доказывания в климатических спорах, расширения доступа к правосудию, гармонизации экстерриториального регулирования и укрепления международных финансовых механизмов. Подчёркивается необходимость комплексного, многоуровневого подхода, сочетающего правовую гармонизацию, институциональную реформу, участие гражданского общества и справедливое распределение ресурсов и ответственности. Такой подход рассматривается как условие формирования устойчивого и легитимного глобального климатического правопорядка, отвечающего вызовам XXI века.

Ключевые слова:

международное климатическое право, Парижское соглашение, РКИК ООН, трансграничный ущерб, исторические загрязнители, мягкая правовая норма, имплементация, Российская Федерация, экстерриториальное регулирование, климатическая справедливость

Несмотря на значительный прогресс в развитии международного права в области охраны окружающей среды, остаются нерешёнными ключевые вопросы, касающиеся интеграции национальных правовых режимов в глобальный климатический правопорядок и повышения эффективности межгосударственного взаимодействия в целях совместного реагирования на угрозы, связанные с глобальным потеплением. Целью настоящего исследования является комплексная оценка международно-правовых механизмов регулирования изменения климата с точки зрения их эффективности, справедливости распределения бремени обязательств и перспектив повышения результативности международного сотрудничества, включая анализ путей имплементации международных

норм в национальное законодательство на примере Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: (1) проводится системный анализ формирования и эволюции международно-правового регулирования климата с акцентом на нормативные инструменты, а также механизмы мониторинга, отчётности и обеспечения соблюдения обязательств; (2) исследуется проблематика распределения обязанностей и ответственности государств, с особым вниманием к таким аспектам, как должная осмотрительность, трансграничный ущерб, концепция «исторических загрязнителей», доступность правосудия и особенности доказательственной базы в климатических спорах, а также роль экстерриториального регулирования; (3) осуществляется оценка практики реализации международных обязательств на примере Российской Федерации и сопоставимых юрисдикций (Европейский Союз, отдельные государства) с выявлением пробелов в координации норм «жёсткого» и «мягкого» права; (4) формулируются конкретные правовые и институциональные рекомендации по повышению эффективности международного сотрудничества и укреплению механизмов финансовой поддержки.

Таким образом, основная проблема, рассматриваемая в статье, заключается в несоответствии между разветвлённой системой международно-правовых норм в области изменения климата и их ограниченной практической результативностью. Это несоответствие проявляется в фрагментарности механизмов исполнения и ответственности, трудностях справедливого распределения нагрузки между развитыми и развивающимися странами, недостаточной согласованности международных и национальных правовых режимов, а также в ограниченной доступности эффективных процедур возмещения трансграничного климатического ущерба.

Методология исследования, результаты которого изложены в статье, представляет собой комплексный междисциплинарный подход, сочетающий несколько взаимодополняющих научных методов, характерных для юридических и социально-политических исследований в области международного и экологического права. Системно-правовой анализ – применяется для структурированного изучения эволюции международно-правового регулирования изменения климата, включая базовые договоры (РКИК ООН, Киотский протокол, Парижское соглашение), решения Конференций сторон (КС), финансовые механизмы (ЗКФ, ГЭФ) и вспомогательные документы. Цель – выявить внутреннюю логику, пробелы и противоречия в глобальном климатическом правопорядке. Сравнительно-правовой метод – использован для сопоставления практики имплементации международных климатических обязательств в национальные правовые системы, в частности в Российской Федерации, странах Европейского союза (на примере Германии и Франции) и других юрисдикциях. Это позволило выявить различия в подходах к координации «жёсткого» и «мягкого» права, институциональному обеспечению и механизмам ответственности. Доктринальный (нормативно-теоретический) анализ направлен на интерпретацию ключевых правовых концепций, таких как «должная осмотрительность», «исторические загрязнители», «трансграничный ущерб», «экстерриториальное регулирование», а также на оценку их применения в научной литературе и судебной практике (включая дела *Lliuya v. RWE*, *Asmania v. Holcim*).

Институциональный анализ – применяется для оценки эффективности существующих и предложения новых институциональных механизмов (национальные климатические советы, арбитражные процедуры, научно-правовые комиссии), обеспечивающих выполнение климатических обязательств на многоуровневом уровне. Функционально-правовой подход – используется для оценки практической результативности норм: анализ не только содержания правовых предписаний, но и их реального воздействия,

включая барьеры имплементации (институциональные, процессуальные, финансовые). Элементы междисциплинарного анализа – с привлечением данных из смежных областей: климатологии (оценки МГЭИК, ВМО), политологии (вопросы глобального управления и справедливости) и экономики (финансовые механизмы, рынки квот).

Таким образом, методология исследования носит синтетический характер, объединяя традиционные юридические методы с элементами политического и институционального анализа, что позволяет всесторонне оценить как правовую конструкцию международного климатического режима, так и его практическую эффективность в национальном контексте.

В настоящей работе широко использованы публикации ведущих специалистов, внесших существенный вклад в разработку международно-правовых аспектов изменения климата и институциональных основ климатического и экологического права. А. Д. Вирт (David Wirth) систематизировал эволюцию глобального климатического режима и проанализировал структурные и институциональные связи между основными международными инструментами в области охраны климата, что позволило выявить новые типы соглашений и их правовые последствия для многостороннего регулирования. Его исследования дают методологическую основу для рассмотрения места Парижского соглашения во внутренней и международной правовой системе. Российские и зарубежные авторы, посвящающие историко-культурным и философским основаниям экологического мышления, в том числе отдельные работы, сопоставляющие традиционные формы взаимодействия человека и природы, служат фоном для понимания нормативных трансформаций в современном климатическом праве.

Д. Г. Запрутин представил аналитический комплекс по вызовам и перспективам экологического права в условиях климатических изменений, обращая внимание на необходимость интеграции принципов устойчивого развития, модернизации национального законодательства и развития механизмов ответственности; его труды обосновывают практические векторы законодательных реформ и институциональных преобразований. Т. В. Захаров (в российской литературе) дал обзорные обобщения по международно-правовым проблемам изменения климата, в том числе по вопросам международной ответственности государств и проблемам экстерриториальной юрисдикции, что важно для анализа правовых пробелов и возможностей применения существующих норм международного права к климатическим рискам.

Р. В. Никонов и др. разработали концептуальную базу правовых принципов в национальных правовых системах (Россия, Германия, Франция), раскрыв роль таких правовых принципов, как принцип предосторожности, международного сотрудничества и устойчивого развития, в формировании отечественных нормативных актов по предупреждению изменения климата. Работы О. А. Самончик конкретизируют вопросы имплементации международных климатических обязательств в российское законодательство и дают эмпирическую картину взаимодействия международных и национальных политик.

И. А. Яковлев, Л. С. Кабир и С. И. Никулина в своих совместных исследованиях систематизировали ключевые составляющие климатической политики Российской Федерации и провели сравнение национального и международного подходов, что важно для оценки степени претворения многосторонних обязательств в национальную практику.

В англоязычной доктрине вопросы ответственности и доступа к правосудию в климатических спорах исследовали Б. Meyer и коллективы авторов,

систематизировавшие обязанности государств по снижению антропогенного воздействия и механизмы формирования глобальных климатических режимов. Значительный вклад в эмпирическое и процессуальное измерение климатической юриспруденции внесли М. Tigre и М. Wewerinke-Singh, проанализировавшие судебные процедуры и стратегии истцов в делах, связанных с вредными последствиями изменения климата, а также практику установления причинно-следственной связи и распределения ответственности между многочисленными эмитентами парниковых газов.

Работы вышеуказанных авторов позволили не только выявить ключевые элементы международного климатического права и оценить механизмы и трудности имплементации международных обязательств в национальные правовые системы, но и определить пробелы в правоприменительной практике и обозначить направления для дальнейших эмпирических и теоретических исследований. Вместе с тем, данное исследование, подобно любому другому комплексному научному труду, имеет свои методологические и контекстуальные ограничения, которые необходимо учитывать. В частности, представляется целесообразным проведение более глубокой оценки причинно-следственной связи между действиями международных институтов и национальными мерами по исполнению международных обязательств. Настоящее исследование развивает идеи Т. В. Захарова и Д. Г. Запрутина, согласно которым полноценное исполнение международных обязательств возможно лишь при глубоком понимании взаимосвязи международного и национального права. Отличаясь от прежних исследований, мы предлагаем конкретный инструмент – институционализацию специальных «климатических советов» и центров компетенции, целью которых является формирование единообразной правовой позиции внутри государств и предотвращение конфликтующих норм «жесткого» и «мягкого» права.

Исследование продолжает развивать аргумент о значении экстерриториального регулирования, впервые озвученный В. С. Хижняком и подтвержденный примерами из судебной практики, такими как дела *Lluya v. RWE* и *Asmania v. Holcim*. Однако, мы выделяем необходимость усовершенствовать процедуры доказывания трансграничного вреда, предусмотреть унификацию стандартов доказательства и создание специализированных органов для урегулирования подобных споров. Учтены взгляды ведущих международных специалистов по климатическому праву и судебным разбирательствам в сфере изменения климата В. Mayer, М. Tigre, D. Wewerinke-Singh, которые отстаивали положение о том, что понятие «исторического загрязнения» играет ключевую роль в обеспечении справедливого распределения затрат на защиту климата. Исходя из этого, нами предложено введение категории «коллективный исторический виновник», которое способно расширить круг ответственных сторон.

Наши рекомендации значительно отличаются от предложений Д. И. Гарафовой и И. А. Умновой-Конюховой, ограничившихся формализацией норм мягкого права. Мы настаиваем на углубленном изучении механизмов интеграции и предложении действенных способов преобразования рекомендаций международных форумов (Conferences of Parties, COPs) в действующее национальное законодательство. Отдельное внимание уделено аспектам финансового регулирования, где наши выводы существенно разнятся с позицией германских ученых (R. V. Nikonov, O. A. Samonchik). В данном разделе особо подчеркнута значимость активной роли государственных фондов, страховых механизмов и иных гибридных инструментов для покрытия убытков, возникающих вследствие изменения климата.

В целом мы рекомендуем дополнительно провести более глубокий качественный анализ на национальном уровне, учитывая роль неформальных факторов и внутренних

политический контекст государств, что обеспечит получение полного представления о процессе адаптации и имплементации международных обязательств, дополнив существующие выводы необходимыми практическими рекомендациями для повышения эффективности глобального экологического управления.

Проблема изменения климата приобрела статус одной из главных угроз устойчивому развитию современного мира, что обусловило необходимость выработки согласованной стратегии международного сообщества [\[3\]](#). Основой такой стратегии стала Рамочная конвенция Организации Объединённых Наций об изменении климата (РКИК ООН), подписанная 9 мая 1992 г. и вступившая в силу 21 марта 1994 г. Этот договор заложил политический и правовой фундамент для дальнейшего укрепления сотрудничества государств в целях снижения антропогенного воздействия на атмосферу путём ограничения выбросов парниковых газов, а также для разработки специализированных механизмов адаптации и финансирования, необходимых для противодействия негативным последствиям изменения климата.

Следующим важным этапом в становлении международного экологического права стало принятие Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата 11 декабря 1997 года, вступившего в силу 16 февраля 2005 г. Протокол установил юридически обязывающие количественные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов для промышленно развитых стран. Его ключевыми нововведениями стали правовые основания для функционирования рынка квот на выбросы, а также механизмы финансовой поддержки развивающихся стран и стран с переходной экономикой в целях борьбы с последствиями глобального потепления.

Дальнейшее развитие правового регулирования в сфере изменения климата было закреплено в Парижском соглашении, принятом 12 декабря 2015г. и вступившем в силу 4 ноября 2016 г. Это событие ознаменовало начало нового этапа сотрудничества мирового сообщества в области климатической политики. Соглашение закрепляет амбициозную цель – удержать рост глобальной средней температуры «значительно ниже 2 °С» по сравнению с доиндустриальным уровнем и ограничить потепление 1,5 °С. Документ предусматривает механизм определяемых на национальном уровне вкладов (ОНУВ), регламентирует вопросы финансирования, адаптации и контроля за выполнением обязательств [\[1\]](#).

Помимо базовых договоров, важную роль играют дополнительные соглашения и инициативы, реализованные в период с 2001 по 2020 гг., включая специализированные инструменты финансирования и управления ресурсами, разработанные Всемирным банком и Международным банком реконструкции и развития, направленные на поддержку адаптационных мероприятий и смягчение последствий климатических изменений в развивающихся регионах (например, Договор о финансировании проекта адаптации в сельском хозяйстве и водных ресурсах, Соглашение о финансировании проектов в области энергоэффективности и возобновляемой энергетики и др.). Начиная с 2010 г., особое значение приобретают так называемые каталожные документы третьего поколения – рекомендации и положения, выработанные на заседаниях Конференций Сторон (COP). Именно благодаря этим документам совершенствуются процедуры мониторинга и отчётности, повышается прозрачность и коммуникабельность процессов реализации климатических инициатив.

Для эффективной реализации международных обязательств в области климата требуются значительные финансовые ресурсы. Важную роль в этом контексте играют такие механизмы, как Глобальный фонд климатических изменений (Green Climate Fund, GCF) и

Глобальный экологический фонд (Global Environment Facility, GEF), созданные в рамках РКИК ООН. Они способствуют мобилизации средств и их направлению на проекты по защите климата и внедрению инновационных экологически чистых технологий. Отдельного внимания заслуживают специализированные протоколы и программы, касающиеся отдельных аспектов климатической повестки. Например, в Протоколе по водороду, принятом в 2000-х гг, подчёркивается потенциал водорода как перспективного энергоносителя, способствующего отказу от ископаемых видов топлива. Программы по сохранению лесов и биоразнообразия акцентируют внимание на роли лесных экосистем в связывании углерода и поддержании устойчивости природных систем.

Особое внимание в современном международном климатическом праве уделяется принципам справедливого распределения обязательств между развитыми и развивающимися странами, закреплённым в Парижском соглашении и обозначенным в качестве приоритетных направлений на период с конца 2015 по 2020 г. Такие подходы предполагают дифференцированное распределение технологических инноваций и финансовой поддержки с учётом реальных возможностей государств, что способствует равноправию и устойчивости совместных усилий. Значительную роль в научном обосновании климатической политики играют оценки, проводимые специализированными организациями, такими как Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) и Всемирная метеорологическая организация (ВМО). Периодически публикуемые ими отчёты служат основой для принятия управленческих решений, формирования сценариев развития и оценки рисков, связанных с антропогенным воздействием на окружающую среду.

Таким образом, совокупность указанных документов формирует многоуровневую структуру международного климатического правопорядка, охватывающую политические, финансовые, технологические и научные аспекты. Однако, несмотря на насыщенность нормативными актами, её практическая эффективность остаётся ограниченной.

В Российской Федерации вопросы регулирования климата и охраны окружающей среды занимают всё более заметное место в правовой системе. Страна активно внедряет механизмы, направленные на минимизацию негативного воздействия на природу и адаптацию к глобальным климатическим изменениям [\[13\]](#). К числу базовых нормативных актов относятся Федеральный закон №89-ФЗ от 24 июня 1998 г. «Об отходах производства и потребления», регулирующий процессы накопления, хранения, переработки и утилизации отходов, и Федеральный закон №7-ФЗ от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды», устанавливающий основополагающие принципы рационального природопользования и защиты природных компонентов – атмосферы, водных объектов и почв.

Значительное внимание уделяется адаптации отраслей экономики и субъектов Российской Федерации к новым климатическим реалиям. В частности, постановлением Правительства РФ №1467 от 1 ноября 2020 г. определён комплекс мер по повышению устойчивости экономики и инфраструктуры к последствиям изменения климата. Среди ведомственных актов выделяется приказ Минприроды России №366 от 1 октября 2021 г., утвердивший методику учёта поглощения углерода лесами, что позволяет объективно оценивать вклад лесного сектора в смягчение последствий изменения климата. Стратегический характер носит распоряжение Правительства РФ №264-р от 2 февраля 2021 г., утвердившее Стратегию противодействия изменению климата как рамочную программу постепенного внедрения мер по сокращению выбросов и адаптации. Важной

инициативой стало утверждение «дорожной карты» по реализации Парижского соглашения (распоряжение №1133-р от 2 сентября 2021 г.), определившей конкретные шаги и механизмы достижения международных климатических целей.

Указанные документы формируют основу государственной климатической политики, однако её эффективность ограничена фрагментарностью правового регулирования и отсутствием единого законодательного акта, посвящённого климатическому праву.

Глобализация оказывает двоякое влияние на развитие экологического регулирования. С одной стороны, она превращает охрану окружающей среды в международный интерес, объединяя государства в борьбе с трансграничными угрозами. С другой стороны, она порождает новые риски, связанные с неравномерным распределением экологических издержек. По мнению В. С. Хижняка, к ключевым рискам относятся истощение энергетических ресурсов, усиление антропогенного воздействия, загрязнение и неравномерное распределение экологических рисков между странами и социальными группами [12]. Развивающиеся страны зачастую вынуждены брать на себя ответственность за экологически вредное производство, в то время как наиболее уязвимые слои населения несут непропорционально высокую нагрузку. Эти риски носят трансграничный характер и угрожают всем государствам. В то же время глобализация создаёт возможности для обмена информацией, технологиями и сотрудничества в экологической сфере.

В исследовании Хижняка подчёркивается роль международных обязательств и национального законодательства в формировании конституционно-правовой политики России в области охраны окружающей среды [12]. Принципы глобализации и взаимной выгоды требуют активного международного сотрудничества и передачи технологий, что отражено в работах Гарафовой (2017) [2]. Общие обязательства государств по смягчению последствий климатических изменений интерпретируются в доктрине как требование к суверенным государствам проявлять должную осмотрительность и принимать меры, в том числе разрабатывать национальные планы по выполнению ратифицированных соглашений (Парижское соглашение, РКИК ООН). Майер отмечает, что такие обязательства зачастую не в полной мере учитывают интересы будущих поколений и требуют расширительного толкования [14]. В целом общие обязательства менее конкретны по сравнению с обязательствами по РКИК ООН, и их эффективность зависит от уровня координации и политической воли государств.

Судебная практика демонстрирует ограниченность механизмов привлечения к ответственности за трансграничный ущерб, однако перспективы открываются благодаря делам, связанным с концепцией «исторических загрязнителей» [9, 14, 15]. Аналитики Тигре и Веверинке-Сингх указывают на методологические сложности и нехватку прецедентов в климатических спорах [9]. Примеры дел *Ллиуйя против RWE* и *Асмания против Holcim* свидетельствуют о растущей тенденции к использованию экстерриториальной юрисдикции для привлечения к ответственности за трансграничное загрязнение [6, 7]. Основными препятствиями остаются трудности с доказательством причинно-следственной связи и нехватка ресурсов для финансирования судебных процессов, что требует разработки устойчивых стандартов доказывания и специализированных механизмов поддержки [15].

Рост экстерриториального регулирования порождает необходимость согласования национальных правовых систем и предотвращения коллизий норм. Глобализация

усиливает роль транснациональных корпораций и частных лиц, что требует выработки эффективных механизмов ответственности за трансграничный ущерб. В исследованиях Захарова подчёркивается необходимость гармонизации норм и создания процедур привлечения к ответственности за ущерб, возникший за пределами юрисдикции государства-инициатора [\[4\]](#).

На примере России и стран ЕС можно наблюдать процесс адаптации национального законодательства к международным обязательствам: разработка климатических доктрин, принятие законов о регулировании выбросов, внедрение региональных программ и механизмов финансирования. Важной задачей остаётся создание единой координационной правовой базы, объединяющей «жёсткое» и «мягкое» право для эффективной реализации международных норм. Необходимо унифицировать обязательства по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним, разработать стандарты должной осмотрительности, механизмы мониторинга и чёткие критерии ответственности за невыполнение обязательств [\[4\]](#). Необходимо создать многоуровневые механизмы ответственности, включая международные судебные и альтернативные процедуры, учитывающие различия между развитыми и развивающимися странами. Ключевое значение имеют вопросы компенсации ущерба, прозрачности и доступа к правосудию, а также правовое оформление концепций «исторических загрязнителей» и трансграничного ущерба [\[11\]](#). Для реализации Парижского и Монреальского соглашений и связанных с ними инициатив необходимо укреплять и консолидировать механизмы финансовой поддержки, такие как Зеленый климатический фонд и программы технологического сотрудничества [\[1\]](#). Стратегии должны обеспечивать участие граждан и коренных народов в принятии решений, особенно в вопросах адаптации и компенсации. Интеграция местных и национальных правовых норм в глобальные договоры повысит легитимность и эффективность климатического регулирования. Сочетание формального регулирования и гибких механизмов может обеспечить адаптацию норм к меняющимся климатическим и экономическим условиям, что соответствует концепции международного климатического права как «права четвёртого поколения» [\[10\]](#).

Практика реализации климатической доктрины на национальном, региональном и международном уровнях демонстрирует как успехи, так и направления для совершенствования. В РФ климатическая доктрина определяет приоритеты по сокращению выбросов, развитию технологий и адаптации, однако требует дальнейшей консолидации и внедрения механизмов мониторинга и ответственности. ЕС и его государства-члены реализуют цели по сокращению выбросов через системы торговли квотами; Монреальский протокол вносит свой вклад в регулирование выбросов парниковых газов. Совместные меры ЕС подтверждают эффективность координации и финансирования [\[8\]](#). Германия и Франция демонстрируют успешные региональные модели климатической политики с участием местных властей. Во Франции активизировалось местное планирование и вовлечение граждан [\[2, 5\]](#).

Несмотря на заметный прогресс в области нормативного регулирования – развитие РКИК ООН, Киотского протокола, Парижского соглашения, создание международных финансовых инструментов и рекомендаций КС, – исследование подтверждает исходную проблему: разветвлённая система норм не всегда трансформируется в эффективную практику. Это проявляется в фрагментарности механизмов исполнения и ответственности, трудностях справедливого распределения бремени между развитыми и развивающимися государствами, несовершенной синхронизации международных и

национальных режимов, а также в ограниченной доступности процедур возмещения трансграничного климатического ущерба.

Сопоставление международных инструментов и национальной практики (на примере РФ и сопоставимых юрисдикций) показывает, что действующие международные нормы создают необходимую основу, однако их результативность определяется качеством имплементации, наличием согласованных механизмов координации «жёсткого» и «мягкого» права, устойчивыми процедурами мониторинга и прозрачными каналами финансирования [\[13\]](#). Иными словами, недостаточная результативность обусловлена не только содержанием международного права, но и институциональными, процессуальными и финансовыми барьерами на национальном и многоуровневом уровнях.

На основе полученных результатов предлагаются следующие приоритетные правовые и институциональные меры:

- 1 . Создание или централизация многоуровневых координационных институтов (национальных климатических советов/координаторов) для согласования целей ОНУВ, законодательства, мониторинга и распределения бюджетного финансирования. Введение обязательных планов по интеграции международных обязательств в нормативные акты регионального и муниципального уровней.
- 2 . Формализация лучших практик «мягкого права» (рекомендаций COP, методик учёта выбросов углерода, стандартов прозрачности) путём включения их ключевых элементов в национальное законодательство и подзаконные акты. Разработка моделей правовой трансляции, обеспечивающих оперативную адаптацию «мягких» норм к научным и технологическим изменениям.
- 3 . Принятие на международном и национальном уровнях методологических требований к оценке причинно-следственных связей и ответственности в климатических спорах (стандарты предсказуемости рисков, критерии «значимости вклада», методики распределения ответственности для «исторических загрязнителей»). Создание централизованных научно-правовых комиссий или реестров экспертных заключений для унификации подходов к доказыванию причинно-следственных связей.
- 4 . Расширение доступа к судебной защите и разработка специализированных процедур подачи исков и арбитражных механизмов для рассмотрения дел о климатическом ущербе, включая механизмы коллективных исков и финансирования судебных процессов (фонды правовой помощи, страховые механизмы, международные гранты).
- 5 . Разработка принципов координации юрисдикций и критериев допустимого экстерриториального регулирования, включая принцип пропорциональности и уважения суверенитета, а также правил взаимного признания и содействия в исполнении решений.
- 6 . Укрепление и повышение прозрачности международных финансовых механизмов (ЗКФ, ГЭФ и др.), создание гибридных инструментов (гранты, льготные кредиты) для адаптации и ликвидации последствий, а также поощрение технологического сотрудничества и обмена знаниями.
- 7 . Расширение участия местных сообществ, коренных народов и гражданского общества в планировании, мониторинге и реализации климатических мер; создание механизмов компенсации для уязвимых групп населения и учёт их интересов в определяемых на национальном уровне вкладах.

8. Продвижение проектов договорных решений о механизмах компенсации трансграничного ущерба (в рамках РКИК ООН или через специализированные межгосударственные соглашения), а также пилотных схем страхования и компенсации для пострадавших стран и регионов.

В практическом плане ключевыми шагами для России являются: закрепление в федеральном законодательстве методик, соответствующих международным стандартам (учёт выбросов углерода, системы мониторинга и отчётности), создание национального координационного органа с участием регионов и бизнеса, расширение доступа к международным финансовым инструментам и активизация двусторонних и многосторонних программ технологического сотрудничества.

Преодолеть разрыв между многообразием международных климатических норм и их практической результативностью можно только при условии комплексного, многоуровневого подхода, сочетающего институциональную реформу, правовую гармонизацию, стандартизацию доказательной базы и расширение финансовой и технологической поддержки. Только такой интегрированный подход, объединяющий «жёсткое» и «мягкое» право, прозрачные механизмы исполнения и справедливые принципы распределения бремени, способен обеспечить реальную эффективность международного климатического правопорядка.

Библиография

1. Вирт А. Дэвид. Глобальное управление в сфере изменения климата: Парижское соглашение: новый компонент климатического режима ООН. URL: <https://iorj.hse.ru/data/2018/01/15/1160388967/Д.А.%20Вирт.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).
2. Гарафова Д. И. Особенности национально-правовой имплементации международных климатических соглашений: сравнительно-правовой анализ российского и японского законодательств // ВЭПС. 2017. № 4. URL: <http://www.vestnykeps.ru/0417/33.pdf> (дата обращения: 09.10.2025). EDN: YKHPZM.
3. Запутин Д. Г. Экологическое право в условиях изменения климата: вызовы и перспективы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9-2 (96). URL: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2024/10/Zaprutin.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).
4. Захаров Т. В. Международно-правовые проблемы изменения климата // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2024. № 1. URL: <https://inion-journalaw.ru/article.php-id=35> (дата обращения: 10.10.2025). DOI: 10.31249/iajpravo/2024.01.08. EDN: SGUKMR.
5. Никонов Р. В. Принципы в законодательствах России, Германии и Франции в сфере предупреждения изменения климата // Аграрное и земельное право. 2019. № 12 (180). URL: https://abis.lib.tomsk.ru/pwb/detail-db=DB_MARS20&id=36877%5Cru%5Ctspusrl%5Cmars20%5C (дата обращения: 10.10.2025).
6. Решение суда по делу Asmania v. Holcim Ltd. URL: <https://www.climateinthecourts.com/indonesian-islanders-take-their-fight-for-climate-justice-to-swiss-court/> (дата обращения: 11.10.2025).
7. Решение суда по делу Lliuya v. RWE AG. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Lliuya_v_RWE_AG (дата обращения: 11.10.2025).
8. Самончик О. А. Международное сотрудничество российской федерации в области изменения климата и его воздействия на сельское хозяйство // Право и государство:

- теория и практика. 2021. № 8 (200). URL: [//rusneb.ru/catalog/000199_000009_010914062/](https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010914062/) (дата обращения: 10.10.2025).
9. Тигре Ф., Веверинке-Сингх Д. Судебные дела о трансграничном воздействии промышленных загрязнений: новые тенденции и трудности. URL: <https://www.npr.org/2024/12/02/nx-s1-5213193/climate-change-un-rising-seas> (дата обращения: 10.10.2025).
10. Умнова-Конюхова И. А. Климатическое право как ответ на глобальное изменение климата и его последствия: современные подходы к формированию и перспективы развития // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2024. № 1. URL: <https://inion-journalaw.ru/files/-Конюхова%20И.А..pdf> (дата обращения: 13.10.2025). DOI: 10.31249/iajpravo/2024.01.01. EDN: ILYCHNB.
11. Хахина А. А. Международно-правовые механизмы ответственности за неблагоприятные последствия изменения климата, приводящие к затоплению государственной территории / А. А. Хахина // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 409-416. EDN: XGSQKB.
12. Хижняк В. С. Принципы конституционно-правовой политики Российской Федерации в области охраны окружающей среды в условиях глобализации // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 44-50. DOI: 10.24412/1608-8794-2021-3-44-50. EDN: AYMPHZ.
13. Яковлев И. А., Кабир Л. С., Никулина С. И. Климатическая политика Российской Федерации: международное сотрудничество и национальный подход // Финансовый журнал. 2020. № 4. URL: <https://rucont.ru/efd/576753> (дата обращения: 10.10.2025). DOI: 10.31107/2075-1990-2020-4-26-36. EDN: OIZDEG.
14. Mayer B. International Law Obligations on Climate Change Mitigation. Oxford, 2023. P. VII-VIII.
15. Tigre M., Wewerinke-Singh M. Beyond the North-South Divide: Litigation's Role in Resolving Climate Change Loss and Damage Claims. Columbia Law School, Sabin Center for Climate Change Law Scholarship Archive, 2023. 14 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются международно-правовые основы регулирования изменения климата и пути повышения эффективности международного сотрудничества в данной сфере.

Методология исследования раскрыта достаточно подробно: автор использует комплексный междисциплинарный подход, сочетающий сравнительно-правовой метод, системно-правовой, доктринальный (нормативно-теоретический) и институциональный анализ, функционально-правовой подход.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению. По-прежнему остаются нерешёнными ключевые вопросы, касающиеся интеграции национальных правовых режимов в глобальный климатический правопорядок и повышения эффективности межгосударственного взаимодействия в целях совместного реагирования на угрозы, связанные с глобальным потеплением. Существует несоответствие между разветвлённой системой международно-правовых норм в области

изменения климата и их ограниченной практической результативностью. Оно проявляется в фрагментарности механизмов исполнения и ответственности, трудностях справедливого распределения нагрузки между развитыми и развивающимися странами, недостаточной согласованности международных и национальных правовых режимов, а также в ограниченной доступности эффективных процедур возмещения трансграничного климатического ущерба.

Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы заключается в том, что автором предложен оригинальный комплекс приоритетных правовых и институциональных мер, позволяющих повысить результативность действующих международно-правовых норм, регулирующих изменения климата, а также обозначены ключевые шаги в исследуемой сфере для России. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его цель, задачи и методологию. В основной части работы автор осуществляет комплексную оценку международно-правовых механизмов регулирования изменения климата, выявляет соответствующие проблемы и предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы и предложения по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию.

Библиография исследования представлена 15 источниками (монографией, научными статьями и эмпирическими материалами). С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам носит общий характер. В полемику с конкретными учеными автор не вступает. Таким образом, апелляцию к оппонентам нельзя признать достаточной.

Выводы по результатам проведенного исследования четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества. Автором предложен оригинальный комплекс приоритетных правовых и институциональных мер, позволяющих повысить результативность действующих международно-правовых норм, регулирующих изменения климата. Особо отмечена необходимость закрепления в российском федеральном законодательстве методик, соответствующих международным стандартам (учёт выбросов углерода, системы мониторинга и отчетности), создания национального координационного органа с участием регионов и бизнеса, расширения доступа к международным финансовым инструментам и активизации двусторонних и многосторонних программ технологического сотрудничества. Заслуживает внимания предложение ученого применять комплексный, многоуровневый подход, сочетающий институциональную реформу, правовую гармонизацию, стандартизацию доказательной базы и расширение финансовой и технологической поддержки, способный обеспечить реальную эффективность международного климатического правопорядка.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен, прежде всего, в сфере международного права, международного экологического права, международного климатического права со стороны ученых, практикующих специалистов, обучающихся. Однако работа нуждается в доработке — автору необходимо скорректировать вводную часть статьи, а также ввести дополнительные элементы научной полемики.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются международно-правовые основы регулирования изменения климата и пути повышения эффективности международного сотрудничества в данной сфере.

Методология исследования раскрыта достаточно подробно: автор использует комплексный междисциплинарный подход, сочетающий сравнительно-правовой метод, системно-правовой, доктринальный (нормативно-теоретический) и институциональный анализ, а также функционально-правовой подход.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению. По-прежнему остаются нерешёнными ключевые вопросы, касающиеся интеграции национальных правовых режимов в глобальный климатический правопорядок и повышения эффективности межгосударственного взаимодействия в целях совместного реагирования на угрозы, связанные с глобальным потеплением. Существует несоответствие между разветвлённой системой международно-правовых норм в области изменения климата и их ограниченной практической результативностью. Оно проявляется в фрагментарности механизмов исполнения и ответственности, трудностях справедливого распределения нагрузки между развитыми и развивающимися странами, недостаточной согласованности международных и национальных правовых режимов, а также в ограниченной доступности эффективных процедур возмещения трансграничного климатического ущерба. Ученым раскрыта степень изученности рассматриваемых в статье проблем (сделан краткий обзор научных трудов ведущих специалистов, внесших существенный вклад в разработку международно-правовых аспектов изменения климата и институциональных основ климатического и экологического права: А. Д. Вирта, Д. Г. Запрутина, Р. В. Никонова и др.).

Научная новизна работы заключается в том, что автором предложен оригинальный комплекс приоритетных правовых и институциональных мер, позволяющих повысить результативность действующих международно-правовых норм, регулирующих изменения климата, а также обозначены ключевые шаги в исследуемой сфере для России. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его цель, задачи и методологию. В основной части работы автор осуществляет комплексную оценку международно-правовых механизмов регулирования изменения климата, выявляет соответствующие проблемы и предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы и предложения по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 15 источниками (монографией, научными статьями и эмпирическими материалами). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой,

глубиной и ясностью.

Апелляция к оппонентам носит как общий, так и частный характер (Д. И. Гарафова, И. А. Умнова-Конюхова и др.). Научная полемика ведется корректно, положения работы аргументированы должным образом.

Выводы по результатам проведенного исследования четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества. Автором предложен оригинальный комплекс приоритетных правовых и институциональных мер, позволяющих повысить результативность действующих международно-правовых норм, регулирующих изменения климата. Особо отмечена необходимость закрепления в российском федеральном законодательстве методик, соответствующих международным стандартам (учёт выбросов углерода, системы мониторинга и отчётности), создания национального координационного органа с участием регионов и бизнеса, расширения доступа к международным финансовым инструментам и активизации двусторонних и многосторонних программ технологического сотрудничества. Заслуживает внимания предложение ученого применять к решению исследуемых климатических проблем комплексный, многоуровневый подход, сочетающий институциональную реформу, правовую гармонизацию, стандартизацию доказательной базы и расширение финансовой и технологической поддержки. Именно он позволит обеспечить реальную эффективность международного климатического правопорядка.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен, прежде всего, в сфере международного права, международного экологического права, международного климатического права со стороны ученых, практикующих специалистов, обучающихся.

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Николаев А.А. Применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ // Юридические исследования. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76834 EDN: KAIEEO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76834

Применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ

Николаев Андрей Алексеевич

аспирант; кафедра юриспруденции; Московский Финансово-промышленный университет Синергия

125315, Россия, Москва, г. Москва, Ленинградский проспект, 80е

✉ and.nikolaev26rus@gmail.com

[Статья из рубрики "Юридический практикум"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.11.76834

EDN:

KAIEEO

Дата направления статьи в редакцию:

18-11-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу правового статуса операторов цифровых платформ с позиций института информационного посредничества. Особое внимание уделяется оценке соответствия статуса информационного посредника, закрепленного в ст. 1253.1 ГК РФ, к операторам цифровых платформ, учитывая их многоаспектность и специфику деятельности. Изучаются признаки информационного посредника, регулируемые российским законодательством, в сравнении с зарубежными моделями – американской и европейской. Анализируются особенности применения статуса к операторам маркетплейсов, а также обсуждаются вопросы признания инвестиционных платформ информационными посредниками. Объектом исследования являются общественные правоотношения, возникающие в процессе функционирования цифровых платформ и взаимодействия их пользователей. Предметом исследования является правовое регулирование статуса операторов цифровых платформ с точки зрения института информационного посредничества. В работе использован комплексный правовой анализ – сравнительное изучение отечественного и зарубежного регулирования, а также интерпретация норм российского законодательства в свете

практики Верховного Суда РФ и Арбитражных судов. При этом акцент сделан на выявлении признаков и критериев информационного посредника применительно к операторам цифровых платформ. Новизна исследования заключается в комплексном анализе понятия информационного посредника в контексте динамично развивающейся платформенной экономики России. В работе систематизированы механизмы реализации института информационного посредника применительно к операторам цифровых платформ с учётом последних законодательных изменений, в том числе ФЗ № 289-ФЗ о платформенной экономике. Исследование выявляет и критически оценивает существующие противоречия и пробелы при квалификации цифровых платформ как информационных посредников, особенно в отношении маркетплейсов и инвестиционных платформ, что актуально для дальнейшего развития теории и правоприменения в данной сфере. Статус информационного посредника является важным правовым институтом, обеспечивающим защиту интересов участников гражданских правоотношений в цифровой среде. Однако не все операторы цифровых платформ могут автоматически претендовать на этот статус. Эффективное применение института зависит от соблюдения признаков технической пассивности, нейтральности и оперативного реагирования на нарушения. Применение статуса к инвестиционным и специализированным платформам требует дальнейших исследований и практического осмысления. Комплексное изучение законодательной базы и судебной практики способствует сбалансированному регулированию и снижению рисков, способствуя развитию цифровой экономики.

Ключевые слова:

информационный посредник, цифровая платформа, оператор цифровой платформы, платформенная экономика, защита интеллектуальных прав, электронная коммерция, инвестиционная платформа, посредничество, ответственность посредника, пределы ответственности

Введение

За последнее десятилетие платформенная форма организации экономических отношений охватила самые разные отрасли предпринимательской деятельности. В исследовании 2023 года специалисты ВШЭ отмечали использование данного типа в торговле, организации рынка труда, предоставлении финансовых услуг и содействии инвестиционной деятельности, а также в сфере развлечений [\[1\]](#). В другом исследовании 2025 года анализ направлений использования цифровых платформ пользователями показал, что 78% пользователей используют цифровые платформы для общения, 63% — для заказа товаров, а чуть меньше половины — для доступа к развлекательному контенту [\[18\]](#). Масштаб использования цифровых платформ свидетельствует о том, что их операторы должны обладать четко установленным правовым статусом, позволяющим адекватно урегулировать их права, обязанности и ответственность в системе гражданских правоотношений. Расширение сфер применения цифровых платформ приводит к росту числа споров, связанных с нарушением прав третьих лиц при использовании таких платформ. В этих условиях выбор корректной правовой квалификации операторов цифровых платформ (как информационных посредников либо как лиц, самостоятельно использующих объекты интеллектуальной собственности) приобретает ключевое значение для распределения ответственности и обеспечения баланса интересов правообладателей, пользователей и самих операторов. Настоящая статья направлена на выявление границ применимости статуса информационного

посредника к операторам цифровых платформ и оценку последствий неверной квалификации.

В научной доктрине и практической деятельности операторы (владельцы) цифровых платформ часто приравниваются к информационным посредникам. Однако, как справедливо указывает Л. В. Андреева, это употребление термина «посредник» не совпадает с традиционным гражданско-правовым понятием, закрепленным в Гражданском кодексе РФ в разделах, регулирующих договоры поручения, комиссии и агентирования [\[7, с. 153\]](#). Информационный же посредник выполняет техническую, пассивную функцию и не создаёт обязательств от своего имени. Такое смешение категорий приводит к затруднениям в правоприменении и предопределяет основную проблему, рассматриваемую в настоящей работе.

Целью данной статьи является определение границ применимости статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ и выявление последствий неправильной квалификации для распределения ответственности между платформой, пользователями и правообладателями. Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие между оператором цифровой платформы, её пользователями и третьими лицами (правообладателями), при использовании материалов, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Предметом исследования является правовое регулирование статуса операторов цифровых платформ через призму института информационного посредничества.

Признаки информационного посредника

Категория информационного посредника была закреплена в российском законодательстве с принятием Федерального закона от 2 июля 2013 года № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях». Целью указанного закона являлось создание механизма защиты исключительных прав, адекватного специфике деятельности, предоставляющих услуги по передаче, размещению и доступу к информации в сети Интернет, обладающих технической возможностью, но зачастую не располагающих экономическими и организационными ресурсами для тотальной системы контроля за материалами. Д. В. Лоренц, анализируя существующие модели ответственности информационных посредников отмечает, что российский законодатель основывался в основном на американской модели, закреплённой в разделе 512 закона США об авторском праве в цифровую эпоху 1998 г. (Digital Millennium Copyright Act, DMCA) [\[13, с. 6\]](#), хотя ранее в судебной практике складывался механизм, свойственный европейскому регулированию.

Европейская модель регулирования, закреплённая в Директиве 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции» (далее - «Директива») и расширенная в Регламенте (ЕС) 2022/2065 Европейского парламента и Совета от 19 октября 2022 года о едином рынке цифровых услуг и внесении изменений в Директиву 2000/31/ЕС (Закон о цифровых услугах), а также в Директиве Европейского парламента и Совета Европейского союза 2019/790 от 17 апреля 2019 г. «Об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке и о внесении изменений в Директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС» во многом является схожей с американской концепцией «безопасной гавани» (safe harbour) и строится на положениях о вторичной ответственности (secondary liability), которая позволяет установить границы возможного предъявления санкций к провайдерам за нарушения интернет-

пользователей или иных лиц [\[16\]](#). Однако она имеет несколько существенных отличий. Европейский подход ориентирован на непосредственное закрепление определенных юридических требований, в случае невыполнения которых возникает основание для применения мер ответственности. Кроме того, статус информационного посредника в ЕС применяется не только к отношениям, связанным с оборот объектов интеллектуальной собственности, но и к отношениям, связанным с распространением запрещенной информации.

В ст. 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – «ГК РФ») не сформулировано определение категории информационный посредник. Вместо этого идет перечисление видов данной категории и условий, при которых такой субъект освобождается от ответственности, что соответствует американскому и европейскому подходам, описанным ранее в статье. Согласно ст. 1253.1 ГК РФ, статус информационного посредника может быть применён к следующим категориям субъектов:

1. лица, осуществляющие передачу материала в интернете;
2. лица, предоставляющие возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием интернета;
3. лица, предоставляющие возможность доступа к материалу или информации в интернете.

При этом различные субъекты при анализе их деятельности могут сочетать в себе элементы сразу нескольких видов информационных посредников. Например, видеохостинги, такие как Youtube или Rutube предоставляют пользователям возможность и для размещения материала, и предоставляют доступ к такому материалу неограниченному кругу лиц. На практике как отмечает Н. В. Иванов суды при рассмотрении дел по искам правообладателей к информационным посредникам зачастую не устанавливают, к какому виду относится посредник, к которому предъявлен иск, а условия ответственности для разных категорий смешиваются и применяются в целом [\[3\]](#). Учитывая, что некоторые условия, предусмотренные для различных видов информационных посредников могут быть по сути одинаковыми по своему содержанию (например, что лицо не знало и не должно было знать о неправомерности использования соответствующих результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации), а также учитывая тот факт, что различные субъекты могут объединять в себе несколько видов информационных посредников, то данный подход судов выглядит обоснованным.

Д. В. Лоренц на основе положений ст. 1253.1 ГК РФ и сложившейся судебной практики, в частности Постановления Пленума Верховного Суд РФ от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – «ПП ВС №10»), выделяет следующие признаки информационного посредника [\[13, с. 23\]](#):

- технический характер услуги провайдера (обеспечивают гражданский оборот в сети, т.е. создают условия для передачи, хранения и доступа к материалу и информации);
- нейтральность и пассивность услуги по отношению к контенту (не используют и не изменяют материал и информацию). О непосредственном использовании могут свидетельствовать условия использования услуг сайта, согласно которым владелец сайта получает права на передачу, хранение материала, его копирование, изменение, распространение, исполнение, демонстрацию, переформатирование, извлечение

выдержек и т.д. Границы данного признака были расширены в п. 78 ПП ВС №10, а именно указанием суда на необходимость учета активной роли лица при формировании размещаемого материала и существенности его переработки;

- возможность активно принимать меры для устранения нарушений в сети (имеют технологическую способность препятствовать правонарушениям со стороны третьих лиц или пресекать их посредством удаления нелегального контента и (или) прекращения доступа к нему либо к сети).

На основе данных признаков можно сформулировать следующее определение информационного посредника — это лицо, осуществляющее пассивную деятельность технического характера, которая обеспечивает оборот материалов в информационно-телекоммуникационных сетях путем их передачи, размещения или предоставления доступа, без изменения содержания таких материалов, а также обладающее технической возможностью принимать меры по пресечению правонарушений, связанных с осуществлением такой деятельности путем удаления материалов или прекращения доступа к ним.

При этом критические замечания получил выведенный в судебной практике признак информационного посредника, а именно отсутствие финансовой выгоды от осуществления деятельности, связанной с объектом нарушения [\[17\]](#). В частности указывали на беспредметность данного признака, так как интернет-ресурс может получать вознаграждение за разные действия, следовательно представляет сложность отграничение дохода лица от деятельности, связанной с использованием объекта нарушения, от деятельности не связанной с его использованием.

Данный признак подробно отражен в п. 18-19 Обзора судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденный Президиумом Верховного суда РФ от 29 мая 2024 года (далее - «**Обзор**»). В Обзоре прямо указано, что информационным посредником не являются лица, которые не только предоставляют возможность размещения третьим лицам информации об экземплярах и носителях охраняемых произведений, но и самостоятельно совершающие сделки по их продаже, либо получающие доход от их рекламы и (или) непосредственно от неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности.

Представляется, что отдельно выделять наличие финансовой выгоды в качестве самостоятельного признака информационного посредника является излишним. Более логичным будет учет данного критерия для установления признака нейтральности и пассивности при квалификации деятельности лица, как информационного посредника.

Условие о возможности лица своими действиями активно принимать меры по устранению нарушения также находится в процессе осмысления тех пределов и мер, которые являются достаточными для признания таких мер своевременными и достаточными. Вопросы обычно связаны с тем насколько активную роль должен играть информационный посредник для устранения нарушения интеллектуальных прав правообладателей. С данным признаком достаточно близко связано то, что информационный посредник несет ответственность за нарушение только при наличии вины. Это является исключением для субъектов осуществляющих предпринимательскую деятельность, которые по общему правилу п. 3 ст. 1250 ГК РФ несут ответственность независимо от вины нарушителя.

В п. 2 ПП ВС №10 указано, что к отношениям, связанным с возникновением, переходом

и предоставлением, прекращением, осуществлением, защитой прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, подлежат применению положения частей первой, второй, третьей ГК РФ, если иное прямо не предусмотрено частью четвертой ГК РФ и если их применение не противоречит существу отношений, урегулированных данной частью ГК РФ. Следовательно, при рассмотрении вопросов, связанных с применением норм об информационных посредниках могут применяться положениями других частей ГК РФ, при условии, что часть четвертая прямо не исключает применение данных норм и отсутствует противоречие с сущностью отношений, вытекающих из института информационного посредничества.

Не подвергается сомнению, что внедоговорное использование объекта интеллектуальных прав, например, размещение пользователем на своей странице в социальной сети пиратской копии кинофильма, является деликтом. Следовательно, к данным отношениям будут применяться нормы ГК РФ о деликтных обязательствах. В силу п.2 ст. 307.1 ГК РФ к обязательствам вследствие причинения вреда применяются общие положения об обязательствах, если иное не предусмотрено соответственно правилами главы 59 ГК РФ или не вытекает из существа соответствующих отношений. Таким образом, при определении вины правонарушителя возможно и нужно руководствоваться положениями ст. 401 ГК РФ. Из данной статьи можно вывести легальное определение вины, а именно не проявление лицом при исполнении обязательства той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и по условиям оборота [\[5, С. 1261\]](#).

Ответ на вопрос о наличии возможности у информационного посредника принимать меры для предотвращения нарушения исключительных прав, а также каким образом данный механизм реализуется по своей сути имеет общие черты с доказыванием лицом, нарушившим обязательство проявления должной заботливости и осмотрительности при решении вопроса о наличии в его действиях вины. Следовательно, действия лица, которое не знало или не должно было знать о нарушении исключительного права, а также своевременно принявшее все необходимые меры для прекращения нарушения можно считать проявившим должную заботливость и осмотрительность, а следовательно невиновным в совершенном нарушении.

Однако, как в случае вины за нарушение обязательства, так и в при определении статуса информационного посредника в судебной практике продолжает формироваться свой стандарт добросовестности при осуществлении деятельности. Например, в Постановлении суда по интеллектуальным правам от 06.10.2021 года по делу № А60-45399/2020 суд поддержал позицию нижестоящих судов, отказывая в признании сервиса по продаже билетов на концерты в качестве информационного посредника, поскольку лицо являясь профессиональным участником гражданского оборота должен был осуществить проверку загружаемых им изображений и информации на предмет соблюдения исключительных прав. Указанный кейс при этом вступает в противоречие с судебной практикой в отношении маркетплейсов (например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.04.2022 по делу № А41-73925/2020), где проводилась однозначная позиция, что за информационным посредником не закреплена обязанность по предварительной проверке (модерированию) размещаемой информации.

Таким образом, стандарт заботливости информационного посредника и содержание условий его освобождения от ответственности еще находятся в стадии формирования, а судебная практика демонстрирует разнонаправленные подходы к объему ожидаемых от

него превентивных действий. В этих условиях представляется необходимым дифференцировано подходить к оценке поведения лица, учитывая характер его участия в обороте и степень профессионализма, например, устанавливая более строгие стандарты для профессиональных участников оборота.

Понятие и признаки цифровой платформы

Понятие «цифровая платформа» является многоаспектным и формируется на стыке технических, экономических, социологических и юридических наук, что обуславливает множественность подходов к его определению. В литературе под цифровой платформой, в частности, понимается: [\[2, с. 5-6\]](#).

1. Информационная система, предназначенная для обеспечения коммуникацию и обмен данными между заинтересованными лицами в различных сферах общественных отношений;
2. Аппаратная (операционная) среда, представленная совокупностью программного обеспечения и совместимых с ней устройств, предназначенные для обработки, хранения и передачи информации;
3. Инструмент, позволяющий пользователям находить друг друга для обмена различными благами;
4. Форма организации рыночных, управленческих и иных отношений, основанная на взаимодействии участников в цифровой среде.

В юридической доктрине на основе этих подходов формируются специальные правовые дефиниции цифровых платформ. А. Н. Варламова, анализируя их с точки зрения конкурентного права, выделяет четыре подхода к пониманию цифровых платформ [\[9\]](#):

1. Цифровая платформа, как информационный продукт. Такое определение встречается в работе А. В. Алтухова и С. Ю. Кашкина [\[6\]](#);
2. Цифровая платформа, как бизнес-модель, основанная на организации многостороннего рынка и монетизации взаимодействий между его участниками. Такой подход приводится в работе С. Ю. Филипповой и Ю. С. Харитоновой [\[15\]](#);
3. Цифровая платформа, как технологический комплекс. Данный подход отражен в работах А. А. Карцхии [\[11\]](#), О. В. Жевняк [\[10\]](#);
4. Цифровая платформа, как инфраструктура для организации взаимодействия участников рынка. Последний подход представляется наиболее комплексным, поскольку он описывает не только технологическую природу платформы, но и роли её участников, включая операторов, пользователей и контрагентов.

В отечественном законодательстве понятие «цифровая платформа» закреплено фрагментарно и развивается поэтапно. На уровне федерального закона понятие «цифровая платформа» впервые появилось в Федеральном законе от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» для целей регулирования, связанного с предупреждением и пресечением злоупотребления доминирующим положением, где под цифровой платформой законодатель предложил считать программу (совокупность программ) для ЭВМ в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», обеспечивающей совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров. Подход,

использованный в данном определении является узким, поскольку делает акцент на возможности заключение сделок между субъектами.

Федеральный закон от 31.07.2025 №289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (далее - **«Закон о платформенной экономике»**) определяет правовые основы платформенной экономики в Российской Федерации. Согласно п. 2 ст. 2 под цифровой платформой, под понимается информационная система, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. Проводя сравнение с доктринальными определениями нельзя не отметить, что законодателем были восприняты наиболее очевидные формальные черты, выработанные в науке, в частности: наличие технологической основы и ее функциональная роль в организации взаимодействия субъектов платформенных отношений. В этом определении, напротив, был использован широкий подход, который не ограничивает функционал цифровой платформы исключительно совершением на ней сделок.

Кроме того, в законе выделены конкретные виды цифровых платформ, например, «посредническая цифровая платформа», а также виды платформ, на которые не распространяется действие данного закона. Например, на инвестиционные платформы, аудиовизуальные сервисы, платформы электронных закупок, поскольку для них уже существует специальное правовое регулирование. Также в ч. 3 ст. 1 из под действия закона были исключены отношения, связанные с предоставлением лицензий на использование программ для ЭВМ и базы данных. Такое исключение может быть связано со спецификой деятельности по обороту прав на данные объекты гражданского оборота. Тем не менее, выделение данных исключений позволяет прийти к выводу, что законодатель потенциально рассматривает все вышеперечисленные категории, как виды цифровых платформ с чем в целом можно согласиться, так как они содержат элементы, которые присущи всем цифровым платформам.

С учётом анализа доктринальных и нормативных подходов представляется возможным выделить следующие сущностные признаки цифровой платформы:

- наличие устойчивой технологической инфраструктуры (информационной системы, программного обеспечения, технических средств), обеспечивающей функционирование платформы в цифровой среде;
- обеспечение организованного взаимодействия потенциально неограниченного круга пользователей (физических и юридических лиц), включая обмен информацией, заключение и исполнение сделок, совершение юридически значимых действий;
- многосторонний характер платформенных отношений, предполагающий участие не менее двух групп пользователей (например, поставщиков и потребителей контента, товаров или услуг) и наличие оператора, координирующего это взаимодействие;
- опосредованный характер участия оператора, который, как правило, не является контрагентом по каждой отдельной сделке, но формирует правила функционирования платформы, отвечает за её техническую доступность и соблюдение установленных требований.

Характеристика оператора цифровой платформы как информационного

посредника

В юридической науке и практике признается, что цифровая платформа как совокупность программ для ЭВМ и инфраструктуры является объектом правоотношений, тогда как субъектом выступает владелец и (или) оператор платформы, обладающий правами и обязанностями в отношении организации взаимодействия пользователей. Такая дифференциация особо важна для квалификации информационного посредника, поскольку статус информационного посредника относится к субъекту правоотношений, а не к технологической платформе как таковой. В рамках настоящей статьи под цифровой платформой понимается именно лицо, которое вправе обеспечивать организацию взаимодействия её пользователей, определять цели и правила использования платформы. Таким лицом является владелец цифровой платформы и (или) её оператор.

Это различие имеет принципиальное значение для квалификации оператора в качестве информационного посредника. Нередко происходит отождествление деятельности оператора с самой платформой, полагая, что если платформа техническая по природе, то ее оператор автоматически квалифицируется как информационный посредник. Однако такой подход является ошибочным, поскольку оператор может выполнять функции, выходящие за пределы информационного посредничества (например, от своего лица совершать сделки на цифровой платформе), чем исключается применение к нему соответствующего режима ответственности.

Поскольку главной функцией цифровых платформ является создание среды для взаимодействия между двумя и более участниками платформы для достижения каждой из них своих целей, то в сознании часто происходит смешение «посредничества» и статуса «информационного посредника». Такое смешение объяснимо, во-первых, отсутствием легального понятия «посредничества» как деятельности, во-вторых, внешним сходством, а иногда полным тождеством деятельности цифровых платформ с информационным посредничеством.

Л. В. Андреева отмечает, что исторически термин «посредник» в науке понимался достаточно однозначно и основывался на правилах ГК РФ о посреднических договорах [\[8, с. 3-4\]](#). Данные договорные конструкции преимущественно используются для организации торгового оборота, поэтому зачастую, говоря о посредничестве имеется ввиду торговое посредничество. С.В. Николюкин определяет его как: «...Правовой институт, регулирующий отношения в сфере оказания торговых услуг, направленный на содействие в установлении правовых связей между клиентами путем совершения посредником правомерных действий юридического и фактического характера [\[4\]](#).»

Использование термина «посредник» применительно к положениям ст. 1253.1 ГК РФ скорее всего является переложением европейской терминологии раздела 4 «Ответственность посредников» (Liability of intermediary service providers) Директивы. Внешнее сходство, тем не менее, оснований утверждать о тождестве данных категорий, поскольку информационный посредник — это статус, ограничивающий ответственность лица за нарушение интеллектуальных прав и не характеризует саму деятельность посредника, направленную на установление правовых связей между сторонами посреднического договора (поручения, комиссии, агентского). Поддерживая вывод Л. В. Андреевой о различной правовой природе коммерческого и информационного посредничества, следует дополнительно отметить, что смешение этих категорий в отношении цифровых платформ ведет к подмене договорной конструкции (поручение, комиссия, агентирование) специальным деликтным режимом ответственности, что не всегда отвечает экономической сущности отношений между платформой и ее

участниками.

Следовательно, характеризуя правовое положение того или иного вида цифровой платформы не презюмируется наличие у нее статуса информационного посредника и следует обращать внимания на признаки, сформулированные в ст. 1253.1 ГК РФ и раскрытые в решениях судов. Наиболее обширная практика за последние годы была сформирована в отношении маркетплейсов, которые являются очевидным примером посреднической цифровой платформы.

Таким образом, необходимо чётко разграничивать посредничество в смысле гл. 49, 51, 52 ГК РФ, предполагающее представительство и активное участие в заключении сделок и информационное посредничество, как специальный статус лица, освобождающий от ответственности за нарушение интеллектуальных прав и применяемый к лицам, предоставляющим пассивные технические услуги. Подмена этих категорий создаёт угрозу неправильного применения норм об ответственности и нарушает баланс интересов платформы, пользователей и правообладателей.

В своей деятельности данные субъекты стараются максимально использовать статус информационного посредника с целью дистанцироваться от претензий со стороны правообладателей, что отражается в текстах соглашений таких платформ. Например, владелец платформы Ozon Travel в п. 9.4 - 9.5 «Условий Предоставления права использования Платформы в целях бронирования авиабилетов для физических лиц» устанавливает ограничение ответственности группы компаний Ozon за загрузку материалов пользователями на данной платформе, а также гарантию, что такие пользователи обладают всеми правами и разрешениями для публикации таких материалов [\[19\]](#).

Некоторые суды учитывают подобные положения в соглашениях между платформой и пользователем-предпринимателем при принятии решения об освобождении от ответственности лица от ответственности по ст. 1253.1 ГК РФ. Например, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.11.2021 № 09АП-62570/2021 по делу № А40-26921/202 суд указал, что так продавцы товара гарантируют платформе, отсутствие прав третьих лиц на товар, размещая заказ на ресурсах платформы. Тем не менее, стоит отметить, что такое положение не может однозначно свидетельствовать о соблюдении лицом условий для освобождения от ответственности, как информационного посредника. На это прямо указано в п. 19 Обзора, что само по себе установление в пользовательском соглашении владельцем сайта положений, обязывающих пользователей соблюдать авторские и смежные права при размещении материала на сайте, как единственного и достаточного критерия для признания ответчика информационным посредником и, соответственно, для освобождения от ответственности за допущенное нарушение, является недостаточным.

В Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.05.2023 № 09АП-22365/2023 по делу № А40-194338/2022 суд указал на учет им следующих признаков:

- не являлось лицом, вводящим спорную продукцию в гражданский оборот;
- оказывало продавцу товара услуги площадки - маркетплейса, является информационным посредником;
- не знало и не должно было знать, что товары продавцов могут нарушать права третьих лиц;

- приняло необходимые и достаточные меры по устранению нарушения после получения информации о ссылке на товар.

Следует критически отнестись ко второму аргументу суда, поскольку по своей сути он отождествил деятельность маркетплейса с деятельностью информационного посредника, что как было отмечено в данной статье и в работах других исследователей является ошибкой [\[12\]](#). Но не смотря на этот недочет данные обстоятельства согласуются с признаками информационного посредника.

Другим интересным вопросом является применение статуса информационного посредника к инвестиционным платформам. Согласно, п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 02.08.2019 № 263-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» под инвестиционной платформой понимается информационная система в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет, используемая для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоров инвестирования, доступ к которой предоставляется оператором инвестиционной платформы. Данное определение соответствует доктринальным признакам цифровой платформы, которые были отмечены ранее. Какой-либо заметной судебной практики в части признания операторов цифровых платформ информационными посредниками не сложилось, поэтому дальнейшие размышления возможно только на теоретическом уровне.

Однозначную позицию по данному вопросу высказывает С. П. Саяпин, который указывает на отсутствие нейтральности в статусе оператора инвестиционной платформы по отношению к информации, а также на способность влиять на ее содержание [\[14\]](#). Однако стоит относиться к позиции автора критически в части способности оператора влиять на содержание предоставляемой ему информации, как однозначный критерий для ее непризнания в качестве информационного посредника. Например, в Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 22 ноября 2022 г. по делу № А41-88214/2021 указано, что наличие возможности для проверки или мониторинга материалов третьих лиц не имеет правового значения, поскольку действующее законодательство не предусматривает возможность возложения на информационного посредника такой обязанности.

Соглашаясь с С. П. Саяпиным в части необходимости учитывать степень влияния оператора инвестиционной платформы на содержание информации, представляется преждевременным использовать этот критерий как универсальный барьер для признания такого оператора информационным посредником. В условиях отсутствия сложившейся судебной практики более оправданным видится дифференцированный подход, основанный на совокупности признаков, закрепленных в ст. 1253.1 ГК РФ, а не на одном лишь критерии нейтральности.

Заключение

Анализ судебной практики и законодательных положений позволяет сделать следующие ключевые выводы:

1. Существует тенденция к смешению понятий «посредничество» и «информационное посредничество». Особенно ярко это проявляется при анализе деятельности маркетплейсов. Данная позиция логически ошибочна, оператор может одновременно выполнять функции посредника и предоставлять техническую инфраструктуру, что

исключает его квалификацию в качестве информационного посредника в отношении контента третьих лиц. Квалификация должна проводиться функционально, в зависимости от конкретного вида деятельности оператора и характера его участия в обороте.

2. Судебная практика местами противоречива в части осуществления предварительного контроля (модерации) контента и проявления достаточных мер для устранения нарушения. Представляется обоснованным установление дифференцированных стандартов добросовестности в зависимости от: (а) профессионализма оператора, (б) уровня его участия в отборе материалов, (в) технологических возможностей платформы. Для профессиональных участников оборота стандарт должен быть выше.

3. Корректная квалификация оператора цифровой платформы имеет решающее значение для распределения ответственности. Неправильная квалификация приводит либо к чрезмерной защите платформ (когда они используют статус посредника как "щит" от всей ответственности), либо к невыполнимым требованиям (когда от технических провайдеров ожидают невозможного контроля).

Статус информационного посредника — не универсальная "броня" для всех операторов цифровых платформ, а специальный режим, применяемый только при соблюдении совокупности признаков. Правоприменителям необходимо отказаться от презумпции, что "техническая платформа" = "информационный посредник", и переходить к индивидуальной оценке каждого случая на основе ст. 1253.1 ГК РФ и сложившейся судебной практики. Это позволит обеспечить справедливое распределение рисков и ответственности в платформенной экономике.

Библиография

1. Абдрахманова Г. И., Гохберг Л. М., Демьянова А. В. и др. Платформенная экономика в России: потенциал развития. – Москва: Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, 2023. – 90 с. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/371170463_Platformennaa_ekonomika_v_Rossii_potencial_razvitia (дата обращения: 20.11.2025).
2. Волков Н. С., Емельянов А. С., Ефремов А. А. и др.; отв. ред. Терещенко Л. К. Цифровые платформы – организационно-правовая форма взаимодействия в обществе: монография. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Инфотропик Медиа, 2025. – 244 с.
3. Иванов Н. В. Ответственность за нарушение исключительных прав: монография. – Москва: Проспект, 2025. – 360 с. EDN: EGVYRT.
4. Николюкин С. В. Посреднические договоры. – Москва: Юстицинформ, 2010. – 224 с. EDN: QRMXZL.
5. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330-333, 380-381, 382-406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2022. – 1582 с. – (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса).
6. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 7. – С. 86-94. – DOI: 10.17803/1994-1471.2021.128.7.086-094. EDN: KUNBTV.
7. Андреева Л. В. Трансформация правового понятия посредника при применении цифровых технологий в торговом обороте // Право и цифровая экономика. – 2024. – № 2. – DOI: 10.17803/2618-8198.2024.24.2.005-012. EDN: IXATMN.
8. Андреева Л. В. Согласование интересов участников товарных цифровых платформ (маркетплейсов): правовые проблемы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. –

2024. – № 8 (120).

9. Варламова А. Н. Категории "цифровая платформа" и "цифровой товарный рынок" для целей конкурентного права // Конкурентное право. – 2025. – № 4. – С. 6-12. DOI: 10.18572/2225-8302-2025-4-6-12. EDN: OJIUIX.

10. Жевняк О. В. Цифровая платформа как технико-технологический феномен и его правовое значение // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2024. – № 4. – DOI: 10.17072/1995-4190-2024-66-541-561. EDN: NFSNGI.

11. Карцхия А. А. Цифровые корпорации в новом качестве управления // Гражданское право. – 2020. – № 4. – С. 22-26. DOI: 10.18572/2070-2140-2020-4-22-26. EDN: GCRZKU.

12. Лепешин Д. А., Петкилев П. И. Ответственность маркетплейса-информационного посредника // Цивилист. – 2025. – № 4. – С. 14-20. EDN: ZXHUTW.

13. Лоренц Д. В. Информационные посредники (провайдеры) в России и зарубежных странах: природа, сущность и типология // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 5. EDN: OFVNYI.

14. Саяпин С. П. О возможности квалификации оператора цифровой инвестиционной платформы в качестве информационного посредника // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 2. – DOI: 10.24412/1608-8794-2024-2-292-299. EDN: PRVNHQ.

15. Филиппова С. Ю., Харитонов Ю. С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения // Правоведение. – 2025. – Т. 69, № 1. – С. 58-75. – <https://doi.org/10.21638/spbu25.2025.104>. EDN: MUSVZT.

16. Фомина О. Н. Правовая природа ответственности информационного посредника // Гражданское право. – 2022. – № 2. – DOI: 10.18572/2070-2140-2022-2-33-36. EDN: PDJAXG.

17. Протокол № 10 заседания рабочей группы Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 22 апреля 2015 г. [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2015. – № 9. – С. 11-20. – Режим доступа: <https://ipsmagazine.ru/court/1729477/> (дата обращения: 20.11.2025).

18. Как цифровые платформы меняют экономику // РБК. – 2025. – 20 ноября. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/industries/news/68407d3c9a7947268f72e7f6> (дата обращения: 20.11.2025).

19. Ozon. Условия бронирования авиабилетов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.ozon.ru/common/pravila-prodayoi-i-rekvizity/ozon-travel/conditions-booking-air-tickets/-country=RU> (дата обращения: 20.11.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ» предметом исследования являются нормы права, закрепляющие статус операторов цифровых платформ. Особое внимание автор обращает на возможность применения к операторам цифровых платформ положений правового института информационных посредников. В качестве замечания хотелось указать на некорректность формулировки «объектом исследования являются общественные отношения, возникающие между пользователями цифровых платформ». Если автор в качестве предмета исследования определяет «правовое регулирование статуса операторов цифровых платформ с точки зрения

института информационного посредничества», то непонятно почему объектом исследования являются «общественные отношения, возникающие между пользователями цифровых платформ»?

Методология исследования. Данное исследование предполагает применение современных методов, таких как: сравнительного правоведения, теоретико-юридический, формально-логический и др.

Актуальность исследования. Тема статьи представляется весьма актуальной. В настоящее время цифровое право только формируется, что обосновывает необходимость доктринальных разработок по различным проблемам правового регулирования цифровых отношений. Можно согласиться с автором, что «масштаб использования цифровых платформ свидетельствует о том, что их операторы должны обладать четко установленным правовым статусом, позволяющим адекватно урегулировать их права, обязанности и ответственность в системе гражданских правоотношений».

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в самой статье не сформулированы положения, которые бы указывали на новизну и важность этого исследования для юридической науки и его практическую значимость. Большая часть статьи носит описательный характер и обращения к чужим воззрениям. Автор весьма слабо обосновывает собственную позицию по заявленной им тематике. На взгляд рецензента, тема не раскрыта. Материал не имеет элементов научной новизны. Автору следует обозначить свою позицию по заявленной проблеме и показать, в чем заключается именно его вклад в юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. На взгляд рецензента, тема не раскрыта, по заявленной автором проблеме никаких новых решений не предложено. Вместе с тем нельзя не признать, при написании статьи использован научный стиль с применением специальной терминологии, в том числе, и юридической. Автором предпринята попытка структурировать статью. В содержании статьи формально присутствуют разделы (введение, основная часть и заключение). Можно отметить, что во введении недостаточно полно обоснована актуальность темы статьи. В основной части статьи автор приводит мнения других специалистов, но при этом не всегда аргументирует собственную позицию. В заключительной части статьи кратко представлены выводы, совершенно не отличающиеся научной новизной, которые нельзя считать результатами исследования: автор констатирует уже известные доктрине положения. Содержание статьи нуждается в существенной доработке. В качестве замечаний технического характера можно отметить, что в тексте встречаются множественные грамматические ошибки (в т.ч. пунктуационные «Характеристика оператора цифровой платформы, в качестве информационного посредника»), бесчисленные опечатки (например, «вчасти посредника, соблюдении, комиссии, применительно, «посредничества», данных, плафформы, воспринимаются, в частности, критерией, соответствует» и т.д.), несогласованность падежей в предложениях (например, «где под цифровой платформой законодатель предложил считать программа»), кроме того, нет единообразия в написании буквы «ё» в словах (в одних словах ««закреплённый», в других - «учет» и т.д.).

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, в т.ч. и публикаций последних лет. В списке библиографии указан автор публикации «Трансформация правового понятия посредника при применении цифровых технологий в торговом обороте» Андреев Л.В., в действительности данная статья принадлежит Андреевой Л.В.

Апелляция к оппонентам. По отдельным спорным вопросам заявленной тематики есть

обращения к оппонентам. Однако по спорным вопросам не выражена собственная точка зрения.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ» не может быть рекомендована к опубликованию, поскольку нуждается в доработке. Тема является актуальной, но статья не отличается научной новизной и не имеет практической значимости. Статья по этой теме могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области гражданского права, предпринимательского права, информационного права, цифрового права, а также, могла бы быть полезна для обучающихся и преподавателей юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ» предметом исследования являются нормы права, закрепляющие статус операторов цифровых платформ. Особое внимание автор обращает на возможность применения к операторам цифровых платформ положений правового института информационных посредников.

Методология исследования. Данное исследование предполагает применение современных методов, таких как: сравнительного правоведения, теоретико-юридический, формально-логический и др.

Актуальность исследования. Тема статьи представляется весьма актуальной. В настоящее время цифровое право только формируется, что обосновывает необходимость доктринальных разработок по различным проблемам правового регулирования цифровых отношений. Можно согласиться с автором, что «масштаб использования цифровых платформ свидетельствует о том, что их операторы должны обладать четко установленным правовым статусом, позволяющим адекватно урегулировать их права, обязанности и ответственность в системе гражданских правоотношений».

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что и в этой статье сформулированы положения, которые указывают на новизну и важность этого исследования для юридической науки и его практическую значимость, например: "Статус информационного посредника — не универсальная "броня" для всех операторов цифровых платформ, а специальный режим, применяемый только при соблюдении совокупности признаков. Правоприменителям необходимо отказаться от презумпции, что "техническая платформа" = "информационный посредник", и переходить к индивидуальной оценке каждого случая на основе ст. 1253.1 ГК РФ и сложившейся судебной практики. Это позволит обеспечить справедливое распределение рисков и ответственности в платформенной экономике". В работе содержатся и другие положения, которые можно расценивать как вклад в юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. Тема раскрыта, название статьи соответствует ее содержанию. Соблюдены требования к объему материала. Нельзя не признать, что при написании статьи использован научный стиль с применением специальной терминологии, в том числе, и юридической. Материал изложен последовательно и ясно. Автором предпринята попытка структурировать статью. В содержании статьи присутствуют разделы (введение, основная часть и заключение), которые отвечают установленным требованиям. Во введении обоснована актуальность исследования. В основной части статьи автор не только показал знания работ других ученых, но и сформулировал собственную аргументированную позицию по заявленной проблематике. В заключении представлены итоги исследования. Замечаний по содержанию нет.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, в т.ч. и публикаций последних лет.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики есть обращения к оппонентам. Все обращения к оппонентам корректные.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ» может быть рекомендована к опубликованию. Тема является актуальной, статья отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Статья по этой теме могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области гражданского права, предпринимательского права, информационного права, цифрового права, а также, могла бы быть полезна для обучающихся и преподавателей юридических вузов и факультетов.

Англоязычные метаданные

The scientific sphere as an object of legal regulation in the context of the use of artificial intelligence

Verhoturov Dmitrii Sergeevich

Postgraduate student; Department of Information Law and Digital Technologies; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Saratov State Law Academy'

410056, Russia, Saratov region, Saratov, Oktyabrsky district, N.G. Chernyshevsky St., zd 104 p. 3

✉ dimanych02@mail.ru

Abstract. The development of modern technologies is one of the key factors in the transformation of the scientific sphere, but its legal regulation remains insufficiently developed. The article examines the legal aspects of the use of artificial intelligence technologies in scientific activity. Various approaches to understanding the category of "artificial intelligence" are considered, the current legislation on science is analyzed, inconsistencies with modern realities are identified, and the need to update the conceptual framework is substantiated. Based on the analysis of regulations and scientific doctrine, key definitions of artificial intelligence are revealed, its classification by degree of autonomy, and gaps in the regulation of applications in scientific research, peer review, grant policy, and academic integrity are identified. Special attention is paid to issues of responsibility in the use of autonomous artificial intelligence systems, the formation of ethical standards and ensuring transparency of algorithmic solutions. It is proposed to consolidate the category "scientific sphere" in the legislation as a system-forming concept reflecting the processes of creation, dissemination and protection of scientific knowledge in the context of digital transformation. It is concluded that there is a need for a comprehensive update of legislation on science, taking into account the integration of artificial intelligence technologies and the formation of legal mechanisms aimed at maintaining a balance between innovative development, academic integrity and public responsibility of scientific institutions. The methodological basis of the research was a systematic, comparative legal, formal legal, cultural, anthropological and discourse analysis. The scientific novelty of the research lies in the analysis of the application of artificial intelligence technologies in the scientific field. The paper analyzes the legal and ethical mechanisms for ensuring transparency and accountability of artificial intelligence solutions. Special attention is paid to the legal regime of scientific data. The study examines the key terms and provisions of the Federal Law "On Science and State Scientific and Technical Policy", which made it possible to assess their relevance and compliance with modern realities, as well as identify areas for integrating artificial intelligence technologies into scientific activities. A comparative analysis of foreign approaches to regulating artificial intelligence has been conducted, including risk-based liability models, algorithm audits, mandatory disclosure of information on the use of technologies and data protection measures, which has made it possible to identify promising areas for improving national legislation and forming an effective system of legal support for scientific activities using artificial intelligence.

Keywords: technologies in science, state scientific policy, automation of scientific processes, academic integrity, digital transformation, ethical standards, legal regulation, scientific activity, scientific field, artificial intelligence

References (transliterated)

1. Eres'ko P.V. Pravovye problemy regulirovaniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v transportnoi sfere / P.V. Eres'ko // Formirovanie mnogopolyarnogo mira: vyzovy i perspektivy: Sbornik dokladov XI Moskovskogo yuridicheskogo foruma (XXIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii). V 3-kh chastyakh, Moskva, 08–12 aprelya 2024 goda. – Moskva: Izdatel'skii tsentr Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2024. – S. 596-600. – EDN ADLXDD.
2. Churikova A.Yu. Ispol'zovanie sistem iskusstvennogo intellekta sudami: risk-orientirovannyi podkhod regulirovaniya / A.Yu. Churikova // Organizatsionnye modeli obespecheniya deyatel'nosti sudov v XXI veke: rossiiskii i zarubezhnyi opyt i perspektivy razvitiya: Sbornik statei k 25-letiyu Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii, Moskva, 16 marta 2023 goda / Otv. za vypusk A.A. Aryamov, E.V. Burdina, E.V. Goloshumov. – Moskva: Rossiiskii gosudarstvennyi universitet pravosudiya, 2023. – S. 395-400. – EDN BLOYSC.
3. Izmailova M.A. Rol' iskusstvennogo intellekta v postroenii adaptivnoi obrazovatel'noi sredy // MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie). 2024. № 1. S. 8-26. DOI: 10.18184/2079-4665.2024.15.1.8-26 EDN: CJATAD.
4. Minbaleev A.V. Ponyatie "iskusstvennyi intellekt" v prave / A.V. Minbaleev // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. – 2022. – T. 32, № 6. – S. 1094-1099. – DOI 10.35634/2412-9593-2022-32-6-1094-1099. – EDN MPTQYE.
5. Eres'ko P.V. Pravovoe obespechenie bezopasnosti informatsionnogo prostranstva Rossiiskoi Federatsii v sfere iskusstvennogo intellekta / P.V. Eres'ko // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2024. – № 10(122). – S. 69-76. – DOI 10.17803/2311-5998.2024.122.10.069-076. – EDN AOYARK.
6. Shchitova A.A. Pravovoe regulirovanie informatsionnykh otnoshenii po ispol'zovaniyu sistem iskusstvennogo intellekta: spetsial'nost' 12.00.13 "Informatsionnoe pravo": dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Shchitova Anastasiya Andreevna. – Moskva, 2022. – 225 s. – EDN AIUCYM.
7. Iskusstvennyi intellekt v yuridicheskoi deyatel'nosti: uchebnyk dlya vuzov / pod red. S.E. Channova. – Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2025. – 131 s. – (Vysshee obrazovanie). – ISBN 978-5-534-21196-2. – Tekst: elektronnyi // Obrazovatel'naya platforma Yurait [sait]. s. 10 – URL: <https://urait.ru/bcode/581673/p.10> (data obrashcheniya: 17.09.2025).
8. Butz M.V. Towards Strong AI // Künstl Intell. 2021. Vol. 35. P. 91-101. DOI: 10.1007/s13218-021-00705-x. EDN: XCSBPT.
9. Churikova A.Yu. Ispol'zovanie informatsionnykh tekhnologii i sistem v ugovnom sudoproizvodstve: vozmozhnosti, riski, pravovoe regulirovanie: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk / Churikova Anna Yur'evna. – Saratov, 2025. – 498 s. – EDN WFVIZP.
10. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova; Rossiiskaya akad. nauk, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova. – 4-e izd., dop. – Moskva: A TEMP, 2006. – 938, [3] s.; 27 sm.; ISBN 978-5-9900358-6-7.
11. Semenov E.V. Nauchno-tekhnologicheskaya sfera (sfera NIOKTR): sposoby predstavleniya ob"ekta / E.V. Semenov // Nauka. Innovatsii. Obrazovanie. – 2013. – T. 8, № 2. – S. 82-98. – EDN RSMYDP.
12. Smolyan G.L. Nekotorye klyuchevye ponyatiya informatizatsii: kategorial'nyi status i predmetnaya oblast' // Informatsionnoe obshchestvo. 2015. Vyp. 1. S. 7-17. EDN:

UDNYSV.

13. Mazhuga A.G. Kak ispol'zovanie II v nauke dolzhno byt' uregulirovano v novom zakone // URL: <https://dzen.ru/a/aGU-H4nsMFPr4N7c>.
14. Ivanova L.A. Iskusstvennyi intellekt pri napisanii nauchnykh statei – polozhitel'nyi ili vredonosnyi faktor? // Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk. 2024. №4. – S. 6-17. DOI: 10.51955/2312-1327_2024_4_6 EDN: YRKWJQ.
15. Avtomatiziruite zapolnenie grantovykh zayavok s pomoshch'yu II-agenta Grantmaster // URL: <https://nocsever.com/grantmaster#about>.
16. Yaroshenko G.V., Savushkin I.A. Sotsial'nye posledstviya primeneniya sistem iskusstvennogo intellekta v obrazovanii // Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2023. № 3. – S. 278-284. – DOI 10.22394/2079-1690-2023-1-3-278-284. – EDN QWUVMZ.
17. Artificial Intelligence (AI) Best Practices and Policies at ACS Publications // URL: https://researcher-resources.acs.org/publish/aipolicy-utm_source.
18. Pravila ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta studentami NIU VShE // URL: https://www.hse.ru/studyspravka/ai_guidelines/.
19. Romanova I.N. Problemy yuridicheskoi otvetstvennosti za vred, prichinennyi pri ispol'zovanii tekhnologii iskusstvennogo intellekta / I.N. Romanova // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2022. – T. 30(1-4), № 1. – S. 72-77. – DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.72-77. EDN: OXEXFY.
20. Arzamasov Yu.G. Optimal'naya model' pravovogo regulirovaniya v sfere iskusstvennogo intellekta // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2023. №2 (53). – S. 133-148. – DOI 10.17308/law/1995-5502/2023/2/133-148. – EDN ALEBSL.
21. Davtyan T. The U.S. Approach to AI Regulation: Federal Laws, Policies, and Strategies Explained // SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=4954290>.
22. Fletcher G.G.S., Le M.M. The Future of AI Accountability in the Financial Markets // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. 2022. Vol. 24. P. 289.
23. Doshi-Velez F., Kortz M., Budish R., Bavitz C., Gershman S.J., O'Brien D., Scott K., Shieber S., Waldo J., Weinberger D., Weller A., Wood A. Accountability of AI Under the Law: The Role of Explanation // Berkman Center Research Publication, Forthcoming. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3064761> ili <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3064761>.
24. Gabriel L., Grgic-Hlaca N., Cha M., Jeong J.K. The Conflict Between Explainable and Accountable Decision-Making Algorithms // SSRN. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2205.05306>.
25. Narayanan S., Potkewitz M. A risk-based approach to assessing liability risk for AI-driven harms considering EU liability directive // arXiv preprint arXiv:2401.11697. – 2023.
26. Slivitskii A.B., Slivitskii B.A. Analiz sistemy pravovogo regulirovaniya bytiya tekhnologii iskusstvennogo intellekta / A.B. Slivitskii, B.A. Slivitskii // Upravlenie naukoj: teoriya i praktika. – 2024. – T. 6, № 2. – S. 53-61. – DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.5. – EDN IKHTEA.
27. Buryaga V., Djuzhoma V., Artemenko E. Shaping Artificial Intelligence Regulatory Model: International and Domestic Experience // Legal Issues in the Digital Age. 2025. Vol. 6(2). P. 50-68. DOI: <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2025.2.50.68>. EDN: CPXWBP.
28. Bundin M.V. Sistema informatsii ogranichenogodostupa i konfidentsial'nost' / M.V. Bundin // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2015. – №

1. – S. 120-130. – EDN TLIEGV.

29. Mokhorov D.A., Mokhorova A.Yu., Dolzhenkova E. Pravovye problemy primeneniya iskusstvennogo intellekta. Rossiiskoe pravo onlain. 2022;(2):5-11. DOI: 10.17803/2542-2472.2022.22.2.005-011. EDN: KAZRNY.

Traditional Nature Management and Environmental Protection of the North (Part 1)

Kudelkin Nikolai Sergeevich

PhD in Law

Leading Researcher; Sector of Environmental, Land and Agrarian Law, IGP RAS

10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia

 nkkix@inbox.ru

Abstract. The subject of this work comprises legal norms related to Indigenous small-numbered peoples and traditional nature management, as well as provisions of strategic planning documents addressing this topic. The aim of the study is to formulate conclusions and proposals aimed at improving legal regulation in this area, based on an analysis of federal and regional legislation, strategic planning documents, and information about Indigenous small-numbered peoples, traditional nature management, and the state of the environment. The research employs general scientific, specialized, and specific methods, including synthesis, analysis, deduction, generalization, analogy, induction, formal legal method, and others. The relevance of the topic is underscored by two key factors. On the one hand, the right to traditional nature management is a crucial element in preserving the culture of Indigenous peoples residing in the Russian Federation, as it is through traditional economic activities that ethnic clothing, household items, folklore, and language are maintained. On the other hand, the ability to engage in traditional nature management is significantly impacted by both industrial development in the Arctic Zone of the Russian Federation and the North in general, as well as climate change. Thus, there are numerous challenges in safeguarding the right to traditional nature management, which must be addressed, among other means, through legal regulation. The study presents several conclusions and proposals. For instance, given that traditional nature management is entirely dependent on the environment and natural resources, it seems logical to consider the possibility of its full implementation as an indicator of a favorable environmental state. The study also notes that the provisions of strategic planning documents concerning Indigenous small-numbered peoples can serve as a foundation for both improving existing legislation and developing new laws related to traditional nature management and environmental protection in the areas where it is practiced.

Keywords: hunting, horse breeding, reindeer herding, fishing, environmental protection, traditional nature management, indigenous peoples, North, Arctic, rational nature management

References (transliterated)

1. Kryazhkov V.A. Traditsionnyi obraz zhizni korennykh malochislennykh narodov v konstitutsionno-pravovom izmerenii // Gosudarstvo i pravo. 2017. № 12. S. 44-55. EDN: ZVKZGH.
2. Burtseva E.I., Sleptsov A.N., Bisyina A.N. Promyshlennoe osvoenie territorii

- Arkticheskoi zony Yakutii i etnologicheskaya ekspertiza investitsionnykh projektov // Arktika i Sever. 2023. № 51. S. 52-72. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.52 EDN: ILGRZQ.
3. Zhozhikov A.V., Alekseeva E.K., Nikitina S.A., Egorova V.N. Vliyanie izmeneniya klimata na traditsionnye vidy prirodopol'zovaniya korennykh zhitel'ei Respubliki Sakha (Yakutiya) // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2023. № 12 (138). S. 1-12.
 4. Nisten-Khaarala S., Gladun E.F., Tulaeva S.A., Zakharova O.V. Ekonomika korennykh narodov v arkticheskikh regionakh: traditsii i transformatsii (na primere Rossii, Finlyandii, SShA) // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2022. T. 23. № 3. S. 11-41. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-3-11-41 EDN: LHLMFO.
 5. Kurilyuk A.D. Olenevodstvo Yakutskoi ASSR. Yakutsk, 1982. 159 s.
 6. Ustyukova V.V. Prava na zemlyu korennykh malochislennykh narodov, prozhivayushchikh na arkticheskikh territoriyakh // Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii i kruglogo stola "Arktika – territoriya ustoichivogo razvitiya i sotrudnichestva" i kruglogo stola "Pravovye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i innovatsionnogo razvitiya Arkticheskogo regiona Rossii". 2018. S. 145-153. EDN: XTVKWD.
 7. Batyr' V.A. Kontseptsiya faktornogo analiza pri osushchestvlenii pravotvorchestva v Rossiiskoi Federatsii kak innovatsionnyi priem issledovaniya (na primere Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii) // Lex Russica (Russkii zakon). 2023. T. 76. № 9 (202). S. 86-109. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.202.9.086-109 EDN: QUORTY.
 8. Solovyanenko N.I. Problemy realizatsii i zashchity prav uchastnikov ekonomicheskikh otnoshenii v usloviyakh tsifrovogo neravenstva // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 2. S. 188-193. DOI: 10.31857/S102694520024344-9 EDN: YYIQMJ.
 9. Malysheva M.S., Ignat'eva P.M. Rol' traditsionnogo rybolovstva dlya korennykh malochislennykh narodov severa Respubliki Sakha (Yakutiya) na territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniya // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2024. № 10 (171). S. 624-628. DOI: 10.34925/EIP.2024.171.10.112 EDN: WOZBUE.
 10. Kryazhkov V.A. Delo o traditsionnoi okhote, ili Pervyi opyt zashchity prav korennykh malochislennykh narodov v Konstitutsionnom Sude Rossii // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2019. № 4 (131). S. 116-130. DOI: 10.21128/1812-7126-2019-4-116-130 EDN: GQSFNS.
 11. Borodina M., Idrisov H., Kapustina D., Zhildikbayeva A., Fedorov A., Denisova D., Gerasimova E., Solovyanenko N. State regulation of digital technologies for sustainable development and territorial planning // International Journal of Sustainable Development and Planning. 2023. T. 18. № 5. S. 1615-1624. DOI: 10.18280/ijstdp.180533 EDN: ICPWVF.
 12. Samonchik O.A. Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya i okhrany zemel' Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii: nekotorye aktual'nye problemy // Pravo i politika. 2022. № 1. S. 1-11. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.1.37171 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37171

Transformation of civil society institutions and direct democracy in the process of constitutional adaptation

Abstract. Modern constitutional systems are facing unprecedented challenges – pandemics, climate disasters, digital transformation, and erosion of trust in institutions – which call into question the ability of the classical model of constitutionalism to ensure resilience and legitimacy. The traditional approach, based on stability, hierarchy, and limitation of power, proves insufficient in the dynamic, uncertain, and multi-actor reality of the 21st century. In this context, there is an increasing demand for more flexible, responsive, and inclusive forms of constitutional regulation that can swiftly adapt to social changes. The institutions of direct democracy and civil society are becoming particularly significant as they increasingly act not just as external corrections but as internal elements of the constitutional order. Global experience – from Estonia and Iceland to Latin American countries – demonstrates that involving citizens in constitutional processes enhances not only legitimacy but also the resilience of the rule of law. The subject of the research is the theoretical model of adaptive constitutionalism, where civil society and direct democracy are viewed as structural components of the constitutional system rather than peripheral elements. The work employs a comprehensive methodological approach, including a systemic analysis of the constitutional order as an open and dynamic system, a comparative legal method, and an institutional approach. The scientific novelty of the research lies in the proposal of an integrative model of adaptive constitutionalism, where the constitution is understood not as a static text but as a process of continuous dialogue between the state, courts, and civil society. The author shows that adaptability is achieved not only through formal amendment procedures but also through informal yet legally significant forms of participation – citizen assemblies, digital platforms, and public initiatives. The research substantiates the need for the institutionalization of these mechanisms, including the introduction of an obligation for authorities to respond to citizens' initiatives and the establishment of a public ombudsman for constitutional issues. It concludes that the future of constitutionalism is tied to a shift from a "constitution for the people" model to a "constitution with the people" model, where legitimacy is ensured not only by procedure but also by the depth of engagement. It emphasizes that without systemic participation by citizens, any constitutional reforms risk remaining formal and ineffective.

Keywords: institutionalization, living constitution, constitutional dialogue, popular initiative, digital participation, constitutional adaptation, direct democracy, civil society, adaptive constitutionalism, constitutional legitimacy

References (transliterated)

1. Ginsburg T., Huq A. Z. How to Save a Constitutional Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 2018. 295 p.
2. Tribe L. H. The Invisible Constitution. New York: Oxford University Press, 2008. 304 p.
3. Ackerman B. We the People: Foundations. Vol. 1. Cambridge: Harvard University Press, 1991. 384 p.
4. Dixon R. The new responsive constitutionalism // The Modern Law Review. 2024. Vol. 87, № 2. P. 1-34.
5. Scheuerman W. E. Constitutionalism in an Age of Speed // Constitutional Commentary.

2002. Vol. 19. P. 353-390.

6. Kumm M. The Cosmopolitan Turn in Constitutionalism: On the Relationship between Constitutionalism in and beyond the State / in: *Ruling the World?: Constitutionalism, International Law, and Global Governance* / ed. by J. L. Dunoff, J. P. Trachtman. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 258-325.
7. Bobrova N. A. Unikal'nost' konstitutsionnoi reformy 2020 goda i ee posledstviya dlya budushchego Rossii // *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 2023. № 2 (53). S. 11-20. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-2-11-20 EDN: THLCBX
8. Semagin I. O. Tolkovanie konstitutsionnykh prav i spetsifika argumentatsii v konstitutsionnom sude Rossiiskoi Federatsii // *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2023. T. 13, № 5-1. S. 111-116. DOI: 10.34670/AR.2023.40.74.012 EDN: AZXZDT
9. Stepanova M. N. Adaptatsiya konstitutsionnoi identichnosti gosudarstva k vyzovam sovremennosti: analiz i perspektivy // *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 2024. № 2 (41). S. 23-28. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-23-28 EDN: BMMSZF
10. Grudin N. S. Razvitie instituta prezidentury posle konstitutsionnoi reformy 2020 g. // *Kriminologicheskii zhurnal*. 2022. № 4. S. 62-64.
11. Zuev O. E., Bakhlov I. V. Rossiiskii parlamentarizm posle konstitutsionnoi reformy 2020 goda // *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 2023. T. 13, № 4. S. 74-79.
12. Runciman D. *How Democracy Ends*. London: Profile Books, 2019. 256 p.
13. Waldron J. The Core of the Case against Judicial Review // *The Yale Law Journal*. 2006. Vol. 115. P. 1346-1406.
14. Stankin A. N. Konstitutsionnaya otvetstvennost' v sisteme prava i sisteme yuridicheskoi otvetstvennosti // *Teoriya gosudarstva i prava*. 2019. № 4 (16). S. 210-217. DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.017 EDN: TFQCIV
15. Szigeti A., Donahue T. J. Constitutional Responsibility. 2008. URL: <https://ssrn.com/abstract=1112797> (data obrashcheniya: 15.10.2025).
16. Grabenwarter C. Constitutional Resilience // *VerfBlog*. 2018. 6 dekabrya. URL: <https://verfassungsblog.de/constitutional-resilience/> (data obrashcheniya: 15.10.2025).
17. Jakab A. Constitutional Resilience / in: *Max Planck Encyclopedia of Comparative Constitutional Law (MPECCoL)* / ed. by R. Grote, F. Lachenmann, R. Wolfrum. Oxford: Oxford University Press, 2022. URL: <https://ssrn.com/abstract=4656217> (data obrashcheniya: 15.10.2025).
18. Rawls J. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press, 1993. 401 p.
19. Warren M. E. Democracy and the State / in: *The Oxford Handbook of Political Theory* / ed. by J. S. Dryzek, B. Honig, A. Phillips. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 342-399.
20. Kuz'mina A. S. Evolyutsiya podkhodov k otsenke effektivnosti deyatelnosti organov ispolnitel'noi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii v XXI veke // *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. 2025. T. 15, № 7. S. 4429-4450. DOI: 10.18334/epp.15.7.123273 EDN: IIXRMC
21. Vorontsov D. F. Gosudarstvennaya politika: ponyatie, vidy, sootvetstvie pravu i spravedlivosti kak element resheniya problem sovremennoi ekonomiki // *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2011. № 3 (20). S. 12-21. EDN: ONQZJR
22. Fishkin J. S. *Democracy When the People Are Thinking: Revitalizing Our Politics Through Public Deliberation*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 272 p.

23. Bergmann E. Participatory Constitutional Deliberation in the Wake of Crisis: The Case of Iceland / in: Constitutional Deliberative Democracy in Europe. Colchester: ECPR Press, 2016.
24. Lewin A. Barcelona's Robin Hood of data: Francesca Bria. URL: <https://sifted.eu/articles/barcelonas-robin-hood-of-data-francesca-bria> (data obrashcheniya: 15.10.2025).
25. Clarke H. D., Goodwin M., Whiteley P. Brexit: Why Britain Voted to Leave the European Union. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 272 p.
26. Koshel' A. S. Rossiiskaya konstitutsiya v razvitii: reforma struktury vlasti i novye parlamentskie polnomochiya // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2021. № 9. S. 22-27. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-9-22-27 EDN: RAFSWX
27. Germann M., Serdült U. Internet voting and turnout: Evidence from Switzerland // Electoral Studies. 2017. Vol. 47. P. 1-12.
28. Kravets I. A. Ideya grazhdanskikh assamblei i inye formy uchastiya grazhdan v konstitutsionnykh izmeneniyakh i publichnykh initsiativakh: opyt i perspektivy konstitutsionalizatsii v novom i starom svete // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2024. T. 33, № 4 (161). S. 40-60. DOI: 10.21128/1812-7126-2024-4-40-60 EDN: BZTCKY
29. Vorontsova M. A., Shestakov D. A., Matveeva Yu. S. Osnovy konstitutsionnogo statusa sredstv massovoi informatsii i ikh narushenie v sovremennoi Rossii // Voprosy sovremennoi yurisprudentsii. 2016. № 11 (61). S. 42-47. EDN: XBFFBT
30. Efimova L. G. Tsifrovaya lichnost' kak sposob prisutstviya sub"ekta prava v kiberprostranstve // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2025. № 4 (128). S. 32-41. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.032-041 EDN: VSBAMN

Promising directions for improving pre-trial proceedings in the Russian criminal process

Polikarpova Olga Sergeevna

PhD in Law

Senior Lecturer; Department of Administrative Affairs; St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

198206, Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1

zhuravlenok_os@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan that directly or indirectly relate to the procedural status of an individual who is actually subjected to criminal prosecution, with the aim of identifying both the obstacles to the development of pre-trial criminal proceedings and prospective guidelines for such development. In particular, the list of procedural grounds for granting the procedural status of a suspect and the correlation of these grounds with other criminal procedural institutions has been analyzed. Significant obstacles to the improvement of Russian criminal proceedings have been identified in the form of illogical correlation between the institution of suspicion and the institution of measures of criminal procedural coercion, as well as the actual insufficiency of the grounds provided by the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation for granting the procedural status of a suspect in the form of pre-trial investigation and the unjustified obligation to present charges to the person subjected to criminal prosecution at the initial

stage of the investigation of the crime, which in reality does not guarantee the admissibility of prolonged criminal prosecution of such a person. In the course of the study, the author used a comparative legal method to research the procedural grounds for the emergence of the procedural figure of a suspect in two states, as well as a formal-legal method, the application of which, taking into account static and sociological methods, conducted an analysis of several norms of the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation with actual law enforcement. The novelty of the research consists in the proposal that, linking to the concept of the development of the procedural status of a suspect, would allow for the reform of the pre-trial stages of Russian criminal proceedings through changes to the criminal procedural model of its foundation and will lead to a reduction of criminal procedural procedures applied to individuals subjected to criminal prosecution until the transfer of the criminal case to the prosecutor and its submission to the court. Based on the results of the research, directions for improving the pre-trial stages of Russian criminal proceedings have been identified, which have proven effective through the testing of provisions of the new Criminal Procedure Code by law enforcers of the Republic of Kazakhstan. Taking into account the arguments of procedural scholars that allow to correlate the author's arguments with the opinions of the scientific community and the views of law enforcers, formed in a combined percentage ratio based on the results of a survey, ideas have been proposed that contribute to the development of the Russian pre-trial criminal process.

Keywords: investigative judge, prosecutorial supervision, pre-trial proceedings, grounds for granting status, procedural status, institute of accusation, criminal prosecution, institute of suspicion, suspect, criminal procedure model

References (transliterated)

1. Derishev, Yu. V., Nurmagambetov, A. S. Reforma dosudebnogo proizvodstva po noveishemu ugovno-protsessual'nomu zakonodatel'stvu Respubliki Kazakhstan // Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii. – 2015. – № 3(58). – S. 26-29. EDN: UISFBH
2. Kemali, M. S. Novyi UPK Kazakhstana sushchestvenno povysit effektivnost' predvaritel'nogo rassledovaniya i zashchity prav cheloveka // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2014. – № 1 (61). – S. 73-77. EDN: SFDXIH
3. Kirsanov, S. V. Sledstvennyi sud'ya: novyi uchastnik ugovnogo sudoproizvodstva? // Rossiiskoe pravosudie. – 2019. – № 4. – S. 71-81.
4. Kovtun, N. N., Kovtun, I. S. Institut privlecheniya v kachestve obvinyaemogo v ugovnom protsesse Rossii: ego "klassicheskie" i "uproshchennye" formy v kontekste obsuzhdaemykh v doktrine novatsii // Yurist"-Pravoved". – 2020. – № 2 (93). – S. 121-125. EDN: OMFEMR
5. Lushin, I. A. Nekotorye voprosy sootnosheniya ponyatii raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii po "goryachim sledam" // Sankt-Peterburgskii mezhdunarodnyi kriminalisticheskii forum: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 10-11 iyunya 2024 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2024. – S. 661-664. EDN: SZZYSO
6. Nazarov, A. D. Sledstvennye i sudebnye oshibki i ugovno-protsessual'nyi mekhanizm ikh ustraneniya: kontseptual'nye osnovy: dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.09. – Sankt-Peterburg, 2017. – 745 s. EDN: YNVJST
7. Polikarpova, O. S. Razvitie protsessual'nogo statusa podozrevaemogo v rossiiskom ugovnom protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk : 5.1.4. – Sankt-Peterburg, 2025. – 278

S.

8. Rossinskii, S. B. O nedopustimosti "pilotnykh" obvinenii v dosudebnom proizvodstve po ugovnomu delu // Sibirskii yuridicheskii vestnik. – 2021. – № 4 (95). – S. 121-128. DOI: 10.26516/2071-8136.2021.4.121. EDN: XTOPSO
9. Stoiko, N. G. Nedopustimost' pred'yavleniya tekstual'no sovpadayushchikh obvinenii po gruppovomu delu // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: mat-ly XXIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Krasnoyarsk, 2-3 aprelya 2020 g.) : v 2 ch. – Krasnoyarsk: Sibirskii yuridicheskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2020. Ch. 1. – S. 162-163. DOI: 10.51980/2020_1_162. EDN: WKVLXD
10. Furlet, S. P. O pervykh rezul'tatakh raboty po novomu UPK v Kazakhstane // Rezhim dostupa: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-pervykh-rezultatakh-raboty-po-novomu-upk-v-kazakhstane/>
11. Shcherbinina, A. V. K voprosu o nadelenii litsa statusom podozrevaemogo pri proizvodstve predvaritel'nogo sledstviya // Aktual'nye problemy teorii i praktiki ugovnogo protsessa: Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Rostov-na-Donu, 15 noyabrya 2018 goda. – Rostov-na-Donu: Rostovskii yuridicheskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2018. – S. 112-117. EDN: YULGCD
12. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-iyul' 2025 goda // Ofitsial'nyi sait MVD Rossii. URL: <https://mvd.rf/reports/item/68795497/>

Special types of exemption from liability for committing crimes in the sphere of economic activity

Lekanova Ekaterina Evgenevna

Postgraduate student; P.G. Demidov Yaroslavl State University

150003, Russia, Yaroslavl region, Yaroslavl, Sovetskaya str., 14

✉ lekanova.katya@yandex.ru

Abstract. This article presents a study of special types of exemption from liability for economic crimes. The relevance of this research topic stems from the need to achieve a compromise between the desire to compensate for damages caused by an individual to an individual, society, or the state, and the desire to hold an individual accountable and punish them for the crime committed. The study presents classifications of special types of exemption from liability in the provisions of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation depending on the method of legal regulation, the frequency of application, and the nature of the exemption conditions. Classifications of special types of exemption from criminal liability are necessary when constructing new types of exemption from criminal liability and facilitate the uniform formulation of types of exemption from criminal liability for crimes with common characteristics.

The following methods were used as the methodological basis for the study: analysis, synthesis, legal induction, generalization, comparison, and the formal legal method. The article substantiates the shortcomings of the design of some special types of exemption from liability contained in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation and raises the issue of the need to introduce new special types of exemption from liability for economic crimes. Specifically, to address the issue of returning exported cultural valuables to

the territory of the Russian Federation in violation of Article 190 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is necessary to construct a special type of exemption from liability of a compensatory nature in the note to Article 190 of the Criminal Code of the Russian Federation, for example, as follows: «A person who has committed a crime under this article shall be exempt from criminal liability if he voluntarily fulfilled the obligation to return to the territory of the Russian Federation cultural valuables exported from its borders, undamaged».

Keywords: compensation for harm, failure to return cultural property, extortion, release from liability, criminal liability, economic activity, economic crimes, extreme necessity, active repentance, crime

References (transliterated)

1. Korennaya A.A. Teoreticheskaya model' ugovorno-pravovoi okhrany ekonomicheskoi deyatel'nosti: dis. ... dok. yurid. nauk / Korennaya Anna Anatol'evna. Barnaul, 2025. 553 s.
2. Osnovnye problemy reformirovaniya ugovorno-pravovykh norm ob ekonomicheskikh prestupleniyakh i praktiki ikh primeneniya na sovremennom etape razvitiya Rossii: monografiya / L.L. Kruglikov, A.V. Ivanchin, O.Yu. Komarova i dr.; Yaroslavl': YarGU, 2012. 372 s.
3. Khachatryan A.K. Osvobozhdenie ot ugovornoj otvetstvennosti za prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Khachatryan Artur Kamovich. Moskva, 2015. 29 s.
4. Vlasenko V.V. Osvobozhdenie ot ugovornoj otvetstvennosti po delam o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Vlasenko Vladislav Vladimirovich. Moskva, 2014. 23 s.
5. Loshkova E.A. Obshchaya kharakteristika instituta osvobozhdeniya ot ugovornoj otvetstvennosti i nakazaniya // Sovremennye problemy prava, ekonomiki i upravleniya. 2016. № 2. S. 151-157.
6. Savinskii A.V. O yuridicheskoi prirode obstoyatel'stv, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya // Pravovedenie. 2015. № 4. S. 124-136.
7. Pusrmanov G.V. Voprosy kvalifikatsii prestupleniya, predusmotrennogo stat'ei 190 UK RF "Nevozvrashchenie na territoriyu Rossiiskoi Federatsii kul'turnykh tsennostei" // Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii. 2018. № 4. S. 86-91.
8. Manapova A.F. Ponyatie kul'turnykh tsennostei narodov v Rossiiskoi Federatsii // Yurislingvistika. 2025. № 36. S. 45-49.
9. Khalikov I.A. Osnovy ugovorno-pravovoi okhrany istoricheskogo i kul'turnogo naslediya v kontekste ugovorno-pravovoi politiki // Ob'ekt prestupleniya i ugovorno-pravovoi okhrany: istoriko-pravovoi, aksiologicheskii, metodologicheskii i formal'no-yuridicheskii aspekty: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ekaterinburg: UGYuU, 2023. S. 352-362.
10. Khoroshilov S.A. O sredstvakh differentsiatsii ugovornoj otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya // Yurist"-Pravoved". 2007. № 4. S. 103-106.
11. Pastushkova L.N., Balyuk N.N. K voprosu o posledstviyakh vvedeniya primechanii k st. 198 i 199 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2013. № 4. S. 341-345.
12. Kuznetsova N.I. Obshchie i spetsial'nye vidy osvobozhdeniya ot ugovornoj otvetstvennosti za sovershenie ekologicheskikh prestuplenii: opyt teoreticheskogo modelirovaniya // Rossiiskii sledovatel'. 2025. № 3. S. 28-31.

13. Borkov V.N., Suverov S.V. Obshchie i spetsial'nye vidy osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti: naznachenie, tseli, osobennosti konstruirovaniya // Pravoprimerenie. 2022. № 1. S. 162-173.
14. Akopyan A.V. Problemy osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti vzyatkodatelya, esli imelo mesto vymogatel'stvo vzyatki // Pravo: istoriya, teoriya, praktika: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg: Svoe izdatel'stvo, 2015. S. 108-111.
15. Yani P.S. Vymogatel'stvo vzyatki kak priznak krainei neobkhodimosti, iskluchayushchei otvetstvennost' za dachu vzyatki // Zakonnost'. 2012. № 5. S. 16-19.
16. Zhao L. Manifestation of cultural values in educational advertising // Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology. 2023. № 6. Pp. 131-139.
17. Agafonova T.S., Dmitrienko N.A. The peculiarity of female crime // Trends in the development of science and education. 2024. № 106-6. Pp. 190-192.

Amitology as a School Shooting Prevention Method: Potential Assessment

Avak'yan Mihail Vladimirovich

PhD in Law

Associate Professor; Higher School; Higher School of Law; Immanuel Kant Baltic Federal University

236010, Russia, Kaliningrad region, Kaliningrad, Central district, Belinsky St., 6A, sq. 13

✉ avakyan1992@gmail.com

Balanovskii Valentin Valentinovich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Higher School of Higher School of Philosophy, History and Humanities; Immanuel Kant Baltic Federal University

236006, Russia, Kaliningrad region, Kaliningrad, Leningradsky district, A. Nevsky St., 14

✉ v.v.balanovskiy@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is the organization of prevention of school shootings and other forms of deviant behavior in the educational environment. The approaches to understanding the nature and legal status of school shootings were analyzed. The necessity of systematic preventive work in the educational environment at various levels – from ideological to individual, concerning potential school shooters – was substantiated. The author's perspective on the existing concept of preventive work was formulated; its main directions are aimed at explaining to young people the destructive nature of various types of deviant behavior, forming an understanding of the inevitability of punishment for committing such actions, and informing about the tightening of criminal liability measures. There was also made an attempt to investigate the hypothesis that the targeted development of social skills and the creation of a cohesive atmosphere in a group can reduce the risks of social exclusion and aggressive behavior among students.

The methodological basis of the study, along with a set of general scientific methods (observation, comparison, analysis, synthesis, generalization, deduction), also included the method of comparative legal research, as well as developments in the field of integralism. The research was conducted using materials from specialized criminological literature and the socio-philosophical works of one of the founders of modern sociology, P.A. Sorokin. The scientific article is the first to assess the applicability of P.A. Sorokin's amitology to the

prevention of unlawful behavior among youth, particularly school shootings. In doing so, the thesis is substantiated that the education system possesses a number of significant advantages over family, friends, and the church as an environment for forming a stable capacity for constructive altruism. Based on the research findings, it was concluded that P.A. Sorokin's developments in the field of amitology hold significant potential for organizing the prevention of various forms of deviant behavior among youth. In particular, the concept of "altruistic love" as a foundation for social harmony and solidarity offers an alternative to repressive and purely rational approaches to preventing various forms of deviant behavior in the educational environment.

Keywords: altruism, prevention, education, youth, deviant behavior, terrorism, Columbine, school shooting, integralism, amitology

References (transliterated)

1. Kilimnik E. V. Ideologicheskaya bezopasnost' v Rossii // Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. 2023. № 6-1. S. 175-178.
2. Rozhkova A.K. K voprosu vydeleniya novykh vidov natsional'noi bezopasnosti: ideologicheskaya bezopasnost' (potentsial tserkvi) // Teoriya gosudarstva i prava. 2020. № 3 (19). S. 157-169. DOI: 10.25839/MATGIP.2020.19.3.013 EDN: COAEW
3. Avak'yan M.V., Osipova E.V. Kriminalisticheskie osobennosti lichnosti skulshutera v Rossiiskoi Federatsii // V sbornike: Issledovatel'skaya transformatsiya pedagogicheskogo obrazovaniya: traditsii kak osnova dlya innovatsii. Sbornik nauchnykh trudov X Mezhdunarodnogo foruma po pedagogicheskomu obrazovaniyu. Kazan', 2024. S. 12-19. EDN: YZRHZY
4. Goncharov L.A. "Kolumbain" i skulshuting v strukture molodezhnogo ekstremizma i terrorizma / L.A. Goncharov // Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i sotsial'nogo upravleniya. 2019. № 2. S. 29-31. EDN: BNGYVL
5. Davydov D.G. Massovye ubiistva v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh: mekhanizmy, prichiny, profilaktika / D.G. Davydov, K.D. Khlomov. DOI: 10.11621/npj.2018.0406 // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2018. № 4 (32). S. 62-76. EDN: VUSFIW
6. Rowhani-Rahbar A., Moe C. School Shootings in the U.S.: What Is the State of Evidence? // Journal of Adolescent Health. 2019. № 64 (6). pp. 683-684.
7. Nikishin V. D. Kolumbain (skulshuting): sushchnost', pravovaya kvalifikatsiya, kriminalisticheskaya diagnostika // Lex russica. 2021. T. 74. № 11. S. 62-76. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.062-076 EDN: GUZXTL
8. Tyshchenko E.A. Skulshuting: sovremennaya prichina strakhov uchashchikhsya // Innovatsionnoe razvitie nauki obrazovaniya: sbornik statei VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Penza: Nauka i prosveshchenie, 2019. S. 300-302. EDN: IRWTGJ
9. Volkova T.A. Formirovanie kul'tury "kolumbainerov" v amerikanskikh uchebnykh zavedeniyakh i ee vliyanie na molodezhnyuyu sredu v sovremennoi Rossii // Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya. 2018. № 4(12). S. 79-87. DOI: 10.25730/VSU.2070.18.059 EDN: YLOPER
10. Mamontova E.A. Vozniknovenie i dinamika razvitiya fenomena skulshutinga v Rossii // Pravo: istoriya i sovremennost'. 2023. T. 7. № 1. S. 71-81. DOI: 10.17277/pravo.2023.01.pp.071-081 EDN: ORJFVA
11. Karpova A.Yu., Maksimova N.G. Skulshuting v Rossii: chto imeet znachenie? // Vlast'. 2021. T. 29. № 1. S. 93-108. DOI: 10.31171/vlast.v29i1.7920 EDN: QLQYTP

12. Sukhodol'skaya Yu.V. Skulshuting kak samostoyatel'nyi kriminologicheskii fenomen // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii. 2020. № 3 (77). S. 117-120. EDN: CPENAT
13. Biryukova A.A. Analiz problem vooruzhennogo napadeniya uchaschchikhsya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh // Aktual'nye problemy bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti i fizicheskoi kul'tury: sb. nauch. statei fakul'teta fizicheskoi kul'tury i bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti / pod redaktsiei L.V. Kashitsynoi. Saratov, 2018. S. 21-25.
14. Tyshchenko E.A. Skulshuting: sovremennaya prichina strakhov uchaschchikhsya // Innovatsionnoe razvitie nauki i obrazovaniya: sbornik statei VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 2019. S. 300-302. EDN: IRWTGJ
15. Osipova E.V., Avak'yan M.V. Kriminalisticheskii analiz skulshtuinga v Rossii i za rubezhom // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2023. № 1. S. 128-137. DOI: 10.31085/2310-8681-2023-1-204-128-137 EDN: AVTDYO
16. Verkhovnyi Sud Rossiiskoi Federatsii priznal "Kolumbain" terroristicheskoi organizatsiei // Ofitsial'nyi portal General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii // Elektronnyi rezhim dostupa: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news-item=70034347> (data obrashcheniya: 12.09.2025).
17. Verkhovnyi sud priznal dvizhenie "Kolumbain" terroristicheskim // Informatsionnoe agentstvo TASS // Elektronnyi rezhim dostupa: <https://tass.ru/obschestvo/13595009> (data obrashcheniya: 15.09.2025).
18. Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii profilakticheskoi raboty v obrazovatel'nykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya, realizuemykh v ramkakh uchebnogo protsessa, a takzhe obshchevospitatel'nykh, patrioticheskikh i dosugovykh meropriyatiy / pod obshch. red. Churilova S. A. Moskva, Rostov-na-Donu, 2022. S. 30. // Elektronnyi rezhim dostupa: <https://docs.edu.gov.ru/document/e3353f8d61bee06c88bb8c5076b9f956/> (data obrashcheniya: 15.09.2025).
19. Petrazÿcki, L. Die Lehre vom Einkommen vom Standpunkt des gemeinen Civilrechts. Berlin: Verlag von H. W. Müller, 1893. S. 468, 477.
20. Petrazhitskii L.I. Vvedenie v izuchenie prava i нравstvennosti. Osnovy emotsional'noi psikhologii. SPb.: Tipografiya Yu.N. Erlikh, 1908. S. 3.
21. Sorokin P.A. Amitology as an Applied Science of Amity and Unselfish Love // Specht K.G. (hrsg.). Soziologische Forschung in Unserer Zeit. Köln: Springer Fachmedien Wiesbaden, 1951. S. 277-279.
22. Golovko Yu.V. Est' li budushchee u al'truizma i amitologii? // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa-Lesnoi vestnik. 2006. № 7. S. 117-122. EDN: JKGUXB
23. Dostoevskii F.M. Brat'ya Karamazovy: Roman v chetyrekh chastyakh. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1972. S. 341.
24. Weinstein J. Giving altruism its due: A possible world or possibly no world at all // J. of applied social science. Thousand Oaks (CA), 2008. Vol. 2, N 2. pp. 20-70.
25. Golovko Yu.V. Al'truizm i amitologiya kak faktory integratsii obshchestva: istoriko-filosofskii analiz // Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsii. 2019. T. 10. № 4 (25). S. 39-43. EDN: IIRMZJ
26. Sorokin P.A. Populyarnye ocherki sotsial'noi pedagogiki i politiki // Sorokin P.A. Populyarnye ocherki teorii prava, sotsiologii i sotsial'noi pedagogiki / Sost., podgot. teksta, vstup. ct. i komment. V.V. Sapova. Syktyvkar: OOO "Anbur", 2019. 592 s.

27. Pitirim A. Sorokin. The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation // Pp. xiv, 552. Boston: Beacon Press, 1954.
28. Sorokin P.A. Tainstvennaya energiya lyubvi // SotsIs. M., 1991. № 9. S. 121-159.
29. P.A. Zavety Dostoevskogo // Artel'noe delo. Pg., 1921. № 17-20. S. 4-7.
30. Bibliya. Sovremenniy russkii perevod // M.: Rossiiskoe Bibleiskoe Obshchestvo, 2020. 3-e izd., pererab. 1408 s.
31. Ivanova S.I. Globalizatsiya i konflikty identichnosti // Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. 2025. № 3 (55). S. 25-30. EDN: XRKZAE
32. Manzhula I.A., Peftiev O.V. Vliyanie globalizatsii na etnicheskuyu identichnost' // V knige: Chelovek v prostranstve sovremennoi kul'tury. Sbornik materialov VI Respublikanskoi studencheskoi nauchnoi konferentsii. Donetsk, 2025. S. 169-172. EDN: FYNPVU
33. Belyaeva M.V. Geografiya v usloviyakh globalizatsii i problema formirovaniya natsional'noi identichnosti // Sibirskii pedagogicheskii zhurnal. 2013. № 5. S. 42-46. EDN: RNHQYR
34. V Rossii za chetyre goda vdvoe vyroslo chislo ateistov // Informatsionnoe agentstvo "RBK". 23.03.2021. Elektronnyi rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/society/23/03/2021/6059a2fd9a7947c314aab9c4> (data obrashcheniya: 05.08.2025).
35. VShE: bol'shinstvo rossiyan nazyvayut sebya veruyushchimi // Setevoe izdanie Vedomosti (Vedomosti). 21.05.2024. Elektronnyi rezhim dostupa: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/05/21/1038381-vshe-bolshinstvo-rossiyan-nazivayut-sebya-veruyushchimi> (data obrashcheniya: 06.08.2025).
36. VTsIOM zafiksiroval rost interesa k religii sredi molodezhi // Informatsionnoe agentstvo "FederalPress". 24.07.2025. Elektronnyi rezhim dostupa: <https://fedpress.ru/news/77/society/3391517> (data obrashcheniya: 06.08.2025).
37. Sorokin P.A. Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: Sotsiologicheskii etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali / Sost., podg. teksta, vstup. st. i komment. V. V. Sapova. M: Astrel', 2006. 618 s.
38. Sorokin P. A. Prachechnaya chelovecheskikh dush: Khudozhestvennye proizvedeniya. 1907–1923 / Sost., podg. teksta, vstup. st. i komment. V.V. Sapova i M.V. Lomonosovoi. Syktyvkar: OOO "Anbur", 2017. S. 109-269. EDN: YRNOHD
39. Dolgov A.Yu. Genezis teorii sozidatel'nogo al'truizma Pitirima Sorokina: sotsial'no-istoricheskii i metodologicheskii aspekty // Sotsiologicheskii ezhegodnik. 2013. № 1. S. 267-279. EDN: RAMSCZ

The release of accused participants of the special military operation from criminal liability and the rights of the victim.

Chekulaev Dmitrii Petrovich

PhD in Law

Associate Professor; Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University (Lomonosov Moscow State University)

119071, Russia, Moscow, Leninsky Prospekt, 31, room 1, building 13

 dm_ch@inbox.ru

Abstract. The article analyzes specific problems of doctrinal and practical nature that have

arisen as a result of the consolidation in criminal and criminal procedural legislation, legislation on military duty and military service, mobilization legislation, the procedure for concluding a contract for military service with defendants during mobilization, states of emergency, and wartime. It explores a new, previously unknown procedure for depenalization in Russian legislation, which is based on public interests – expanding the group of individuals engaged on a voluntary (quasi-voluntary) basis in combat operations as part of the Armed Forces of Russia. This procedure has significant differences from the general approaches to the grounds and procedure for making decisions on exempting the accused from criminal liability in peacetime. This phenomenon (the procedure for exempting the accused from criminal liability in special periods or times) requires deep scientific reflection. Through the lens of the rights of the victim, the relationships arising from the application of the new order for releasing accused individuals from criminal liability are examined, as well as the potential conflict between public and private interests (the interests of the victim) resulting from this procedure. The opinion is expressed on the necessity for further comprehensive intersectoral (criminal, criminal procedural, criminological) study of the phenomenon of exemption from criminal liability of a broad range of accused individuals, especially in the commission of serious and particularly severe crimes against life and health, against property, without taking into account the views of victims of such crimes. It is proposed to limit the admissibility of applying such a procedure to suspects and accused persons, preserving it only for those convicted with the possibility of applying the criminal law institution of deferring punishment in the case of concluding the corresponding contract for military service. It is also suggested to expand the list of crimes for which accused individuals cannot conclude the relevant contract with the command of the military unit. As an additional guarantee of ensuring the right of the victim to access justice and compensation for damages, as provided for in Article 52 of the Constitution of the Russian Federation, the creation of a fund to assist victims of crimes, the investigation of which has been suspended in public interests related to the conclusion of a contract for military service with the accused during special periods or times, is proposed.

Keywords: martial law, non-rehabilitating base, criminal liability, termination of a criminal case, accused, victim assistance fund, realization of constitutional rights, victim, special military operation, special period

References (transliterated)

1. Khimicheva G. P., Michurina O. V., Khimicheva O. V. Okonchanie predvaritel'nogo rassledovaniya prekrashcheniem ugovnogo dela: monografiya. Ryazan' : Uzoroch'e, 2001. EDN: WCROPJ.
2. Golovko L. V. Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti i osvobozhdenie ot ugovnogo presledovaniya: sootnoshenie ponyatii // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 6. S. 41–51.
3. Trusov A. I. Vozbuzhdenie i prekrashchenie ugovnogo presledovaniya: traditsii i sovremennost'. V kn.: Uchenye-yuristy MGU o sovremennom prave / pod red. M. K. Treushnikova. M. : Gorodets, 2005.
4. Sverchkov V. V. Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti, prekrashchenie ugovnogo dela (presledovaniya), otkaz v ego возбуждении: problemy teorii i praktiki. SPb. : Yuridicheskii tsentr, 2008. EDN: RYRVZF.
5. Petrukhin I. L. Teoreticheskie osnovy reformy ugovnogo protsesssa v Rossii: chast' II. M. : Prospekt, 2005.
6. Kalugin A. G. K voprosu o sovershenstvovanii protsessual'nogo mekhanizma

- osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti // Pravovye problemy rossiiskoi gosudarstvennosti: Sb. statei. – Ch. 30 / pod red. M. K. Sviridova. Tomsk : Izd. Tomsk. universiteta, 2006. S. 37–42. EDN: VSRYFJ.
7. Alikperov Kh. D. Osvobozhdenie ot ugolovnoi otvetstvennosti. M. : MPSI; IPK RK Genprokuratury RF; Voronezh : NPO "MODEK", 2001.
 8. Ugolovnyi protsess: problemy teorii i praktiki / pod red. A. V. Endol'tsevoi, O. V. Khimichevoi. M. : Yuniti-Dana, 2019.
 9. Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: problemnyi kurs dlya magistrantov i aspirantov : v 3 t. T. 2 Kniga 2 / pod obshch. red. A. N. Savenkova; nauch. red. i ruk avt. kol. A. I. Chuchaev. M. : Prospekt, 2024.
 10. Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: problemnyi kurs dlya magistrantov i aspirantov : v 3 t. T. 1 / pod obshch. red. A. N. Savenkova; nauch. red. i ruk avt. kol. A. I. Chuchaev. M. : Prospekt, 2024.
 11. Golovko L. V. Diskussionnye voprosy priostanovleniya i prekrashcheniya ugolovnogho presledovaniya v otnoshenii uchastnikov spetsial'noi voennoi operatsii // Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii. 2025. T. 31. № 1 (96). S. 5-10. – DOI 10.24412/1999-625X-2025-196-5-10. EDN: DWBZQI.
 12. Grebenskii D. S. Istoriya i razvitie pravovogo regulirovaniya otnoshenii, svyazannykh s privlecheniem grazhdan, imeyushchikh sudimost', k uchastiyu v boevykh deistviyakh // Voennoe pravo. 2024. № 5 (87). S. 18–24. EDN: XGHZFL.
 13. Zagvozdkin N. N., Korshikova E. O. Federal'nyi zakon ot 24 iyunya 2023 g. № 270-FZ "Ob osobennostyakh ugolovnoi otvetstvennosti lits, privlekaemykh k uchastiyu v spetsial'noi voennoi operatsii": zametki na polyakh // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2023. № 4. S. 101–106. – DOI 10.24412/2073-3305-2023-4-101-106. EDN: EOSRJB.
 14. Golovko L. V. Primenenie zakona ob osvobozhdenii ot ugolovnoi otvetstvennosti uchastnikov SVO: zakonodatel'nye voprosy // Ugolovnyi protsess. 2023. № 11. S. 26–28. EDN: UZLBDA.
 15. Lopashenko N. A. Osnovnye itogi reformirovaniya ugolovnogho zakonodatel'stva v 2023 g. // Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2024. № 1. S. 69–81. – DOI 10.34076/2410-2709-2024-139-1-69-81. EDN: NQBBYR.
 16. Prekrashchenie ugolovnogho presledovaniya v otnoshenii uchastnika SVO // Ugolovnyi protsess. 2023. № 11. S. 22–25. EDN: WNXUIB.
 17. Otveti na voprosy glavnogo redaktora zhurnala "Ugolovnyi protsess" I. Ramazanova, zaveduyushchego kafedroi ugolovnogho protsessa, pravosudiya i prokurorskogo nadzora yuridicheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova, doktora yuridicheskikh nauk, professora L. V. Golovko // Ugolovnyi protsess. 2025. № 2. S. 34–41. EDN: ICZHCH.
 18. Kurs ugolovnogho protsessa / pod red. L. V. Golovko. 4-e izd., ispr. i dop. M. : Statut, 2025.
 19. Chekulaev D. P. Poterpevsheii: dostup k pravosudiyu i kompensatsiya prichinennogo ushcherba. M. : Yurlitinform, 2006. EDN: QWYQDD.
 20. Chekotkov A. Yu. Vozmozhnost' uiti na SVO, ne dozhidayas' prigovora: ustranenie probela ili izmenenie logiki zakonodatelya? // Zakon. 2024. № 10. S. 93–96.
 21. Kudryavtseva A. I., Rusman G. S. Osvobozhdenie ot ugolovnoi otvetstvennosti uchastnikov SVO v sude po khodataistvu komandovaniya voinskoi chasti // Ugolovnyi protsess. 2025. № 3. S. 24–33. EDN: GBTNLW.
 22. Otveti na voprosy glavnogo redaktora zhurnala "Ugolovnyi protsess" I. Ramazanova, zamestitelya Predsedatelya Verkhovnogo Suda RF – predsedatelya sudebnoi kollegii po

- ugolovnym delam Verkhovnogo Suda RF V. A. Davydova // Ugolovnyi protsess. 2025. № 2. S. 24–33. EDN: QKMDOW.
23. Yunusov A. A., Cheremisina T. V. Priostanovlenie sledstviya v otnoshenii uchastnika SVO: voprosy praktiki // Ugolovnyi protsess. 2025. № 3. S. 46–50. EDN: CMYVKY.
24. Maslov V. A. Vliyanie spetsial'noi voennoi operatsii na prestupnost' v Rossii // Lex Russica. 2025. T. 78. № 3. S. 98–119. – DOI 10.17803/1729-5920.2025.220.3.098-119. EDN: ZHDDKY.
25. Galaktionov S. A., Kulakov A. V., Afanas'evskii V. L. Aktual'nye voprosy osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti v svyazi s pryzvom na voennuyu sluzhbu (st. 781 UK RF) // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. Nauchno-prakticheskii zhurnal. 2024. № 5 (61). S. 14–18. – DOI 10.37523/SUI.2024.61.5.002. EDN: FKXUJT.
26. Ariya S. L. Shtrafniki. V kn.: Zhizn' advokata. Tula : Avtograf, 2003.
27. Kibal'nik A. G. "Voennye" vidy osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti i nakazaniya: pervye vyvody iz praktiki // Ugolovnyi protsess. 2025. № 3. S. 38–45. EDN: RCJIZY.
28. Zaitsev O. A., Sevost'yanova A. V. Aktual'nye problemy razvitiya instituta grazhdanskogo iska v ugolovnom sudoproizvodstve // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2025. № 3. S. 146–151.
29. Komleva Yu. V. "Privilegirovannyi isk" v golovnom dele: osnovaniya i poryadok primeneniya Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii pri ego rassmotrenii // Grazhdanskoe i arbitrazhnoe sudoproizvodstvo: istoriya i sovremennost': Sb. materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi vydayushchemusya protsessualistu M. K. Treushnikovu (Moskva, 7 noyabrya 2024 g.) / nauch. red. i sost. M. V. Mamatov, E. V. Kremneva, I. A. Maslov. M. : Gorodets, 2025. S. 293–299.
30. Kupriyanov A. A. Spravedlivost' osvobozhdeniya uchastnikov SVO ot vozmeshcheniya ushcherba poterpevshemu // Ugolovnyi protsess. 2025. № 3. S. 8. EDN: TMYAMV.

On the problematic issue of invoking to the international legal responsibility of the military-political alliances by bodies of the international judicial system

Skulakov Roman Mikhailovich

PhD in Law

Scientific consultant; Non-departmental Scientific Research Institute for Security and Investigation Studies (VNII BiS), Moscow

26 Barvikha settlement, Odintsovo, Moscow region, 143083, Russia

 romans231078@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of legal barriers preventing the calling of military-political unions to international responsibility. The author examines the limitations of the jurisdiction of the International Court of Justice related to the lack of locus standi status for international organizations, and considers arbitration as an alternative dispute settlement mechanism. The examples of the practice of the International Court of Justice, the Permanent Court of Arbitration and regional arbitrations demonstrate the contradiction between normative declarations and the actual enforcement of international acts. The analysis of the decisions of the International Court of Justice in matters of responsibility of international organizations is carried out. Special attention is paid to the need to amend the Statute of the

International Court of Justice and to develop universal arbitration procedures. In conclusion, the proposals on reforming the international legal system to ensure the responsibility of military-political unions are substantiated. The study uses a set of general scientific and private scientific research methods based on the general philosophical principles of objectivity, comprehensiveness, universal connection and development. The author applied a systematic and functional approach. A special place in the study is given to the formal legal method. The scientific novelty of the work lies in a comprehensive analysis of the legal barriers preventing the implementation of the responsibility of the UPU, and the proposal of alternative dispute resolution mechanisms. The main results of the study are the identified significant limitations of the jurisdiction of the International Court of Justice in relation to international organizations, the analysis of the practice of the International Court of Justice, the Permanent Court of Arbitration and regional arbitrations, the justification for the need to amend the Statute of the International Court of Justice to expand the possibilities of bringing military and political unions to justice, and the proposed concept of using arbitration as an alternative mechanism dispute settlement, the developed recommendations on the reform of the international legal system, in the revealed contradictions between normative declarations and actual law enforcement in the context of the responsibility of military-political unions. The study proves the need to improve the mechanisms for bringing military-political unions to international responsibility through the reform of existing legal institutions and the development of alternative dispute resolution methods.

Keywords: legal mechanism, international organization, advisory opinion, international justice, international disputes, jurisdiction, arbitration, International Court of Justice, military-political alliance, law enforcement

References (transliterated)

1. Kholikov I. V. Bor'ba za mir (o narusheniyakh norm mezhdunarodnogo prava Severoatlanticheskim al'yansom) // Gosudarstvo i pravo. 2025. № 5. DOI 10.31857/S1026945225020109.
2. Baimyshev V. G. O probleme regulirovaniya mezhdunarodno-pravovoi otvetstvennosti voenno-politicheskikh soyuzov // Rossiiskoe obshchestvo i sotsial'no-pravovye aspekty ego bezopasnosti: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva, 25-26 aprelya 2024 goda. – M.: Universitet prokuratury RF, 2024. – EDN DDILOE.
3. Sazonova K. L., Kholikov I. V. Problemnye voprosy realizatsii mezhdunarodnoi otvetstvennosti mezhdunarodnykh organizatsii za narusheniya norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava // Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voенно-pravovoe obozrenie. 2022. № 4(297).
4. International Court of Justice. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons: Advisory opinion of 8 July 1996.
5. Eagleton C. International Organization and the Law of Responsibility // RdC. 1950. Vol. 76.
6. Lukashuk I. I. Pravo mezhdunarodnoi otvetstvennosti. – M.: Volters Kluver, 2005.
7. Gulasaryan A. S. Mezhdunarodno-pravovaya implementatsiya norm ob otvetstvennosti mezhdunarodnykh organizatsii. – M.: Statut, 2015. – EDN UWIAWH.
8. Baimyshev V. G. O problemnykh voprosakh implementatsii mezhdunarodno-pravovoi otvetstvennosti voenno-politicheskikh soyuzov // Voенное pravo. 2025. № 2 (90).
9. Kratkoe izlozhenie reshenii, konsul'tativnykh zaklyuchenii i postanovlenii

- Mezhdunarodnogo Suda: 1992–1996 gody. – N'yu-Iork: OON, 1998.
10. Cassese A. The International Court of Justice: It is High Time to Restyle the Respected Old Lady // Cassese A. Realizing Utopia: The Future Role of International Law. – Oxford, 2012.
 11. Thirlway H. W. Advisory Opinions of International Courts // Bernhardt R. (ed.). Encyclopedia of Public International Law. – Amsterdam, 1981. Vol. 1.
 12. Kapustin A. Ya. Mezhdunarodnye organizatsii v globaliziruyushchemsya mire. – M.: RUDN, 2010. – EDN QRYIQD.
 13. Rosenne Sh. The Law and Practice of the International Court 1920–2005. – Martinus Nijhoff Publishers, 2006. Vol. II. – EDN QXGEXH.
 14. Jessup Ph. A Modern Law of Nations: An Introduction. – New York, 1948.
 15. Shibaeva E. A. Pravovoi status mezhpriatel'stvennykh organizatsii. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1972.
 16. Neshataeva T. N. Mezhdunarodnye organizatsii i pravo. Novye tendentsii v mezhdunarodno-pravovom regulirovanii. – M., 1998.
 17. Baimyshev V. G. K voprosu o mezhdunarodno-pravovykh normakh regulirovaniya otvetstvennosti voenno-politicheskikh soyuzov // Voennoe pravo. 2025. № 1(89).
 18. Katekhizis normativnosti: sinkreticheskie razmyshleniya o filosofskikh osnovaniyakh voennogo prava / I. V. Kholikov, A. V. Dakhin, A. D. Kuman'kov [i dr.] // Gosudarstvo i pravo. 2024. № 6. DOI 10.31857/S1026945224060067. – EDN JPAPLH.
 19. Brownlie I. The Rule of Law in International Affairs. – The Hague, 1998.
 20. Luchshie protiv luchshikh: krupneishie protsessy v mezhdunarodnom torgovom arbitrazhe, deistvuyushchie litsa i ispolniteli // Treteiskii sud. 2006. № 6.
 21. Luchshie protiv luchshikh: krupneishie protsessy v mezhdunarodnom torgovom arbitrazhe, deistvuyushchie litsa i ispolniteli // Treteiskii sud. 2007. № 1, 2.
 22. Nikiforov I. V. Khroniki mezhdunarodnogo arbitrazha. Luchshie protiv luchshikh: raund vtoroi // Treteiskii sud. 2008. № 4-6.
 23. Goldhaber M. D. Arbitration Scorecard // American Lawyer Focus Europe. 2009. July 01.
 24. Permanent Court of Arbitration Optional Rules for Arbitration Involving International Organizations and States, 1996.
 25. Gulasaryan A. Mezhdunarodnye organizatsii i razreshenie sporov: nekotorye problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2018. № 2 (26).
 26. Doklad Komissii OON po pravu mezhdunarodnoi trgovli. A/CN.9/665: p. 47-50 / [Elektronnyi resurs] // Ofitsial'nyi sait OON. URL: <https://uncitral.un.org/ru/commission> (data obrashcheniya: 15.09.2025).
 27. Kholikov I. V. Primenenie vooruzhennoi sily chastnymi morskimi okhrannymi kompaniyami: dinamika granits i spetsifika pravovogo regulirovaniya v sovremennom mire / I. V. Kholikov, V. A. Okocha // Zhurnal rossiiskogo prava. 2020. № 12. DOI 10.12737/jrl.2020.154. – EDN UPVTVB.
 28. Kholikov I. V. Protivodeistvie prestupnym posyagatel'stvam na mezhdunarodnuyu morskuyu bezopasnost' / I. V. Kholikov // Prestupnost' v XXI veke. Prioritetnye napravleniya protivodeistviya / Institut gosudarstva i prava RAN. – M.: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo "Yuniti-Dana"", 2020. – EDN DUQIOJ.
 29. Ispolinov A. S. Ispolnenie reshenii mezhdunarodnykh sudov: teoriya i praktika // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2017. № 1 (21).
 30. Kapustin A. Ya. Obshchie printsipy prava kak istochnik prava Evropeiskogo Soyuza // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2000. №

1. S. 119-128. – EDN IIQOVH.

31. Sovremennaya kontseptsiya vzaimodeistviya mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava / A. Ya. Kapustin, V. R. Avkhadeev, G. M. Aznagulova [i dr.]. – Moskva: Izdatel'skii dom "Infra-M", 2023. DOI 10.12737/1926386. – EDN EKYHRA.
32. Kholikov I. V. Mezhdunarodno-pravovye aspekty protivodeistviya sovremennym ugrozam bezopasnosti // Materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Gryadushchim pokoleniyam zaveshchaem: tvorit' dobro v zashchitu prava". – Orenburg: OOO "Pervaya tipografiya", 2017. – EDN QSCSGC.
33. Kholikov I. V. Translyatsiya znaniy i kriterii nauchnosti: kontsepty sovremennoi teorii voennogo prava / I. V. Kholikov, P. Yu. Naumov // Gosudarstvo i pravo. 2024. № 1. DOI 10.31857/S1026945224010101. – EDN LQLFNW.
34. Shibaeva E. A. Pravo mezhdunarodnykh organizatsii: Voprosy teorii. – M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1986.

International legal foundations for regulating climate change and ways to enhance the effectiveness of international cooperation

Dvoinova Elizaveta Alekseevna

Independent researcher

41 Gogol Street, Leninsky District, Vladivostok, Primorsky Krai, 690014, Russia

 dnfsach@yandex.ru

Litvinova Svetlana Fedorovna

PhD in Law

Associate Professor; Institute of Law; Vladivostok State University

41 Gogol Street, Leninsky District, Vladivostok, Primorsky Krai, 690014, Russia

 svetlana.litvinova@wsu.ru

Abstract. The subject of the study is the international legal mechanisms for regulating climate change and their interaction with national legal regimes, particularly the legal practices of the Russian Federation. A systematic analysis of international climate law has been conducted, revealing key gaps: fragmentation of enforcement and accountability mechanisms, challenges in fairly distributing burdens between developed and developing countries, insufficient coherence between international and national legal regimes, limited accessibility to procedures for compensating transboundary climate damage, and difficulties in proving causal links in climate disputes. The achievements in secondary and strategic acts (strategies, "roadmaps" for the Paris Agreement, carbon accounting methodologies) in the Russian Federation are noted, but there is a lack of coordination, absence of unified climate legislation, and not always effective integration of "hard" and "soft" law. A synthetic interdisciplinary approach has been applied, combining systemic-legal, comparative-legal, and doctrinal analyses, institutional and functional-legal approaches with elements of climatology, political science, and economics. Methods of analyzing the treaty framework, monitoring and financial mechanisms, comparing national practices (Russia, EU: Germany, France), and studying judicial precedents have been used. The work combines a comprehensive legal and

institutional analysis of international climate norms with a detailed assessment of their implementation practices in Russia and comparable jurisdictions, proposing unified approaches to standardizing the evidentiary basis in climate disputes and formulating specific mechanisms for translating elements of "soft" law into national legislation. New practical and legal tools have been identified: centralized scientific-legal commissions for unifying expertise, methodological standards for establishing causation, and hybrid funding models for adaptation measures. Based on the conducted research, eight priority measures are proposed to enhance the effectiveness of climate regulation: from creating national climate councils and formalizing "soft law" standards to developing unified standards of proof in climate disputes, expanding access to justice, harmonizing extraterritorial regulation, and strengthening international financial mechanisms. The necessity of a comprehensive, multi-level approach is emphasized, combining legal harmonization, institutional reform, civil society participation, and fair distribution of resources and responsibilities. Such an approach is viewed as a prerequisite for forming a sustainable and legitimate global climate legal order that responds to the challenges of the 21st century.

Keywords: climate justice, extraterritorial regulation, Russian Federation, implementation, mild legal norm, historical pollutants, transboundary damage, UNFCCC, Paris Agreement, international climate law

References (transliterated)

1. Virt A. Devid. Global'noe upravlenie v sfere izmeneniya klimata: Parizhskoe soglasenie: novyi komponent klimaticheskogo rezhima OON. URL: <https://iorj.hse.ru/data/2018/01/15/1160388967/D.A.%20Virt.pdf> (data obrashcheniya: 10.10.2025).
2. Garafova D. I. Osobennosti natsional'no-pravovoi implementatsii mezhdunarodnykh klimaticheskikh soglasenii: sravnitel'no-pravovoi analiz rossiiskogo i yaponskogo zakonodatel'stv // VEPS. 2017. № 4. URL: <http://www.vestnykeps.ru/0417/33.pdf> (data obrashcheniya: 09.10.2025). EDN: YKHPZM.
3. Zaprutin D. G. Ekologicheskoe pravo v usloviyakh izmeneniya klimata: vyzovy i perspektivy // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2024. № 9-2 (96). URL: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2024/10/Zaprutin.pdf> (data obrashcheniya: 10.10.2025).
4. Zakharov T. V. Mezhdunarodno-pravovye problemy izmeneniya klimata // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo: Referativnyi zhurnal. 2024. № 1. URL: <https://inion-journalaw.ru/article.php-id=35> (data obrashcheniya: 10.10.2025). DOI: 10.31249/iajpravo/2024.01.08. EDN: SGUKMR.
5. Nikonov R. V. Printsipy v zakonodatel'stvakh Rossii, Germanii i Frantsii v sfere preduprezhdeniya izmeneniya klimata // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2019. № 12 (180). URL: https://abis.lib.tomsk.ru/pwb/detail-db=DB_MARS20&id=36877%5Cru%5Ctspusrl%5Cmars20%5C (data obrashcheniya: 10.10.2025).
6. Reshenie suda po delu Asmania v. Holcim Ltd. URL: <https://www.climateinthecourts.com/indonesian-islanders-take-their-fight-for-climate-justice-to-swiss-court/> (data obrashcheniya: 11.10.2025).
7. Reshenie suda po delu Lliuya v. RWE AG. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Lliuya_v_RWE_AG (data obrashcheniya: 11.10.2025).

8. Samonchik O. A. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo rossiiskoi federatsii v oblasti izmeneniya klimata i ego vozdeistviya na sel'skoe khozyaistvo // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2021. № 8 (200). URL: [//rusneb.ru/catalog/000199_000009_010914062/](https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010914062/) (data obrashcheniya: 10.10.2025).
9. Tigre F., Veverinke-Singh D. Sudebnye dela o transgranichnom vozdeistvii promyshlennykh zagryaznenii: novye tendentsii i trudnosti. URL: <https://www.npr.org/2024/12/02/nx-s1-5213193/climate-change-un-rising-seas> (data obrashcheniya: 10.10.2025).
10. Umnova-Konyukhova I. A. Klimaticheskoe pravo kak otvet na global'noe izmenenie klimata i ego posledstviya: sovremennye podkhody k formirovaniyu i perspektivy razvitiya // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo: Referativnyi zhurnal. 2024. № 1. URL: <https://inion-journalaw.ru/files/-Konyukhova%20I.A..pdf> (data obrashcheniya: 13.10.2025). DOI: 10.31249/iajpravo/2024.01.01. EDN: ILYCHB.
11. Khakhina A. A. Mezhdunarodno-pravovye mekhanizmy otvetstvennosti za neblagopriyatnye posledstviya izmeneniya klimata, privodyashchie k zatopleniyu gosudarstvennoi territorii / A. A. Khakhina // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2016. № 8. S. 409-416. EDN: XGSQKB.
12. Khizhnyak V. S. Printsipy konstitutsionno-pravovoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti okhrany okruzhayushchei sredy v usloviyakh globalizatsii // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2021. № 3. S. 44-50. DOI: 10.24412/1608-8794-2021-3-44-50. EDN: AYMPHZ.
13. Yakovlev I. A., Kabir L. S., Nikulina S. I. Klimaticheskaya politika Rossiiskoi Federatsii: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo i natsional'nyi podkhod // Finansovyi zhurnal. 2020. № 4. URL: <https://rucont.ru/efd/576753> (data obrashcheniya: 10.10.2025). DOI: 10.31107/2075-1990-2020-4-26-36. EDN: OIZDEG.
14. Mayer B. International Law Obligations on Climate Change Mitigation. Oxford, 2023. P. VII-VIII.
15. Tigre M., Wewerinke-Singh M. Beyond the North-South Divide: Litigation's Role in Resolving Climate Change Loss and Damage Claims. Columbia Law School, Sabin Center for Climate Change Law Scholarship Archive, 2023. 14 p.

Applicability of the information intermediary status to digital platform operators

Nikolaev Andrei Alekseevich

Postgraduate student; Department of Law; Moscow University of Finance and Industry Synergy

80e Leningradsky Prospekt, Moscow, 125315, Russia

 and.nikolaev26rus@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the legal status of digital platform operators from the perspective of the information intermediary institution. Special attention is paid to assessing the compliance of the information intermediary status enshrined in Article 1253.1 of the Civil Code of the Russian Federation to digital platform operators, considering their multifaceted nature and specific activities. The features of information intermediaries regulated by Russian legislation are studied in comparison to foreign models—American and European. The peculiarities of applying the status to marketplace operators are analyzed, as well as the issues of recognizing investment platforms as information intermediaries. The

object of the research is the public legal relations arising in the process of functioning of digital platforms and the interaction of their users. The subject of the research is the legal regulation of the status of digital platform operators from the viewpoint of the information intermediary institution. Methodology: A comprehensive legal analysis has been used—a comparative study of domestic and foreign regulations, as well as an interpretation of the norms of Russian legislation in light of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation and Arbitration Courts. The emphasis is placed on identifying the characteristics and criteria of information intermediaries concerning digital platform operators. The novelty of the research lies in the comprehensive analysis of the concept of an information intermediary in the context of the dynamically developing platform economy of Russia. This work systematizes the mechanisms for implementing the information intermediary institution concerning digital platform operators, taking into account recent legislative changes, including Federal Law No. 289-FZ on platform economy. The research identifies and critically assesses existing contradictions and gaps when qualifying digital platforms as information intermediaries, particularly regarding marketplaces and investment platforms, which is relevant for the further development of theory and law enforcement in this field. The status of an information intermediary is an important legal institution that protects the interests of participants in civil legal relations in the digital environment. However, not all digital platform operators can automatically claim this status. The effective application of the institution depends on compliance with the characteristics of technical passivity, neutrality, and prompt response to violations. The application of the status to investment and specialized platforms requires further research and practical consideration. A comprehensive study of the legislative framework and judicial practice contributes to balanced regulation and risk reduction, fostering the development of the digital economy.

Keywords: mediation, intermediary liability, e-commerce, investment platform, intellectual property protection, platform economy, digital platform operator, digital platform, information intermediary, limits of liability

References (transliterated)

1. Abdrakhmanova G. I., Gokhberg L. M., Dem'yanova A. V. i dr. Platformennaya ekonomika v Rossii: potentsial razvitiya. – Moskva: Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy NIU VShE, 2023. – 90 s. – Rezhim dostupa: https://www.researchgate.net/publication/371170463_Platformennaa_ekonomika_v_Rossii_potencial_razvitiya (data obrashcheniya: 20.11.2025).
2. Volkov N. S., Emel'yanov A. S., Efremov A. A. i dr.; otv. red. Tereshchenko L. K. Tsifrovye platformy – organizatsionno-pravovaya forma vzaimodeystviya v obshchestve: monografiya. – Moskva: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii : Infotropik Media, 2025. – 244 s.
3. Ivanov N. V. Otvetstvennost' za narushenie iskluchitel'nykh prav: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2025. – 360 s. EDN: EGVYRT.
4. Nikolyukin S. V. Posrednicheskie dogovory. – Moskva: Yustitsinform, 2010. – 224 s. EDN: QRMXZL.
5. Peremena lits v obyazatel'stve i otvetstvennost' za narushenie obyazatel'stva: kommentarii k stat'yam 330-333, 380-381, 382-406.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [Elektronnoe izdanie. Redaktsiya 2.0] / otv. red. A. G. Karapetov. – Moskva: M-Logos, 2022. – 1582 s. – (Kommentarii k grazhdanskomu zakonodatel'stvu #Glossa).
6. Altukhov A. V., Kashkin S. Yu. Pravovaya priroda tsifrovyykh platform v rossiiskoi i

- zarubezhnoi doktrine // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2021. – T. 16. – № 7. – S. 86-94. – DOI: 10.17803/1994-1471.2021.128.7.086-094. EDN: KUNBTV.
7. Andreeva L. V. Transformatsiya pravovogo ponyatiya posrednika pri primenении tsifrovyykh tekhnologii v togovom oborote // Pravo i tsifrovaya ekonomika. – 2024. – № 2. – DOI: 10.17803/2618-8198.2024.24.2.005-012. EDN: IXATMN.
 8. Andreeva L. V. Soglasovanie interesov uchastnikov tovarnykh tsifrovyykh platform (marketpleisov): pravovye problemy // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. – 2024. – № 8 (120).
 9. Varlamova A. N. Kategorii "tsifrovaya platforma" i "tsifrovoy tovarnyy rynek" dlya tselei konkurentnogo prava // Konkurentnoe pravo. – 2025. – № 4. – S. 6-12. DOI: 10.18572/2225-8302-2025-4-6-12. EDN: OJIUIX.
 10. Zhevnyak O. V. Tsifrovaya platforma kak tekhniko-tekhnologicheskii fenomen i ego pravovoe znachenie // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. – 2024. – № 4. – DOI: 10.17072/1995-4190-2024-66-541-561. EDN: NFSNGI.
 11. Kartskhiya A. A. Tsifrovye korporatsii v novom kachestve upravleniya // Grazhdanskoe pravo. – 2020. – № 4. – S. 22-26. DOI: 10.18572/2070-2140-2020-4-22-26. EDN: GCRZKU.
 12. Lepeshin D. A., Petkilev P. I. Otvetstvennost' marketpleisa-informatsionnogo posrednika // Tsivilist. – 2025. – № 4. – S. 14-20. EDN: ZXHUTW.
 13. Lorents D. V. Informatsionnye posredniki (providery) v Rossii i zarubezhnykh stranakh: priroda, sushchnost' i tipologiya // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii. – 2020. – № 5. EDN: OFVNYI.
 14. Sayapin S. P. O vozmozhnosti kvalifikatsii operatora tsifrovoy investitsionnoi platformy v kachestve informatsionnogo posrednika // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2024. – № 2. – DOI: 10.24412/1608-8794-2024-2-292-299. EDN: PRVNHQ.
 15. Filippova S. Yu., Kharitonova Yu. S. Tsifrovye platformy v prave i pravo tsifrovyykh platform: novye vyzovy zakonodatel'nykh i puti ikh resheniya // Pravovedenie. – 2025. – T. 69, № 1. – S. 58-75. – <https://doi.org/10.21638/spbu25.2025.104>. EDN: MUSVZT.
 16. Fomina O. N. Pravovaya priroda otvetstvennosti informatsionnogo posrednika // Grazhdanskoe pravo. – 2022. – № 2. – DOI: 10.18572/2070-2140-2022-2-33-36. EDN: PDJAXG.
 17. Protokol № 10 zasedaniya rabochei gruppy Nauchno-konsul'tativnogo soveta pri Sude po intellektual'nym pravam ot 22 aprelya 2015 g. [Elektronnyi resurs] // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. – 2015. – № 9. – S. 11-20. – Rezhim dostupa: <https://ipcmagazine.ru/court/1729477/> (data obrashcheniya: 20.11.2025).
 18. Kak tsifrovye platformy menyayut ekonomiku // RBK. – 2025. – 20 noyabrya. – Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/industries/news/68407d3c9a7947268f72e7f6> (data obrashcheniya: 20.11.2025).
 19. Ozon. Usloviya bronirovaniya aviabiletov [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.ozon.ru/common/pravila-prodayoi-i-rekvizity/ozon-travel/conditions-booking-air-tickets/-country=RU> (data obrashcheniya: 20.11.2025).